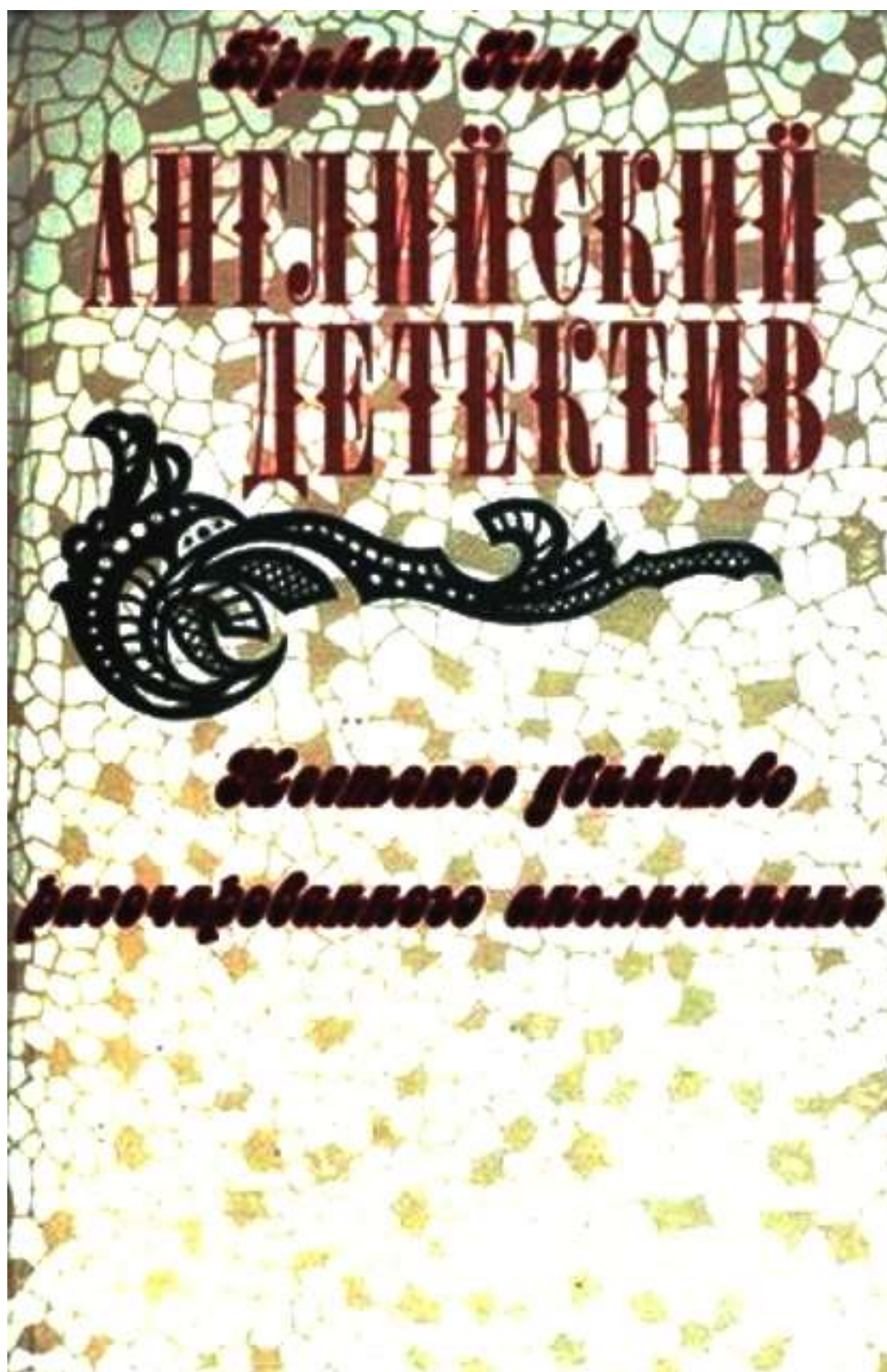

Брайан Клив

**ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО
РАЗОЧАРОВАННОГО
АНГЛИЧАНИНА**

1

Стояла очень тихая темная ночь. Тени от деревьев тянулись по траве к машине. Луна спряталась за облака. Двое мужчин сидели в автомобиле, чувствуя, как темнота и тишина приливной волной захлестывают машину вместе с пассажирами, пока они полностью не слились с лесом. Уши их настроились на лесные шорохи, глаза стали различать контуры деревьев.

Мужчины долгое время прислушивались. Наконец водитель рукой в перчатке дотронулся до плеча своего спутника – оба открыли дверцы и, продолжая прислушиваться, ступили на траву. Выждав с минуту, водитель обошел вокруг машины, ключом открыл багажник. Второй присоединился к нему; они наклонились и вытащили из багажника находившегося там мужчину. Осторожно опустили его на траву, и водитель, закрыв багажник, положил ключ в карман. Затем они подняли человека и понесли по тропинке в лес.

Шли долго, пока не оказались на полянке. Из-за облаков вышла луна – впереди блеснул ручеек. Он неслышно бежал по камням и мху. Водитель и его спутник поставили человека на ноги и отпустили – тот упал головой к ручейку, лицом вверх. Водитель достал из кармана револьвер. Второй движением руки остановил его, опустился на колени рядом с лежавшим, взял его за руку и пощупал пульс. Немного погодя удовлетворенно кивнул. Затем взял мужчину двумя пальцами за подбородок и чуть повернул голову. Даже в таком состоянии ясно было, что это лицо интеллигента. Лицо человека разочарованного, получившего от жизни куда меньше, чем он рассчитывал.

Мужчина с револьвером в свою очередь опустился на колени, вложил оружие в правую руку лежащего, просунул его указательный палец сквозь скобу на спусковой крючок, а своим большим пальцем надавил на предохранитель, пока не раздался щелчок. Тогда он приставил дуло револьвера к виску потерявшего сознание человека и, обхватив обеими руками в перчатках его вялую руку, нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела был совсем негромким – так ломается гнилая ветка на дереве. Несколько секунд в воздухе слегка пахло паленым. Запах исчез, одновременно затихло и слабое эхо выстрела. Снова воцарилась тишина. Водитель поменялся с убитым ботинками. Как ни странно, завязывать теплые ботинки на ногах мертвеца оказалось делом нелегким, и водитель кряхтел от напряжения. Наконец он разогнулся и сунул снятые с покойника ботинки в карманы своего пальто. Его спутник с самого начала был без обуви, в толстых шерстяных носках, натянутых на брюки.

Мужчины осветили землю фонариком там, где могли остаться следы от их колен, осторожно разгладили траву руками. Затем водитель положил ключи от машины в карман мертвецу, они осторожно перешли по камням через ручей и зашагали в сторону, противоположную той, где осталась машина. Через полмили лес кончился, мужчины пересекли пустое поле. В конце его были ворота, за ними стояла машина, в салоне которой горел свет. Подойдя поближе, убийцы различили на переднем сиденье мужчину и женщину. Тихо свистнули – женщина взглянула на них и кивнула. Они прошли через ворота, сели на заднее сиденье.

– Все... все в порядке? – спросил мужчина, сидевший впереди. Его лысину

прикрывали светлые длинные и жидкие пряди волос, напоминавшие желтые водоросли, распластанные на белом камне. Когда он заговорил, его толстые обвислые щеки затряслись от страха, маленькие пухлые ручки вцепились в руль, будто он боялся упасть. От него шел запах пота и ужаса.

Водитель первой машины наклонился вперед, и женщина дала ему сигарету.

– А разве могло быть по-иному? – заметил он.

Вспыхнула спичка – ее пламя осветило лицо словно отлитое из бронзы, гладкая кожа блестела на мощных скулах, точно полированный металл, черные гладкие усы напоминали усы хищного зверя. Тыльной стороной ладони он дотронулся до щеки женщины, когда та давала ему прикурить, – женщина вздрогнула. Но головы не отвернула.

2

– «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной. Твой жезл и Твой посох, они успокаивают меня».

Глубокий мелодичный голос священника походил на голос актера. Белого батиста стихарь, кружева, расшитая епитрахиль. Цветы, тени, теплый блеск начищенной меди. Стоя на коленях в третьем ряду от вдовы и самых близких родственников умершего, Шон делал вид, что молится, а сам наблюдал за ними сквозь сложенные на уровне лица руки. Никто не спросил его, кто он, почему приехал на похороны.

– «Буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною...»

Гроб на невидимых колесиках стоял перед ними на высоком, задрапированном материей столе. Скоро откроются медные дверцы в другом конце стола, колесики завертятся, и гроб исчезнет в пламени.

Голова покойного лежала на белой шелковой подушке так, что изуродованной выстрелом стороны лица не было видно. На полированной красного дерева крышке гроба венки: «От любящей жены Мэри-Элизабет», «От друзей с телестудии «Мидлэнд телевижн», «От Эдварда Брайса, эсквайра», «От мисс Евы Ланд».

Шон попытался отыскать этих людей среди присутствующих, но эта задача оказалась невыполнимой. Маленький человечек с большой головой огурцом стоит на коленях рядом с вдовой, жидкие светлые волосы зачесаны поперек лысины в попытке ее скрыть, – кто он: брат вдовы или покойного? По другую руку вдовы – пожилая женщина в вуали. Мать умершего? Рядом с ней – девушка в черной мантилье на блестящих темных густых волосах. Ее спутник – толстый, перезрелый молодой человек с бесцветным, каким-то мальчишеским лицом. Шон видел, как они приехали вместе на красной спортивной машине. Может быть, они «друзья с телестудии «Мидлэнд телевижн»?

Здесь много друзей Олафа Редвина, телевизионного продюсера, который семнадцатого июня, около трех часов ночи, в состоянии помешательства покончил жизнь самоубийством в Гоффском лесу близ города Лирем, выстрелив из револьвера себе в правый висок.

– «Я у вас пришлец и поселенец...» – Священник поднял руки, вверх взлетели белые рукава, кружева, батист, чуть пахло лавандой. Голос его был преисполнен сострадания, вечной печали перед лицом смерти. Интересно, подумал Шон, искренни

ли его чувства? Может, это просто работа?

Как и у тебя? – не без горечи спросил он себя. Он закрыл лицо руками, с силой прижал ладони к губам – губам мужчины, вся жизнь которого – сплошные нервы; этот плотно сжатый рот с опущенными уголками придавал ему вид человека буйного, опасного; прямой крупный нос, черные брови нависают над глубоко посаженными, как будто все время затуманенными глазами, одну из бровей пересекает шрам. Шон вдавил пальцы себе в лоб. Зачем он этим занимается?

Из преданности? Чему? Он почувствовал, как его губы искривились. «Наш наемник, – обычно говорил старый мистер Драйберг с деланным ирландским акцентом. – Наш доблестный ирландский солдат удачи». Тут рот у старого козла начинал кривиться от беззвучного смеха, обнажая длинные желтые зубы и осевшие десны. Шон и мистер Драйберг с самого начала возненавидели друг друга – с того дня, когда почти пять лет назад Шона выпустили из тюрьмы и он стал работать в Управлении. Но ненависть Шона объяснялась все же чувством уважения к старику. В конце концов и старик незадолго до того, как вышел на пенсию, получил награды и уехал на север Шотландии заправлять небольшой гостиницей для рыболовов, стал питать к нему такое же чувство.

«Как-нибудь приезжай и поживи у нас – я тебе покажу, что такое настоящая рыба без жареной картошки.¹ Ты хоть знаешь, что они могут существовать отдельно?»

Иногда Шону казалось, что он готов отдать месячное жалованье, лишь бы старый дурак вернулся на работу, лишь бы выслушивать оскорбления Драйберга, видеть несвежее, восковое лицо старика, склонившегося над столом в «лавке»² и подсчитывающего барыши. А майор... Шон сжал кулаки так, что ногти чуть не прорвали кожу. В последний раз он видел майора с болезненно-серым лицом, помертвевшими глазами, похудевшего от болезни, к которой прибавились страшное разочарование и отчаяние.

А сейчас за столом, где еще полгода назад сидел майор, восседает капитан 2-го ранга в отставке Оливер Рэнделл, королевский Военно-морской флот, новый начальник Управления, чистенький, подтянутый, стройный, исполненный презрения. «Я хочу, чтобы на моем корабле команда была всем довольна. Но дисциплина чтоб не шалила. Я понимаю, что при прежнем руководстве дела здесь велись... по-дилетантски. Мы это все изменим. В кратчайшие сроки». И узкие губы актера кривились в улыбке, обаятельной, одновременно коварной и снисходительной.

Шон отнял руки от лица, сцепил на деревянной спинке стоявшей перед ним скамьи. Чего ради он остается в Управлении? Ради майора? «Не уходи, Шон. Работы все еще полно, и работу эту стоит делать».

А Маргарет? Может, она тоже одна из причин? И из-за нее стоит сидеть в Управлении?

«Я уже писала несколько заявлений об уходе, – сказала Маргарет после первого месяца «правления» Рэнделла. – Не подаю их только потому, что он этого дожидается.

¹ Речь идет об одном из наиболее популярных английских блюд – рыбе с жареной картошкой.

² Общепринятое в Англии жаргонное название различных секретных служб.

Да еще из-за майора. И еще...»

Зачем сидеть на этой работе? Сколько раз он задавал этот вопрос в маленькой, освещенной пламенем камина спальне. Задал он его и в последний раз, когда они с Маргарет лежали в зимней темноте, он гладил ее и думал, сколько пройдет времени – недели, месяцы? – прежде чем он снова коснется ее тела, проведет рукой по ее гладкой коже, узким бедрам, неожиданно пышной груди. «Мы могли бы пожениться. Я же могу и другим заниматься, а не только этим...»

Она не ответила, лишь покачала головой, взяла его руку и прижала к своей груди. Как будто об этом говорить им не стоило; она может спать с ним, делить постель, но мыслями делиться не собирается. Казалось, она хотела внушить ему: у меня свой внутренний мир, тебе туда нет входа – ты слишком мало обо мне знаешь, слишком от меня далек. Этот барьер стоял между ними с самого начала, не исчез он и по сей день.

«Потому что я ирландец? Потому что сидел в тюрьме?» – неоднократно спрашивал он. Она только улыбалась и ничего не отвечала. Как и сейчас. Маргарет прижимала его руку к своей теплой груди и молчала. Может, она думала, что он не поймет ее ответа? Что она работает не на Рэнделла, не ради денег, а во имя некой идеи, некоего идеала, который понятен ей, майору, мистеру Драйбергу, а вот «наемнику», обычному «ирландскому солдату удачи» этого не объяснишь, даже если он и годен в любовники.

«Почему же нет?» – глупо спросил он тогда, распаляясь гневом, как будто гнев мог быть компенсацией за последний месяц унижений, предстоящее через пять часов расставание и последующее одиночество.

«Ты же знаешь, я не могу», – прошептала она таким тоном, что стало ясно: разговор окончен, не стоит его и продолжать. Шон включил ночник, приподнялся на локте, посмотрел на нее сверху вниз: в сумерках ему показалось, что губы Маргарет презрительно скривились. «Мне холодно», – сказала она, накрылась одеялом и отвернулась.

И он ушел; оделся, заехал к себе на квартиру, а потом улетел, не позвонив и не написав ей. Девица в Венеции была мстью, тщетной мстью, о которой он пожалел, еще лежа с ней в постели. А когда Шон вернулся, Маргарет все знала: Мэссингем был в курсе и рассказал Рэнделлу. А тот рассказал ей. С тех пор они разговаривали только по служебным делам. Она смотрела на него даже не холодно. Просто безразлично, как будто между ними никогда ничего не было. Иногда по ее губам Шон догадывался, что она чувствует: она чуть-чуть сжимала их, когда они встречались, разговаривали.

Почему я не уйду, думал он. Ну почему, почему?

«Давай работать вместе, – предложил ему как-то Ник-коло. – Мы же с тобой сумасшедшие, вкалываем за гроши на тупые, ни к черту не годные правительства, которые вышвырнут нас, как стряхивают пепел с сигареты, когда мы не будем им нужны. – Как майора. – Подберем несколько человек вроде нас с тобой, Джованни mio³, обученных, опытных, без иллюзий. Мы сможем как следует заработать, это я тебе обещаю. И никаких предательств и прочих неприятных вещей. Обычный бизнес».

Иными словами, промышленный шпионаж. Никколо не давал Шону заснуть до

---

³ Мой (итал.).

четырёх утра в их последнюю встречу, старался убедить его. Почему он не дал уговорить себя лейтенанту отдела «С» итальянской контрразведки Никколо Туччи, который гоняет на маленьком «фиатике», испытывая при этом чувство жестокой ненависти, и мечтает о «мерседесах» и крупных покорных женщинах? Почему? Он был бы хорошим партнером, хорошим компаньоном.

Из-за майора? Я прямо как ребенок, думал Шон, сцепив зубы, прижав к ним костяшки кулаков. Почему я всегда должен на кого-то опираться? Почему я выдаю отсутствие смелости за преданность делу, за служение идеалу? Пустота в душе Шона была как крошечная тьма, как мука, он засунул костяшки пальцев в рот, чтобы не застонать, не привлечь к себе внимания в этой притихшей часовне, где в полутьме царствовала благородная смерть зажиточного пригорода.

Не такие ли чувства испытывал покойный телепродюсер Олаф Редвин, когда взял револьвер в правую руку на маленькой полянке и снес себе пол-лица? «Человек не должен много думать, – сказал как-то Никколо, – а то неизбежно покончит с собой. Поэтому-то господь бог и создал женщин». Тут он вперил свои страждущие масленисто-черные глаза в спину какой-то немецкой актриски, которая проходила в это время по улице мимо их столика в ресторане «Флориан».

Та же пустота? Та же тупая боль? Зачем же я вернулся?

– Сейчас мы предадим огню тело нашего дорогого брата. Делаем мы это в уверенности и в надежде...

Надежде на что? Шон закрыл глаза, чтобы не видеть, как гроб медленно, на скрытых колесиках, заскользил к квадратным медным дверцам. Вдова зарыдала громко и неожиданно – рыдания, страшные в своей реальности после деланного профессионального сострадания священника, разорвали тишину. Гроб исчез, медные дверцы закрылись, пряча отблески огня.

Священник повысил голос, проливая бальзам на души собравшихся:

– ...славного возрождения вечной жизни.

Мужчина с жидкими светлыми волосами обнял вдову за плечи, на секунду прижал к себе.

– Давайте помолимся.

Спустя пять минут все уже стояли на улице в слабых лучах предвечернего солнца. Двое мужчин безраздельно завладели вдовой и пожилой женщиной – тот, что был рядом с вдовой в часовне, и другой, более могучего телосложения, с бронзовым загорелым лицом и густыми черными усами. Лысый был бледен, явно нервничал, держался напряженно. Толстый молодой мужчина прервал их разговор, схватив обеими руками затянутую в перчатку руку вдовы, он произнес:

– Это ужасно... представить себе нельзя... но если можно чем-то помочь... – У него был высокий и громкий голос. Рядом с ним стояла девушка с таким видом, будто оказалась здесь случайно. Отвернувшись от остальных, она смотрела на часовню.

Шон подошел ближе, вроде бы дожидаясь своей очереди выразить соболезнование вдове. «Не могу подсказать тебе, что надо искать, – сказал ему майор. – Я даже не уверен, что тут вообще что-то есть».

У девушки было крупное, широкоскулое лицо, очень бледное под черной мантилей, и тяжелая копна волос. Сейчас, когда солнце упало на них, они оказались совсем не черными. Скорее, цвета закопченной красной меди. Она в упор посмотрела на Шона, затем отвела взгляд, так и не увидев его. В ее зеленых, раскосых, почти как у китаянки, глазах стояли слезы.

На ней было свободного покроя черное полотняное пальто, под ним – темное облегающее платье; малейшее движение выявляло богатство форм, некое смуглое великолепие. Более чем просто одна из числа «друзей с телевидения»? Она подняла руку, натянула черную кружевную мантилью на лоб, затеняя глаза и часть лица. У нее были красивые мягкие полные губы. Любовница Редвина? Ни один человек, имея такую любовницу, не покончит жизнь самоубийством... разве только она бросит его. «Поэтому-то господь бог и создал женщин».

Молодой толстяк без лишней деликатности схватил ее за руку и потянул прочь; его маленькие, блестящие подозрительные глазки, похожие на две смородины в жиру, на мгновение встретились с глазами Шона.

Они подошли к красной спортивной машине дорогой итальянской марки, толстяк что-то зло зашептал девушке. В повороте его головы, сгибе руки, которой он буквально втолкнул свою даму в машину, сквозило не просто плохое настроение человека, уезжающего с похорон. Откидываясь на спинку сиденья черной кожи, девушка еще раз встретила взглядом с Шоном. Похоже, разговор был о нем. Кто этот молодой толстяк – ревнивый нелюбимый муж? Машина рывкнула, рванулась с места; водитель, намеренно не замечая Шона, опасно развернулся совсем рядом, чуть не задев его ноги широким крылом. Но пассажирка обратила на Шона внимание – в ее раскосых глазах читалось нечто большее, чем любопытство.

Набирая скорость, машина подлетела к воротам, чуть не столкнулась с въезжавшим катафалком, резко затормозила, снова набрала скорость и с торжествующим и презрительным ревом исчезла на шоссе, ведущем в Лондон. Шон залез в свой разваливающийся, купленный у пярых владельцев «ягуар», и почувствовал зарождающийся интерес к заданию. Он долго смотрел вслед уехавшей машине и вспоминал тяжелое, полусонное женское лицо, особенно глаза.

Расходились и остальные, освобождая место для следующих похорон. Крупный мужчина с густыми черными усами и загорелым бронзовым лицом киплинговского солдата помогал вдове сесть в большой, взятый напрокат лимузин. Пожилая женщина уже сидела в машине. Шон завел свой автомобиль, подал его немного вперед и выехал из ворот вслед за лимузином. Тот свернул направо, прочь от Лондона, и покати к центру Лирема.

Чуть не доехав до центра, лимузин снова свернул направо и поехал по пригородам, бывшим деревням, которые становились все фешенебельнее и фешенебельнее, к дому 37 по Эйлшем-роуд. Это был приятного вида двухэтажный особняк псевдоякобитского стиля, с окнами, забранными ромбовидным стеклом, и тщательно подстриженным газоном, тянувшимся от застекленной веранды до ворот. Такой дорого стоит. Может, даже слишком дорого для телепродюсера?

Шон затушил сигарету в переполненной пепельнице, вышел из машины и направился через улицу к кованым железным воротам. «Не могу подсказать тебе, что

надо искать. Я даже не уверен, что тут вообще что-то есть». А если еще Рэнделл узнает, что он разнюхивал, то могут быть неприятности. Впрочем, глядишь, оно и к лучшему. Шон нажал на звонок из кованого железа, спрятанный за висячей корзиночкой с цветами, и услышал мелодичный звон в доме. Долгое время было тихо. Что он скажет вдове? Какой может задать вопрос – ведь ее обо всем уже спрашивали на следствии.

Следствие провели очень быстро, очень просто. Видимо, и полиция, и судебно-медицинский эксперт, и Рэнделл считали, что все ясно. Только майор думал иначе. И снова в голове Шона зашевелилась подленькая, словно внушенная Рэнделлом мысль: майор же старый, гораздо старше душой, чем ему на самом деле лет, совсем больной, от всего отошедший. А еще отчаянно пытается быть при деле и, вероятно, ради этого придумывает бог весть что.

За толстым, янтарного цвета стеклом двери мелькнула тень. Открыла пожилая женщина: нос крючком, злые, запавшие, выцветшие голубые глаза, пряди седых волос, на сутулых худых плечах – гонкий серый трикотажный жакет.

– Я инспектор Райен, – сказал Шон. – Могу я увидеть миссис Редвин?

Женщина взглянула на него.

– Мы только что вернулись с похорон моего сына и никого не принимаем. – В ее говоре слышался еле заметный иностранный акцент. Мать Редвина – норвежка, вспомнил Шон.

– Я знаю, – поспешил он заверить. – Ни за что не приехал бы сегодня, но...

Она пронзила его взглядом.

– Вы были на похоронах. Зачем?

– Я...

В холл вышла вдова.

– Кто это?

– Я из Спецслужбы, – представился Шон. – Мне бы хотелось...

Когда-то эта высокая женщина была красива. А сейчас – явно крашенная шатенка, с расплывшимися чертами лица. Глаза – красные от слез.

– Я просила его уйти, – сказала пожилая женщина, пытаясь закрыть дверь.

Шон незаметно вставил в просвет ногу.

– Ладно, – сказала вдова, – заходите. Вы что, недовольны результатами расследования? – Голос ее дрожал от ненависти. – Чего же вам еще надо?

– Всего несколько минут. Я постараюсь быть кратким.

Она проводила его в гостиную: мебель, обитая ситцем, цветы, кабинетный рояль, фотографии в серебряных рамках. По большей части – мужчины в военной форме. Свадебная фотография (интересно, ее ли это свадьба?). Шон придвинулся поближе, чтобы лучше рассмотреть снимок. Высокий стройный молодой офицер – брюнет, даже жгучий брюнет – застенчиво улыбается, новобрачная гордо смотрит на него; сзади – расплывающиеся фигуры: двое военных держат над супружеской парой скрещенные

сабли.

Шон отвернулся в надежде, что вдова не заметила его любопытства: ему неожиданно стало стыдно, будто он увидел то, что незнакомые люди не должны видеть. О чем мечтали они в тот день? Наверняка все вышло наоборот.

– Так в чем же дело?

Он замялся: стоит ли спрашивать ее, что она подразумевала под расследованием. Неужели Спецслужба действительно добралась до нее?

– Незадолго перед тем, как ваш муж... умер, он попытался связаться с одним из наших... отделов и поместил объявление в газете «Таймс». У него якобы были для нас «страшные новости». Мы не успели выйти на связь – ваш муж застрелился. Он не говорил вам что-нибудь об этом?

Она странно посмотрела на него, будто не понимая, о чем он спрашивает. Пожилая женщина, которая вошла в комнату вслед за ними и, словно дуэнья, села на стул рядом с дверью, наклонилась вперед:

– Застрелился? Застрелился! Моего сына убили! Давайте не будем лгать здесь, в этом доме, за его стенами рассказывайте что угодно!

– Мама, прошу вас, не надо. – Вдова закрыла глаза. – Я не понимаю, мистер...

– Райен.

– Мистер Райен. Мы уже говорили обо всем!

– Давайте поговорим еще раз, – сказал Шон, пытаясь нащупать почву. – Расскажите мне все с самого начала.

– Да что тут рассказывать? Когда Олаф начал снимать фильм о цветных в Англии, он слишком много узнал про них. И тогда его убрали. – Она откинула голову на подушки кресла; напряженное лицо выдавало, как трудно ей держать себя в руках.

– Что же он узнал? – мягко спросил Шон. Похоже, в комнате появился призрак правды, позвякивая скорбными цепями безумия.

– Ему стало известно, что существует мировой заговор цветных с целью уничтожить нас, – устало выговорила вдова, словно произносила общеизвестную истину, не требовавшую особого пафоса. – У них широко разветвленная организация в нашей стране. – Напряжение исчезло с ее лица, осталась лишь усталость. И горечь. – Сколько жертв можно требовать от одного человека? Во время войны его заклеили как труса. Теперь он – самоубийца. Вам не кажется, что вы исчерпали свои вопросы?

– Простите, – извинился Шон, прикидывая, как бы уйти так, чтоб было не очень неудобно. – А больше его ничто... не тревожило? – Он сказал это, не думая, просто чтобы сказать что-то перед уходом.

Вдова широко раскрыла глаза, посмотрела на Шона, будто он ударил ее.

– Больше ничто?.. – прошептала она. – Вы что же... не верите?

– Говорила я тебе, – вмешалась пожилая женщина. – Они же тебя дурачили. Лишь бы заткнуть тебе рот. – Она поднялась и нагнулась над Шоном. – Смеетесь? – И жестом отменяла его возражения, словно смахнула с лица паутину. – Вы же такой умный, обходительный и добрый молодой человек. Самое главное, чтоб мы молчали,

чтоб никто ничего не узнал и не сказал ничего плохого про наших славных цветных, которые так нас любят. – Ее голос становился все громче, брызги слюны холодными каплями окропили ему лицо, словно дождь. – Но будете ли вы так смеяться, когда наступит Судный день, когда мы будем голодать и умирать, когда солдаты с раскосыми глазами будут топтать искалеченные тела женщин и детей, а таких мужчин, как вы, угонят в Азию, в рабство, в концентрационные лагеря? Если вам повезет, и вы до всего этого доживете.

Шон встал.

– Прощу вас, извините, что я вас расстроил.

– Расстроили? – Вдова тоже встала, лицо ее покраснело, стало похожим на бумагу, по которой мазнули румянами. – Он умер. А вы велите мне молчать, ничего не делать, предоставить все вам...

– Кто вам это сказал?

– Майор Кэннон, разумеется.

– Они ничего не станут делать, – прошипела пожилая женщина. – Ничего. Я же тебе говорила, это все для того, чтоб ты молчала! Они берут взятки, их можно купить; они думают, им за это дадут высокие посты, наградят, поверят. Увидите, мистер Райен, увидите, что будет, когда придут ваши хозяева. – Она вцепилась в его рукав и принялась трясти, по-прежнему брызгая слюной ему в лицо; ее вставные челюсти ходили ходуном.

Шон попятился, попытался что-то сказать. Пожилая женщина преследовала его через холл до входной двери и на прощание прошептала:

– В один прекрасный день вы все узнаете. Но будет поздно.

Он пошел по тропинке.

– Предатель! – кричала она ему вслед. – Ты предал свою расу!

За спиной Шона захлопнулась дверь. Он остался один среди роз «Глуар де Дижон», благородных, ухоженных газонов и двух уходивших вдаль рядов живой изгороди: вечернее солнце отражалось в стеклах дома напротив. Он сел в машину, закурил. К собственному удивлению, обнаружил, что руки его дрожат. Печально, но факт. И непонятно: кто такой майор Кэннон?

Шон курил, размышляя над этим. Перед ним тянулась пустая спокойная улица, все тут было угнетающе нормально и незыблемо. Двое мальчиков в красивых красных пиджаках с металлическими пуговицами и чистеньких фланелевых брюках проехали домой на велосипедах из явно благополучной школы. Сумасшествие, самоубийство, мания преследования прятались за живыми изгородями и окнами с ромбовидным стеклом. В скольких еще домах гнездилось подобное безумие? Сколько было полковников в отставке, уверенных в том, что коммунисты проникли в их гольф-клуб или отравили их хризантемы перед самой выставкой цветов?

На мгновение Шону стало страшно и жутко: он представил себе, каково жить этим двум женщинам в доме, откуда он только что уехал. Как бы это воспринял майор Кортни?

Он завел машину, стараясь не думать о своем бывшем начальнике майоре Кортни,

но что-то другое не давало ему покоя. Другой майор. Майор Кэннон. Сумасшедший сосед? «Это заговор. Вашего мужа убил злодей китаец. Никому ни слова. Расследование ведет отдел Икс. Доверьтесь мне». Что-нибудь в этом духе. И однако же...

Эта мысль продолжала тревожить его, хотя он проехал уже полдороги до Лондона. Тут он увидел вывеску гостиницы «Дилижанс» и вспомнил, что не обедал. На вывеске был изображен краснолицый толстяк кучер в шикарной темно-зеленой ливрее и десятке накидок, осушающий галлоновую кружку пива. Почувствовав голод, Шон свернул на стоянку и, предвкушая бифштекс и пиво, забыл о майоре Кэнноне. Вслед за ним на стоянку въехала еще машина – из нее вышли двое мужчин. Шон зашел внутрь. В холле деревянные панели, медные украшения. Подделка под лошадиную сбрую и гравюры со спортивными сюжетами. Над баром висел латунный рожок кучера дилижанса, на стенах – гравюры, изображающие знаменитые дилижансы, календарь с иллюстрациями к произведениям Диккенса: мистер Пиквик с друзьями, наевшиеся до состояния веселого одурения. Но ни бармена, ни официантов не видно.

Он вышел через единственную дверь в пустой коридор, который вел в мужской туалет. Двое мужчин, подъехавшие чуть позже, следовали за ним. Шон осмотрелся и сказал, чтобы не молчать:

– По-моему, здесь все умерли.

Мужчины кивнули, что-то буркнули и встали у свободных писсуаров по обе стороны от него. Шон шагнул было прочь, но тут человек, стоявший справа, резко развернулся, схватил его левой рукой за лацканы, приподнял и дернул на себя.

– Ах ты, сволочь! – закричал он. – Ты видел, Питер, что он сделал? – И с этим криком замахнулся правой рукой. Шон увидел движение; увидел молодое, жестокое, мускулистое лицо с холодными безразличными глазами, которые с ледяным спокойствием оценивали ситуацию; увидел, как взлетела рука с вытянутыми вперед пальцами – словно широкое лезвие кинжала. Шон хотел было поднять руки, но его сбили подножкой, руки схватили сзади, завели за спину. Вытянутые пальцы ударили ему прямо в солнечное сплетение – Шону показалось, что из него выпустили кишки. Он сложился пополам; последовал удар локтем в челюсть. Шон ничего не видел, не соображал, только почувствовал еще один удар. Коленом или локтем? Он даже не понял, куда его ударили. Чьи-то руки потянули его за пиджак. Теперь он лежал лицом на холодном мокром полу. Затем провалился в пустоту.

Очнувшись, ощутил на губах вкус крови и рвоты, внутри – жгучая боль, будто его разрезали пополам. Шон попытался собраться с мыслями, но голова, точно детская игрушка, начала раскалываться на кусочки и снова складываться, все быстрее и быстрее. Шон прислонил голову к чему-то белому и холодному. Раздался шум – вода полилась ему на голову, на шею, за рубашку; от неожиданности он пришел в себя. Попытался встать, но было трудно даже пошевелиться. Координации никакой и никаких сил.

Кто-то зашел в туалет, вскрикнул. Послышались голоса. Грубые руки схватили его. Потянули, встряхнули и поставили на ноги.

– Боже мой, он весь в крови! Какого черта...

Густые рыжие усы, цветной шелковый шейный платок. Второй – в белом халате.

Врач? Откуда врач? Повезло, повезло... Голова закружилась, Шон почувствовал, как тошнота подступила к горлу. Его вывернуло, он покрутил головой. Блевотина попала на каменный пол, на чьи-то замшевые ботинки, высокие желтые носки, низ брюк.

– Черт бы тебя побрал...

После того как Шона вырвало, ему стало легче. Он замерз, был весь в холодном поту, но теперь отчетливо видел, что он в мужском туалете. Мужчина в пиджаке с металлическими пуговицами и цветном шелковом шейном платке отступает от него, рыжие усики искривились от отвращения и негодования, тогда как бармен или официант, причмокивая, делает вид, будто хочет помочь. Шон ухватился за водопроводную трубу, поднялся. Ноги его дрожали, но он мог стоять.

– Двое... – сказал он. – Избили меня. – Ощупал карманы. Бумажник исчез. Шон увидел в зеркале, над раковиной умывальника, свое лицо. Кровь все еще текла у него из носа. Одежда была в пятнах, мокрая, волосы взъерошены.

– Надо его увести отсюда, – сказал рыжеусый. Они с барменом взяли Шона под локти и повели. Рыжеусый держался от Шона подальше, будто от него воняло. Может, оно и так, подумал он. По коридору прошли в кладовую: бутылки в ящиках, на стеллажах, на полках; жестянки с хрустящим картофелем почти под самый потолок; банки с оливками, маринованными вишнями. Там же стоял деревянный стул, на который посадили Шона. Бармен дал ему мокрую тряпку.

– Спасибо, – поблагодарил Шон. – Вы не видели их? Двое молодых в плащах?

Рыжеусый смотрел на него враждебными, налитыми джином глазами. Совсем как глаза Рэнделла, подумал Шон.

– Послушайте, – сказал рыжеусый, – вы в этом уверены? Может, вы просто упали? У меня приличное заведение, никто никого не избивает в туалете... ну, если только за дело... Вот так-то.

Шон прижал мокрую тряпку к лицу. Сначала ему было холодно и больно, потом стало прекрасно. Не хотелось ни думать, ни разговаривать. Похоже, ударили коленом в лицо. Когда он приложил тряпку к левому виску, ему показалось, что голова пробита.

– Я бы на вашем месте, – продолжал рыжеусый, – как следует подумал, прежде чем бросаться такими обвинениями. – Он повернулся к бармену. – Ты видел двоих в плащах?

– Нет, сэр. С полчетвертого, сэр, в баре не было ни души.

– Я зашел в бар после половины четвертого, – заметил Шон, но его сразу же затошнило – с таким усилием далась ему эта мысль и слова. Ребята знали, что делали. Любителями они никак не были. Отнюдь. Надо попытаться подумать, обращаться ли в полицию. Если это простые грабители, не стоит терять время; если же это не грабители, то полиция здесь ни при чем. Почему все-таки его избили?

Хозяин заведения сунул ему в руки полный стакан.

– Выпейте, сразу станет легче. От этого и мертвец из гроба встанет. Я бы на вашем месте поковылял домой и приложил сырое мясо к глазу.

Мясо... бифштекс...

– Вот зачем я пришел, – вспомнил Шон. – Я пришел поесть.

Ему почему-то казалось необходимым все объяснить. Голова по-прежнему раскалывалась на кусочки и снова складывалась.

– У нас, старина, есть не дают. Нет персонала. Так что ковыляйте-ка к себе домой и забудьте о том, что случилось. А в следующий раз я бы на вашем месте не стал так активно мочить глотку. Можно в туалете здорово грохнуться, старина, если ноги вдруг подведут.

Шон выпил предложенный стакан. Запах напитка отдаленно напоминал коньяк, вкус – медицинский спирт, но голова прояснилась. Так что же, эти двое – участники заговора, подставленные кем-то другим? Или просто «хранители» этого заведения? Как сложно и тяжело сейчас над этим думать. Он отдал стакан, закончил приводить в порядок лицо.

– С утра, старина, будете как огурчик. Надо только выспаться.

Они подождали, пока он причесался, отчистил самые заметные следы грязи с одежды, и проводили его через черный ход со словами:

– Не хотим же мы, старина, распугать других клиентов, верно?

Хозяин просто развеселился, когда понял, что неприятностей не будет. Но глаза его оставались холодными и настороженными, как стеклянные глаза на дне стакана с джином. Шон поискал по карманам ключи. Слава богу, хоть их не забрали. Он упал на сиденье машины, они захлопнули за ним дверцу.

– Счастливо, старина. Поезжайте осторожнее.

Ему не хотелось двигаться и даже шевелиться, но они стояли у машины и ждали. Шон медленно выехал со стоянки (от выпитого его развезло). Проехал метров шестьдесят по шоссе и остановился. При всяком движении руками, казалось, мышцы живота разорвутся. Шон вылез из машины, попытался вызвать рвоту, но безуспешно. Медленно прошелся взад и вперед и присел на траву у обочины. Через несколько минут он уже лежал. Майор Кэннон. Майор Кэннон мне это устроил. У него большие рыжие усы и голубые глазки-бусинки. Это его рук дело.

Когда Шон проснулся, уже смеркалось.

3

Он был голоден, промерз до костей, а когда сел, закружилась голова, затошнило. Шон сидел, свесив голову между колен, и пытался привести себя в нормальное состояние. Мимо промчалась машина с включенными фарами, их свет как будто ударил его, пронесся над ним, а следом уже светили другие фары. Где-то в глубине сознания гнезился страх: вдруг они следят за ним и сейчас его поджидают. Шон ничего не мог понять. Как все произошло, почему? И что ему дали выпить? Чистый спирт? На тот случай, если он решит обратиться в полицию? Это что же, значит...

Он залез в машину – какая радость погрузиться в податливую холодную кожу глубокого сиденья, почувствовать, что ты в безопасности. Это же его старая, пусть и готовая развалиться, подруга. Он завел двигатель, включил печку, закурил и продолжал сидеть в темноте, а свет фар пронесившихся мимо автомобилей скользил

по машине, неожиданно и ярко заливал «ягуар», потом внутри становилось снова темно как в могиле. От табака ему стало плохо, и он загасил сигарету. Никто не знал, что он заедет в гостиницу «Дилижанс». Никто этого не мог предугадать.

Может, эти двое – просто мелкие хулиганы, поджидавшие легкую добычу, при условии, если жертва одна и народу вокруг никого? Он попытался вспомнить их лица, движения. Нет, это не хулиганье. Слишком многое они умеют и отлично все делают. Скорее всего, бывшие «коммандос»⁴ – это их холодное спокойствие, быстрота, пугающий профессионализм. Такие обычно работают за большие деньги и на больших шишек. А не ради случайных пяти фунтов в туалете при питейном заведении. Им поручили избить его, и никого другого. Не сделай они этого в «Дилижансе», добрались бы до него в другом месте.

Это означает, что хозяин заведения ни при чем, он не знал, что Шона – да и вообще кого-либо – избьют; он просто заботился о репутации своего захудалого «Дилижанса». Полиция не обратила бы особого внимания на расскази человека, от которого воняет спиртным и рвотой и который пытается выbleвать на пол полицейского участка свой аппендикс.

От одной мысли о блевотине его снова затошнило – он вылез из машины, прислонился к дверце «ягуара», чувствуя себя выжатым, как лимон, слабым, как утопленная кошка, весь в холодном липком поту, однако голова прояснилась. Зачем его так отделали? Имеет ли это отношение к Редвину? И что ему следует предпринять?

Разумеется, поставить Рэнделла в известность о случившемся. Только это будет не просто сложно, а куда хуже. Для майора, естественно. Он сел в машину и медленно поехал в Лондон.

«Я не должен был бы просить тебя об этом», – сказал майор утром. Девять-десять часов тому назад. Теперь, казалось, это было давным-давно. Они пили «шерри» в маленькой, невыносимо чистой гостиной майорского дома. Да и весь дом был маленький, как игрушечный. Портрет королевы Анны на стене, деревянные панели, все блестит и обставлено как надо; малюсенький садик под эркерами, зеленый бархат газончика, красный кирпич, три старых сливовых дерева – просто иллюстрация к журнальной статье «О подлинной Англии». Но ведь майору это совершенно не нужно – ему необходимы духота, беспорядок, рассыпанный табачный пепел, громоздкая, безобразная, неудобная викторианская мебель. Похоже, майор стал пленником своей домоправительницы, старой шотландки, которая всю жизнь убирала, наводила блеск, неодобрительно относилась к образу жизни хозяина дома и беспокоилась о его здоровье, которое было ни к черту и нуждалось в том, чтобы о нем беспокоились.

Уход на пенсию за один вечер превратил майора Кортни в старика. Шон помнил тот самый момент, когда майор из «старины» превратился в никому не нужного старика с выцветшими глазами, в мешковатом костюме, – старика, измученного сознанием того, что от жизни уже нечего ждать. Произошло это, когда майора провожали на пенсию. Трудно назвать это «торжеством» – скорее, речь шла о небольшом печальном «событии» с распитием бутылки шампанского из одолженных у других сотрудников стаканов; все столпились в кабинете и от стыда не могли смотреть

---

⁴ Солдаты диверсионно-десантных подразделений.

друг другу в глаза. Старый мистер Драйберг рассказывал о гостинице для рыболовов, которую собирался купить; были там еще Энтони, только что вернувшийся из Таиланда, где он участвовал в совместной операции с ЦРУ (у него было толстое мучнисто-белое лицо, полшеи опоясывал рваный шрам); Джон Трент, садившийся в кресло майора, – этот старался не показать своего нетерпения и удовольствия в преддверии события; жена Трента, немка, отпуская стакан с шампанским изысканные колкости в адрес Маргарет, очевидно усмотрев в ее лице «конторскую жену», которой надо подрезать крылышки. Ну и потом, был там Шон. И майор. Да еще двое-трое коллег, оказавшихся в тот день в Лондоне.

Выпили вторую бутылку шампанского, третью, все оттаяли, разом заговорили (не забывая, что находятся в «лавке»), засмеялись местным шуточкам и сплетням. Майор не принимал в этом никакого участия. Получилось так не нарочно. Никто, кроме Шона, этого и не заметил. Просто беседа текла мимо майора, словно присутствующие инстинктивно решили, что его больше нет в живых. А вот мистер Драйберг был еще жив, рассказывал остроумные шотландские анекдоты, распространял злостные слухи и хвастался туристическими перспективами Сазерленда, где находилась его гостиница. Майор же был мертв.

Когда все кончилось, Шон спустился следом за ним по лестнице и вышел на улицу. Джон Трент предложил подвезти их, но майор отказался, и они с Шоном долго молчали по Лондону в тот темный январский вечер. Удивительно, столько лет проработав вместе, они лишь во время этой молчаливой прогулки в какой-то мере стали друзьями. У Гайд-парк-корнера майор решил взять такси, дотронулся до руки Шона, попросил не пропадать, дал адрес игрушечного домика в Ричмонде.

С тех пор они встречались всего четыре раза, но дружба их все росла. Один раз случайно встретились на Пикадилли и зашли в какой-то отель выпить чаю. Второй раз – после того, как Трента неожиданно перевели в Вашингтон. Тогда майор прислал Шону записку с приглашением поужинать. Ужин вышел неловким, натянутым: майору явно хотелось расспросить про нового начальника Управления Оливера Рэнделла, и он не знал, как начать.

«Отставной моряк», – осторожно сообщил Шон, когда домоправительница оставила их наконец одних за сигарами и коньяком.

«Смотрите, майор, только одну, – предупредила она. – Сами знаете, что сказал бы ваш славный доктор, узнай он даже об этой сигаре».

«Он заявил нам, что установит на корабле строгую дисциплину, но все будут довольны», – добавил Шон. Майор кивнул, будто ему все стало ясно. Он узнал все, что ему было нужно, достаточно быстро и из первых рук. Различные неясности и уточнения по прошлым операциям требовали личных встреч, и, хотя Шон много времени провел в Италии и Югославии, сплетни и слухи доходили и до него. К примеру, мистер Драйберг вышел с какого-то заседания и заявил, что ноги его в Лондоне не будет, пока здесь сидит этот «свинья актеришка». Оливер Рэнделл относился к Драйбергу и к майору как к старым маразматикам. Отыскивал мелкие несоответствия в старых финансовых отчетах. Обнаружил разные мелочи, которые не были зафиксированы в пяти экземплярах.

Однажды утром Шон встретился с майором на лестнице в Управлении – тот

прошел мимо, словно не узнав его, голова у майора тряслась, будто его разбил паралич, пергаментные, изрезанные морщинами щеки были красными от гнева и унижения. Казалось, Рэнделлом овладела навязчивая идея не просто заменить майора на его посту (Джон Трент даже не успел ознакомиться с досье, как его уже перевели в Вашингтон), а уничтожить в Управлении всякое воспоминание о нем.

Так или иначе, Рэнделл был законным преемником майора Кортни и начальником Шона. Майору утром потребовалось немало времени – пришлось даже выпить вторую рюмочку «шерри», – прежде чем он смог приступить к делу: он хотел, чтобы Шон кое-что предпринял, не ставя в известность Рэнделла. Надо сходить на похороны человека, который вроде бы застрелился. «Городок называется Лирем. Похороны в три часа. И я бы хотел... черт, в этом-то и загвоздка: я даже не знаю, что тебе и сказать». Майор сидел, смотрел в окно на сливовые деревья, голова его немного тряслась, щеки были нездорового свинцового цвета. Хотя утро выдалось очень теплое, все окна у него были закрыты, в газовом камине пылал огонь, и все равно майор время от времени вздрагивал.

«Лучше мне начать сначала. Этого парня, фамилия его Редвин, взяли к нам во время войны для участия в специальной операции. В Норвегии. Его мать норвежка, перед войной он проработал там пару лет. Владел обоими языками, имел много друзей в Норвегии – это хорошее прикрытие. У его отца было свое дело: он торговал рыбой в Йоркшире и отправил сына учиться ремеслу в Норвегию. – Майор сухо и невесело кашлянул. – Бедняга все это возненавидел. Он как-то сказал мне, что хотел стать поэтом...»

А Шон сидел, грея рюмку с «шерри» в руке, – он не слушал майора, но его мозг запоминал все, что тот говорил. Потом он сможет воспроизвести рассказ слово в слово, вплоть до интонаций. Однако сейчас Шон скорее думал о прошлом, чем о настоящем, – о том, сколько раз он вот так сидел с майором, а тот инструктировал его, бранил, что-то советовал, вспоминал. Потом из всего этого родилась – дружба? Взаимное уважение? В голову Шону пришло слово «любовь» – он мгновенно отверг его. И однако же, Шон никогда не испытывал к своему отцу тех чувств, какие испытывает к этому человеку с обгрызенными седыми усами и выцветшими голубыми глазами, наполовину спрятанными под тяжелыми, нависшими над ними веками; сигаретный пепел усыпал слишком широкие лацканы старомодного потрепанного костюма. И тут ненависть к Рэнделлу, этому свинье прощельге с актерским профилем, к его низкой подлости по отношению к майору захлестнула Шона, заставила так сильно сжать руки, что ножка у рюмки треснула и рюмка вместе с содержимым упала на ковер, а на указательном пальце левой руки Шона показалась кровь.

«Пустяки, – успокоил его майор. Хотя это было явно не так: красивое, старинное венецианское стекло, в витой ножке переплетались голубые и красные нити. Шон собрал осколки, положил их на серебряный подносик, стоявший рядом на столике. – Налей себе еще, – предложил майор, – да и мне тоже. На чем я остановился? Ах, да, в тридцать восьмом году отец отправил его в Норвегию, где он и жил, когда началась война, покупал, продавал рыбу и ненавидел это занятие. Думаю, Редвин считал, что войну устроили специально, чтобы он покончил с рыбой. В конце концов он пришел к нам.

Кто-то присвоил ему офицерское звание, но к службе в армии он не был

приспособлен. Мне кажется, потому, что был слишком умным. Такие офицеры не нужны. Все командиры ненавидели Редвина. А мне он скорее нравился. – Майор искоса посмотрел на Шона – он выглядел сейчас почти таким, как прежде: веки припухли, в глазах мелькает хитрая усмешка, строгий рот под седыми усами скривился в подобие улыбки. – Кое в чем он походил на тебя. Вечно задавал ненужные вопросы. Но был гораздо умнее. – Майор как-то печально улыбнулся. – В конце концов, он оказался слишком умен – по крайней мере для нас.

Нам он был нужен для одного, скажем, темного дела – я все тебе рассказываю, потому что это может иметь отношение...» По мере того как продолжался рассказ, у майора, казалось, прибавлялись силы. Будто снова он стал начальником, сидел у себя в кабинете, и опять жизнь его приобрела смысл. Он даже принялся искать сигареты, хотя домоправительница не разрешала ему курить.

Шон предложил ему свои, дал прикурить, закурил сам.

«К сожалению, это не русские, которые вы обычно курите».

Майор набрал в легкие табачный дым, словно это был воздух. Голос его окреп, голова перестала трястись.

«Мы решили создать в центральной Норвегии подпольную организацию, чтобы отвлечь внимание гестапо от нашего активного интереса к заводу по изготовлению тяжелой воды. Редвин как никто подходил на роль ее руководителя: достаточно заметная фигура, чтобы почти сразу же привлечь внимание СД – ведь многие местные жители знали его до войны как англичанина... можно было не сомневаться, что кто-то из них – пусть даже случайно – выдаст его, это было вопросом времени. Но в этом случае Редвин, как человек умный, заставил бы немцев достаточно побегать за собой. Мы рассчитывали, что он продержится два-три месяца. Останься он к тому времени на свободе, мы бы вывезли его из Норвегии. А если нет... – майор отвернулся от Шона, в его голосе прозвучала попытка самооправдаться. – ...все равно свою роль он бы сыграл. Мы ведь не сказали Редвину, что он будет служить для отвлечения. Он-то считал, что создает настоящую разведсеть. Добейся они каких-то успехов, что ж, почему бы не воспользоваться ею, верно? Мы дали Редвину задание, на каких предприятиях устроить диверсии, сказали, что эти предприятия очень важны для производства тяжелой воды. Разумеется, все было не так, но, выполни он задание, мы были бы в восторге. А схвати немцы Редвина и расколись он, мы бы добились двойного успеха: убедили бы СД в том, что они взяли нашего резидента и что целились мы совсем не в те объекты».

Его глаза смотрели не на Шона, а куда-то в даль, в прошлое, где он был таким же молодым, как Шон. В этом прошлом с ним считались, его приказы выполняли, он играл свою роль. Шон догадался, что майор рассказывал ему не просто о Редвине, но и воссоздавал свое прошлое. Какое значение может иметь сейчас эта давняя интрига? Имела ли она значение даже тогда, во время войны? Шон подумал обо всех погибших агентах: о тех, что умерли втихую, и о тех, кто умер с немалым шумом, и о тех, кого медленно уморили голодом и сгноили в Дахау и Равенсбрюке. И все для того, чтобы после войны политиканы могли сказать, что, в общем, ничто из совершенного ими не имело значения и не оказало влияния на ход событий.

Майор погасил сигарету.

«Можешь спокойно дать мне еще одну. Она все равно унюхает, что я курил». Болезнь вернулась – как будто на него упала тень. Его рука слегка тряслась, когда он брал сигарету, а затем придвинул руку Шона с зажигалкой к сигарете, дрожавшей у него во рту.

«Что же произошло потом?» – спросил Шон, думая, что майор потерял нить рассказа.

«Он обо всем узнал, – сказал майор; его глаза снова смотрели куда-то в даль. – Я же говорил тебе, это был очень умный человек. Редвин обнаружил, что предприятия, которые были ему указаны в качестве цели, не имели никакого стратегического значения и что все это был просто камуфляж. Только он не мог понять, зачем это нужно было, почему эти предприятия были не менее важны, чем настоящие, производившие тяжелую воду. А может быть, он все понял, но плевать на это хотел. Не знаю. Было у него тщеславие... – Майор продолжал курить. – Я очень его любил, – наконец произнес он. – В одном донесении кто-то написал про меня, что я по-настоящему любил только агентов-неудачников. – Майор улыбнулся Шону, чтобы тот не почувствовал обиды в его словах. – Хороший агент, знаешь ли, не всегда приятный человек. Тебе, разумеется, это известно. Рэнделл ведь был одним из лучших. По крайней мере мне так говорили. – Майор посмотрел в окно. – Редвину надо было служить в диверсионно-десантном полку или в армейских диверсионных подразделениях. Поэты иногда отличаются в подобных быстрых и оригинальных операциях. А для нашей работы он не был создан. Только мы считали, что это не имеет значения».

«Все-таки, что же случилось?»

Майор посмотрел на Шона с удивлением, как будто был уверен, что давно ему все рассказал.

«Его предупредила девушка – разве я про нее не упоминал? Он встречался с ней раньше, еще до войны, когда работал в Норвегии. Ее отец служил в местной полиции, этаким коллаборационист поневоле. Они сказали Редвину, что гестапо уже вышло на него, а фабрика, на которую он нацеливается со своими людьми, не имеет никакого отношения к производству тяжелой воды. Девушка узнала это от влюбленного в нее высокопоставленного немца. Редвин прибавил к трем три, получилось семь, и решил спасаться. Он перешел через границу в Швецию и слег в стокгольмской больнице с ревматизмом».

«Я его не виню», – заметил Шон.

«Я, вообще-то, тоже. Но влиятельные люди придерживались другого мнения. Разумеется, никаких мер принято не было. Но смотрели на него искоса».

Шон вспомнил вдову в доме псевдожюкбитского стиля. «Сколько жертв можно требовать от одного человека. Во время войны его заклеили как труса...» Интересно, что он ей рассказывал.

«Когда Редвин вернулся из Швеции, он добивался военно-полевого суда, который бы его оправдал. Но его не в чем было обвинять. Разве можно отдать под суд человека, бежавшего от гестапо? Потом война окончилась, и все забылось само собой. Пару раз я слышал, что он хотел снова работать у нас. Но вспомнил я о нем лишь через двадцать лет, когда прочел вот это. – Он вынул из внутреннего кармана листок бумаги

и протянул его Шону. К листку были подколоты пять газетных вырезок, три из них одинаковые: «Кора, страшные новости. Срочно сообщи номер телефона. Ольга». Отличались лишь даты, указанные карандашом на каждой вырезке. Четвертая была более длинной и датирована двумя днями позже последнего из объявлений. Называлась заметка «Смерть телепродюсера». Два коротких абзаца:

«Мистер Олаф Редвин, телепродюсер, был найден застреленным вчера утром в небольшом лесу, примерно в трех милях от своего дома в Лиреме, графство Суррей. Рядом с телом обнаружен револьвер «уэбли» 38-го калибра, из которого произведен один выстрел. Полиция Лирема считает, что здесь имеет место самоубийство.

Представитель компании «Мидлэнд телевижн» заявил, что мистер Редвин долгое время напряженно работал над новой телесерией о внутренних проблемах нашей страны. «Это очень важная телесерия, связанная с большой ответственностью, – добавил представитель компании. – Теперь ясно, что ее груз оказался для психики Редвина непосильным».

В последней вырезке кратко сообщалось о ходе расследования, которое закончилось два дня назад. Изложена официальная версия; вердикт – самоубийство в момент психического расстройства. Шон сложил листок и вернул его майору.

Голова майора лежала на высокой спинке кресла. Вид у него был очень усталый.

«Все это может оказаться мифом, – сказал он. – Возможно, какая-то реально существующая Ольга пытается найти реально существующую Кору. Но это было бы невероятным совпадением... Я помню, когда мы натаскивали Редвина, кто-то возразил против использования этих имен в качестве кода, заметив, что они никак не сочетаются в одном сообщении. – Майор прижал ладонью листок, лежавший у него на колене, и улыбнулся. Или попытался улыбнуться. Он избегал смотреть Шону в глаза; синие тени вокруг его рта становились все глубже. – Я сообщил Рэнделлу об этих объявлениях, как только они появились. Но он решил ничего не предпринимать. – Выцветшие глаза смотрели в пустоту, вспоминая перенесенное унижение. – Тогда я поместил в газете ответ от себя. Боже мой, сделать бы мне это раньше! Когда мое объявление поместили в газете, Редвина, конечно, уже не было в живых. – Майор замолчал, взглянул на свои руки, на листок бумаги на колене. – Полиция заявляет, что удовлетворена результатом расследования. Рэнделл придерживается того же мнения. Да и... Пойми, Шон. – Губы его шевелились, кровь слегка прилила к сморщенной коже. – Так считают все, с кем я разговаривал. Они полагают, если Редвин действительно поместил эти объявления... – Майор поднял руку, безвольно уронил ее на колени. Так падает рука мертвеца. – Если он их поместил, значит... нервы, наверно... финансовые неприятности – похоже, их у него не было, но точно сказать нельзя... То ли он задумал вытянуть деньги из нас, то ли просто сошел с ума – думал, думал о прошлом, пока не сбрендил. Я знаю, такое случается. – Он взглянул Шону в глаза. – Намекают, что со мной произошло нечто подобное. Никогда не уходи на пенсию, Шон. Заставь их самих выгнать тебя. – Майор попытался улыбнуться. – Ты

должен был выслушать все это. Если хочешь отказаться...» – Он отвел глаза от Шона, лицо его потемнело от воспоминаний о пережитом унижении.

«Я согласен», – сказал Шон.

Майор на мгновение застыл в кресле, схватился за сердце. Его лицо из темно-красного превратилось в свинцово-серое, застыло – он старался справиться с собой. Другой рукой майор что-то искал в кармане жилета.

«Принеси мне стакан воды, – прошептал он. – Женщину эту не зови. Рядом с холлом умывальник, там стакан...»

Когда Шон нашел стакан и принес воду, майор держал на ладони две маленькие белые таблетки. Он проглотил их, и Шон поднес к его губам стакан.

«Разрешите, я вызову врача», – сказал Шон.

Майор покачал головой.

«Сейчас все будет в порядке».

Шон подождал – серо-свинцовый оттенок исчез с лица майора, оно слегка порозовело.

«Все будет в порядке. Если хочешь взяться за это дело, то приступай».

«Я готов».

«Не могу подсказать тебе, что надо искать. Я даже не уверен, что тут что-то есть. Но попробуй поговорить со вдовой. Постарайся узнать, что он делал перед... смертью. О чем говорил...»

Спустя полчаса Шон уже ехал в Лирем. Правда, без всякой уверенности, что не тратит время зря. А что изменилось сейчас? Через девять часов? Кто-то был явно уверен, что он не зря тратит время. Какую цель они преследовали? Отпугнуть его? Или просто выяснить, кто он? И какое отношение имеет ко всему этому майор Кэннон?

Шон колебался: позвонить майору Кортни с дороги или уже из дома. Но час ничего не решит, а заходить в придорожное заведение в таком виде (лицо, одежда!) не хотелось. О других причинах он решил не думать. Подъезжая к лондонским пригородам, Шон признался себе, что ему страшно. Он готов был остановиться и позвонить из любого автомата, но это уже не имело смысла.

Когда он вошел в свою квартиру, выяснилось, что звонить вообще было бессмысленно – во всяком случае, в течение последнего часа.

– Майору стало гораздо хуже, – объявила ему домоправительница голосом, полным мрачной гордости пророка, на которого часто не обращают внимания, но который сейчас оказался прав. – Мне пришлось вызвать ему врача перед чаепитием. Майор сейчас в больнице, к нему никого не пускают и не разрешают звонить по телефону. Сам доктор так распорядился строго-настрого. Нет, нет, нет, я не могу до него добраться. Нет, фамилии доктора я вам не дам, и не мечтайте. Без сознания майор. Я же вам говорю, ему вкололи успокоительное... Нет, доктор говорит, только через несколько дней.

Шон положил трубку. Позвонить Рэнделлу? В общем, это его долг. Он наполнил ванну, лег в нее, чувствуя, как тепло проникает в ушибы, в разорванные мышцы

живота; прижимая губку к лицу, он чувствовал, как медленно возникает боль. Позвонить Рэнделлу он обязан. А что ему сказать? Про майора Кэннона? Про то, как двое в туалете украли у него бумажник? Он представил себе поднимающуюся дугой седеющую бровь Рэнделла, неспешную злую усмешку: «Прямо в туалете?» Он вспомнил, как потемнело лицо майора при одном воспоминании о пережитом унижении. Если майор не смог убедить Рэнделла, вряд ли сегодняшние события произведут на него впечатление. Правда, если раскопать еще что-нибудь...

«Постарайся узнать, что он делал перед... смертью. О чем говорил...» А работал Редвин на «Мидлэнд телевижн». Если бы Шону удалось что-то там разузнать и сообщить Рэнделлу. Шон вдруг обнаружил, что засыпает в ванне, и еле-еле дотащился до постели. Ему приснились двое мужчин с огромными рыжими усами, которые заставляли его пить, не давали встать и вливали ему в глотку какую-то гадость. Когда же он попытался оказать им сопротивление и закричать, то вдруг оказался один, в темноте, и не мог повернуться. Шона парализовал ужас: померещилось, что он лежит в гробу, который ползет, ползет, скользит на колесиках в огненную пасть.

Он хотел закричать, замахать руками, позвать на помощь Маргарет, майора, бился головой об обивку гроба. Услышал, как молятся те, кто пришел на похороны, услышал слова священника: «Сейчас мы предадим...» А потом жаркое пламя обожгло гроб, потянулось к нему самому пылающими языками – аааааааа!

Шон проснулся весь в поту, намертво спеленав себя во сне простыней и одеялом. Он с трудом высвободил руку, включил свет. Потом еще целый час не мог глаз сомкнуть – все тело болело от побоев. Заснул он, когда уже почти рассвело.

4

Утром Шон попытался дозвониться до майора, даже узнал телефон врача и название больницы. Врач был на обходе. Старшая сестра сообщила, что к майору никого не пускают, а даже если б и пускали, он все равно не может говорить. «Он очень плох; к сожалению, это так, сэр. Никаких посетителей – даже ближайшим родственникам нельзя».

Шон зашел в ванную побриться. Синяк за ночь стал черно-зеленым, расползся по правой щеке до уголка глаза. Нос распух, один зуб шатался. Он припудрил синяк тальком, чтобы скрыть его, но получилось только хуже.

Бреясь, Шон машинально смотрел в окно – собственно, даже не смотрел, а пытался обдумать, что делать дальше, как бы майор хотел, чтобы он поступил. На другой стороне улицы какой-то мужчина, прислонившись к стене, читал газету. Десять минут назад он тоже стоял там. До того, как Шон позвонил в больницу. Что же в этом странного? Хорошая погода, почему бы не почитать газету на воздухе? Но Шон не мог припомнить, чтобы кто-то в другой погожий день стоял на этом месте и читал газету. Тротуар там совсем узкий. А в ста метрах есть сквер, где растут деревья и трава и стоят скамейки.

Шон затянул узел галстука, спустился по лестнице и, выйдя на улицу, повернул направо, в противоположную от сквера сторону. Дойдя до ближайшего угла, он обернулся. Мужчина медленно шел по другой стороне улицы, держа газету под мышкой, разглядывая то витрины магазинов, то небеса с видом человека, которому

надо убить время. Шон зашел в угловую аптеку. Мужчина по другой стороне улицы прошел дальше, мимо нескольких магазинчиков, уставился на витрину магазина игрушек, вытянул губы, будто насвистывая мелодию, и пошел обратно.

– Что вам угодно? – спросила девушка за прилавком.

Шон дотронулся до синяка на щеке:

– Сделайте меня снова красивым.

Когда Шон бывал в Лондоне, он всегда покупал здесь бритвенные лезвия и зубную пасту и уже не один месяц слегка флиртовал с продавщицей. Раза два он даже думал заняться всерьез этой стройной смуглой итальянкой с томными глазами и прохладными красивыми руками. Быстрыми профессиональными движениями она размазала ему по щеке грим и принялась растирать, с явно не профессиональной лаской.

– Надо быть поосторожней, – прошептала итальянка. От нее пахло дюжиной разных духов, которыми она изо дня в день капала себе на руку, чтобы клиентки могли понюхать. Шон подумал, что он не возражает быть поосторожнее. Никколо прав. Он слишком много думает, так дело не пойдет.

– А вы будете со мной поосторожнее?

– Не будьте таким, – сказала она и мягко шлепнула его по здоровой щеке.

Мужчина на другой стороне улицы снова читал газету, но держал ее так, чтобы видеть поверх нее.

– Можно отсюда выйти через черный ход? – спросил Шон. Девушка с удивлением посмотрела на него. – Я должен вон тому человеку деньги, а отдавать не хочу. По крайней мере сегодня. – Он кивнул в сторону стеклянной двери, сквозь которую был виден «читатель». – Ну так как?

Она вздохнула, закончила гримировать его, оглядела свою работу, показала Шону в маленькое зеркальце результат.

– Думаю, что да. Но долги надо отдавать. Вам этого не говорили?

– Говорили, – сказал Шон. – И я отдам. Но можно пока этого не делать?

Она снова вздохнула, посмотрела, нет ли еще клиентов, провела Шона через матового стекла дверь за прилавком, потом через расфасовочную в маленький дворик. Сюда выходили задние стены больших домов.

– Идите по этому проходу и выйдете на Веррекер-стрит, – сказала итальянка.

Шон поймал ее руку.

– Если он зайдет к вам и спросит, куда я делся, скажите: давным-давно ушел через входную дверь. Вы обо мне ничего не знаете.

– Так оно и есть, – заметила итальянка.

Шон с деланной галантностью поднес к губам ее руку и поцеловал в ладонь. Когда он оглянулся в подворотне, она смотрела ему вслед. Сначала ему стало стыдно. А потом приятно. Ничего плохого не будет, если он напишет Никколо. Просто так – напомнит о себе.

Пройдя половину Веррекер-стрит, он поймал такси. За ним никто не следил. Шон расплатился с водителем у Ланкастер-гейт и доехал на метро до Пикадилли-сёркус. «Мидлэнд телевижн» помещалась в здании, похожем на ацтекский храм, недалеко от Сохо-сквер, в пяти минутах ходьбы от Пикадилли-сёркус. В просторном вестибюле стол дежурной напоминал плот посреди мраморного моря.

Крашенная блондинка с явно подтянутым лицом полностью завладела дежурной, пытаясь познакомить ее с почти двухметровой змеей, обвинившей хозяйке шею наподобие шарфа.

– Влез прямо в ватер, у бедняжки один хвост торчит из клозета. Думала, никогда его оттуда не вытащу. Тото, дорогой, это был кошмар! Мамусина дорогуля чуть не утонул, ласковый мой! А этот сукин сын сантехник по телефону еще говорит: «Да спустите вы его!»

– Извините, – сказал Шон.

Змея по мамусиной груди сползла на стол, стала тереться о бювар. Вид у дежурной был крайне несчастный. Шон попытался объяснить ей, что ему нужно, но внимание ее приковала змея. Позолоченные бронзовые двери центрального лифта открылись – вышли пятеро молодых людей. Волосы их спутанными космами ниспадали на малиновые бархатные камзолы, которые, по мнению некоего гения с Карнейби-стрит⁵, были сшиты по моде восемнадцатого века: широченные закругленные лацканы, огромные золотые пуговицы, широкие голубые ленты ордена Подвязки, пересекавшие кружевные жабо рубашек. Черные шелковые штаны до колен и туфли с золотыми пряжками дополняли впечатление – ни дать ни взять костюмы времен Регентства. Только жесткость двадцатого века, читавшаяся на лицах пятерки, не вязалась с их одеждой.

Девушки и молодые люди, ожидавшие проб и сидевшие на красной кожи диванах у дальней стены, с завистью взглянули на пятерку, зашептались.

– Очевидно, вам нужен мистер Вайнинг, – сказала Шону дежурная. Змея с края стола сползала ей на колени.

– Тото! – замурлыкала крашенная блондинка. – Мамуся будет ревновать. – Она оценивающе оглядывала Шона из-под морщинистых век. На ней была блузка из двух перекрещивающихся полотнищ, завязанных под грудью и обтягивавших ее как бандаж. Дама чуть приподняла плечо и наставила одну грудь на Шона, точно револьвер.

– Мистер Вайнинг? Тут к вам пришел... – Дежурная посмотрела на Шона.

– Инспектор Райен. – Он тут же пожалел, что не назвался по-другому, но грудь крашеной, ее змея и денди восемнадцатого века не позволили ему сосредоточиться. Из-за стеклянных дверей раздался женский визг: «Это «Они»!.. «Они»!»

– Подымитесь, пожалуйста, на пятый этаж, сэр. Мистер Вайнинг встретит вас у лифта.

Крашенная блондинка за хвост подтащила Тото к себе.

⁵ Улица в Лондоне, известная магазинами готовой одежды и портными, ориентирующимися в своих моделях на молодежь.

– Думаю, все из-за того, что он принимает ванну вместе со мной. Он считает, что любая вода – это ванна.

Лифт с мягким урчанием пошел вверх.

– Кто эти ребята в бархате? – спросил Шон, чтобы не молчать. Лифтер, сморщенный старик, похожий на черепаху, в темно-зеленом пальто, изумленно посмотрел на него:

– Это же «Они», поп-группа «Они». Их песня уже девять недель на первом месте в Англии. Конечно же, вы знаете эту группу. – Он говорил совсем как церковный служка, которого спросили о боге. – Пятый этаж, сэр.

Если Редвину пришлось работать с этой группой и с Тото, неудивительно, что он застрелился, подумал Шон.

Двери лифта раскрылись – его ждал молодой толстяк, присутствовавший на похоронах, он с улыбкой протягивал руку. Рука у него, наверно, липкая. Так и оказалось.

– Инспектор! Пойдемте в мой кабинет. По-моему, я видел вас вчера на похоронах! – Он провел Шона в большую прохладную комнату с пастельными стенами, где сидела секретарша, потом через следующую дверь они прошли в еще более просторную комнату: три голые светло-зеленые стены и одна черная, на которой висела оранжево-малиновая абстрактная картина. Мебель была низкая, черная и выглядела как надувная.

– Это моя берлога, – пояснил Вайнинг. Темные бегающие глазки казались чужими на его лице. словно он был в маске, жирной, мучнисто-белой, потной, а в прорези ее смотрели глаза хорька – острые, маленькие, черные, они избегали встречи со взглядом Шона. – Садитесь, садитесь.

Шон опустился в кожаное кресло, словно в гондолу черного дирижабля, почувствовал, как оно выпустило воздух и приняло форму его тела. Вайнинг улыбнулся ему из-за металлического стола с крышкой, обтянутой черной кожей, дернул за шнур – жалюзи у него за спиной приоткрылось, в кабинет полился солнечный свет и превратил лицо Вайнинга в сгусток теней.

– Терпеть не могу темноты, – заявил он. – В нашем жутком климате так редко видишь солнце. – Его руки, похожие на маленьких толстых зверьков, поглаживали поверхность стола. – Чем могу вам служить? – Руки-зверьки заметались и застыли плашмя на столе, чего-то ожидая.

Шон хотел подвинуть свое кресло, но оно оказалось слишком тяжелым, да и сидел он слишком низко – найти точку опоры тут было невозможно. Солнце слепило его.

– Я бы хотел узнать, чем занимался Редвин перед смертью.

– Бедный Олаф, – произнесли тонкие, еле заметные губы. Зверьки на столе ласково повозились, разбежались. – Настоящая трагедия. Но... простите... после расследования сложилось впечатление... как бы лучше выразиться?... что полицию это больше не интересует. Разве я ошибаюсь?

Шон помедлил.

– Остались одна-две неясности. Мне кажется, он снимал фильмы о цветных

иммигрантах.

– А! – воскликнул Вайнинг. – Вы разговаривали с бедняжкой Мэри Редвин. Надеюсь, вы не приняли ее слов *au pied de la lettre*.⁶ Она... мне не хотелось бы показаться жестоким, но...

– Разумеется, – сказал Шон. – Но нельзя ли мне посмотреть ваши досье – ведь у вас они есть?

– Да, конечно, дорогой инспектор! – Похоже, готовность не наигранная. И голос и поведение изменились, в них появилась теплота. – Сейчас я распоряжусь, чтобы их принесли. – Он нажал кнопку переговорного устройства. – Ева? Принесете досье Редвина по передаче «Британия 70-х», хорошо? – Вайнинг откинулся на спинку кресла, снова прикрыл жалюзи. Солнце перестало резать глаза. – Потрясающее начинание – эта передача. Просто потрясающее. Неудивительно, что бедняга Редвин не выдержал напряжения. Мы прогнозируем будущее Англии в серии документальных фильмов. – Он покачал головой. – Право, не знаю, кем мы заменим Олафа.

– Он один работал над всей серией?

Вайнинг рассмеялся. Глазки его метнулись в сторону.

– Боже мой, разумеется, нет. Там еще с полдюжины режиссеров и я – главный продюсер – словом, нас, естественно, целая группа. Но передачу готовил Редвин, он делал всю черновую работу.

– А о чем эта серия? – спросил Шон, обращая внимание не на слова Вайнинга, а на тон, которым они были сказаны. Почему вдруг атмосфера в кабинете так изменилась?

Вайнинг развел толстенькими ручками.

– О Британии семидесятых. Нашей распоясавшейся Британии. Только... вовсе необязательно одобрять все это, не так ли? – Он взял со стола карандаш, осторожно сжал его в ладонях, откинулся в кресле. – Нас, телевизионщиков, часто обвиняют в том, что мы вечно вскакиваем на запятки колесницы, что мы портим людям вкус. Знаете, это не всегда так. У некоторых из нас есть чувство ответственности. В нашей серии мы как раз хотим проколоть шарик. Показать зрителям, как все обстоит на самом деле, и спросить их – уверены ли они, что хотят, чтобы все обстояло именно так? – Вайнинг поставил карандаш на попа. – Это может возыметь действие. Будем об этом молиться. Иногда чувствуешь себя как Лот в Содоме. – Он улыбнулся не без осуждения, глаза его практически исчезли в складках жира. – Но я слишком серьезно настроен, инспектор. Может быть, вы за то, чтобы продолжалась эта распоясавшаяся гульба?

– Ну что вы, – заметил Шон.

– Вы знаете, когда-нибудь веселье должно прекратиться. – Карандаш упал с негромким резким стуком. – Раз – и все. Ему на смену придет похмелье. И тогда все эти людишки с Карнейби-стрит, из стрип-клубов, все эти аристократы-фотографы, принцессы из мира мод и миллионеры от поп-музыки нам не помогут. Они не станут платить по нашим счетам, когда заявятся иностранные кредиторы. Боюсь, нам

---

⁶ Буквально (франц.).

предстоят весьма неприятные времена, инспектор, если мы в ближайшее время не прекратим веселиться и гулять. – Вайнинг снова улыбнулся.

– А как сюда вписываются иммигранты?

– Вот этот вопрос, инспектор, мы обязаны задать себе. Как они сюда вписываются? – Глазки скользнули в сторону, затем уставились на Шона. – Я вас не шокирую?

– Нет, – ответил Шон, не понимая, в чем дело.

– Обычно подобные вещи громко не говорят. Но ведь это же один из симптомов нашей собственной гибели: пока идет утечка наших лучших мозгов в Америку, Австралию, Южную Африку, мы импортируем – сколько их уже в Англии: два миллиона, три? – отбросы из Азии и с островов Карибского моря! Неграмотных, больных, ни на что не годных людей, большинство из них даже по-английски не умеют говорить!.. А сколько у вас, полицейских, из-за них работы? – Он поднял брови в ожидании ответа. Шон понимающе кивнул. Значит, Вайнинг и Мэри Редвин заодно? Обоим под кроватью мерещатся азиаты?

– Извините, я сел на своего любимого конька, – продолжал Вайнинг. – Разумеется, с экрана такое прямо говорить нельзя. Но можно бесстрастно изложить факты, посоветовать, указать на определенные явления. Будем надеяться, наших зрителей можно даже кое в чем убедить. – Дверь открылась. – А, Ева, заходите. – Та самая девушка с похорон в крестьянской расшитой блузке и юбке: блузка с глубоким вырезом, обнажавшим гладкие полные плечи, красиво посаженную прекрасную шею. Когда Ева повернулась к Шону, держа в руках кипу оранжевых и фиолетовых папок, он встал. Зеленые глаза узнали его, на секунду расширились от неожиданности, страха, темные полные губы приоткрылись. Шон заметил, как ее обнаженные руки крепче обхватили папки, прижали их к груди. Одна папка выскользнула, начала падать. Шон поймал ее – его пальцы задели гладкую теплую руку девушки.

– Инспектора Райена особо интересует передача о цветных иммигрантах, – сказал Вайнинг.

– Как раз то, что я искала, – ответила с легким акцентом девушка тихим голосом, почти шепотом. – Поэтому я так и задержалась. Она лежала отдельно от других. – Говоря это, Ева не сводила глаз с Шона.

Шон посмотрел на папку, которую держал в руках; она лежала сверху кипы. «Британия 70-х – иммигранты». Зазвонил телефон.

– Извините, – сказал Вайнинг. – Да, Вайнинг слушает.

Шон взглянул на девушку: любовница Редвина? Если да, тому повезло. Красота не современная, но способная заставить мужчину кинуться в омут. Не это ли произошло и с ним? Его пальцы до сих пор чувствовали теплоту ее руки, богатство плоти, щекотавшее ему нервы. Он поднял глаза от ее рук, сжимавших папки в ярких обложках, – пальцы Евы касались плавного изгиба шеи над вырезом блузки – к ее лицу. Чего она испугалась? Его? Но в глазах ее был не только страх.

– Он сейчас здесь, – тем временем говорил в трубку Вайнинг сначала резко, потом тихим шепотом. – Черт возьми, откуда я мог знать? Да, да, как только сможете. – Он снял трубку другого телефона и тем же тихим шепотом распорядился: – Пришлите

сюда Дженкинса и Уильямса. побыстрее, пожалуйста. Да, осложнения. – И еще тише: – Немедленно одного из механиков к лифту.

Шон слышал эти фразы, не вдумываясь в них: все мысли его были о девушке, ее глазах. Казалось, она хотела ему что-то сказать взглядом. Голос Вайнинга звучал как эхо – прошло некоторое время, прежде чем до Шона дошло: «Он сейчас здесь».

А Вайнинг пересек кабинет, улыбнулся, протянул руку – его лицо было очень бледным.

– Позвольте, инспектор, я постараюсь найти нужные вам материалы. – Голос неуверенный. Кто-то звонил и спрашивал про... Шона Райена? Ему ответили: «Он сейчас здесь». Потом Вайнинг звонит... вниз, дежурной? «Пришлите сюда Дженкинса и Уильямса». Кто они? Охранники?

Вайнинг небрежно потянулся за папкой, которую Шон держал в руках.

– Дайте-ка ее мне, вам же неудобно. Ева, будьте любезны, приготовьте нам чай! – Он улыбался побелевшим потным лицом, маленькие черные глазки, точно жучки, бегали по сторонам, в них читался страх. Рукой он схватился за папку. Ева полуобернулась и с удивлением посмотрела на него, как будто почувствовала страх в его голосе. Шон приставил ладонь к груди Вайнинга, толкнул. Ему показалось, что рука глубоко провалилась в подушку или в упругий живой матрас. Вайнинг покачнулся, попятился маленькими неуклюжими шажками, наткнулся ляжками на край стола и повалился на него.

Шон протянул руку мимо девушки к дверной ручке, подумал долю секунды, не взять ли еще две-три папки, но отбросил эту мысль.

– Остановите его, – заорал Вайнинг. Шон, задев рукой плечо девушки, проскочил мимо нее, глаза Евы широко раскрылись. Он выскочил в коридор, побежал к лифту, к лестнице. На этаже лифта не было. Он ринулся вниз по узкой каменной служебной лестнице – четвертый этаж, третий. Навстречу бегут какие-то люди. Им всего-навсего надо было остановить лифты, перекрыть лестницу. Они одновременно добежали до второго этажа: Шон, двое в форме и человек в комбинезоне с разводным ключом. Шон свернул направо, побежал по бесконечному коридору с застланным резиновой дорожкой полом. Где-то сзади Вайнинг орал: «Держи вора! Держи вора!» Справа – проход в стене; Шон бросился туда, открыл одну из трех дверей, попал на узкую металлическую перемышку: тоненькие перильца, лес металлических прутьев, вокруг тени. Свет шел снизу, пробиваясь сквозь прутья.

Шон бежал и видел под собой, далеко внизу, огромную пустую студию. Экраны, декорации, камеры, похожие на разбросанные по полу игрушки. На металлических стержнях, свисавших с колосников, были закреплены огромные кинопрожекторы, квадратные рамы мониторов. Преследователи гнались за Шоном – он чувствовал, как перемышка качается под их ногами и слегка подбрасывает его. Перемышка раздваивалась: уходила вправо и влево, теряясь в полумраке среди пультов осветительных установок. Преследователи были совсем близко. Шон повернулся, ухватился руками за перильца и одним махом выбросил вверх ноги. Бежавший за ним человек попытался остановиться, метнулся было в сторону, споткнулся, через него перелетел второй и растянулся на помосте. Его-то и ударил Шон ногой в лицо, тот вскочил, в него сзади врезался третий преследователь и сбил с ног. А Шон уже бежал

дальше. Он слышал, как разводной ключ упал на перемычку и, звеня, проскочил вниз меж металлических прутьев.

Шон добежал до дальнего конца студии и увидел крутую, похожую на приставную, железную лестницу, ведущую вниз, в никуда. Ловко, как обезьяна, он помчался по ней, перескакивая через пять ступенек, обжигая руки о перила; картонная папка едва не выпала у него из кармана, куда он ее затолкал, предварительно кое-как сложив. Двое из преследователей, добежав до лестницы, уже спускались по ней. Вот он на середине. Вот уже почти внизу. Под его ногами – мягкий пол, рядом – огромный полотняный экран, а вокруг всей студии – драпировки почти до верха железной лестницы. Шон обнаружил в них щель и очутился в узком душном пространстве между драпировками и стеной; под ногами какие-то кабели; от соприкосновения с его плечом драпировки так и ходили ходуном. Сзади слышались голоса. Его обступили огромные предметы – декорации, накрытые сверху простынями макеты: пожарная машина, витрина и вход в магазин, телефонная будка, кресла, стена дома, уличный фонарь, разбитый автомобиль, двуспальная кровать.

Шон побежал, голоса не удалялись, хотя топота на мягком полу почти не было слышно. Кто-то сшиб уличный фонарь, и тот упал с мягким стуком: он был сделан из базальта и пенопласта.

– Вот он, сволочь! Джордж! Билл!

Из-за дерева вышел человек в переднике, в одной руке ветка, в другой молоток, рот полон гвоздей:

– Чо! Чо?

Он увидел бегущего Шона, его глаза расширились, рот открылся – гвозди посыпались на пол.

– Держи его! Держи!

Человек поднял молоток – скорее для самообороны, чем для нападения – и бросился прочь еще прежде, чем Шон приблизился к нему. Но ветка попала Шону под ноги, он споткнулся, упал плашмя, врезался в декорации, почувствовал, как они закачались и рухнули. Он лежал на полу разгромленной кухни, тут еще упал шкаф, посыпались тарелки, чашки, блюда, горшки, сковородки. Шон встал на колени – весь пол вокруг был усеян вывалившимися из папки бумагами: папка выскользнула у него из кармана, когда он грохнулся наземь. Он увидел уголок папки – оранжевый треугольник, – торчавший из-под шкафа, потянулся за ним, понял, что это просто обложка, сгреб бумаги – сколько влезло в руку. Один из преследователей пробежал по другую сторону груды декораций, налетел на что-то, упал.

– Куда он скрылся?

– Туда.

– Да где же ты?

Хруст шагов по битому стеклу, закачалась одна из стен комнаты, упала Шону на спину. Он не шелохнулся, продолжал стоять на коленях, прячась в своей темной пещере. Всего в каком-нибудь ярде от него раздались шаги, прозвучало ругательство, другой голос закричал издалека:

– Бог ты мой, да что же тут творится! Ты что, придурок этакий, не знаешь, что такое красная лампочка?

Удаляющиеся голоса, объяснения. Шон выжидал. Голоса снова приблизились. Их стало больше. На карачках он обогнул шкаф, протиснулся между грошовым велосипедом и секретером – до того похожим на старый секретер майора, стоявший на работе, что Шон даже вздрогнул, – прополз мимо еще какой-то мебели, мимо кучи камней из пористой резины. Попытался опереться на один из них – рука провалилась во что-то мягкое, упругое, липкое. Потом наткнулся на диван, за ним стояли ширмы – Шона залило ярким слепящим светом.

Он попал в другую студию, где уже расставили стулья для участников дискуссии, камеры на операторских тележках наезжали на женщину со змеей, платинового блондина, державшего на коленях детеныша леопарда на серебряной цепочке, еще одного мужчину с соколом в колпачке, сидевшим у него на руке. Четвертый в этой группе спрашивал:

– Джимми, как Тото выглядит сверху? Отсюда – жутковато.

Шон приостановился было и пошел дальше. Кто-то в наушниках повернулся, увидел его, казалось, не поверил своим глазам, поднял руку с бумагами, швырнул их на пол.

– Рехнуться можно! Теперь они, черт бы их побрал, уже шляются по студии. Ты понимаешь, сучья обезьяна, что сорок секунд осталось до записи? Ты хоть бы на это посмотрел! – Он дрожащей рукой показал на горевшую красным светом табличку «запись», схватил Шона за рукав: – Убирайся отсюда, пока я тебя не прибил! – И пихнул его к щели в большой полотняной занавеси в дальнем конце студии. – Ладно, Джимми, двадцать пять секунд, сукины дети эти любопытные, о господи, двадцать секунд, Пол...

Шон протиснулся в щель, увидел в темноте очертания тяжелой двери, дверную ручку. За его спиной раздался топот бегущих ног, крики, человек в наушниках заверещал:

– С ума, что ли, все походили?! Десять секунд до записи... Джимми, ради бога, сделай что-нибудь!

Шон выскочил из двери в широкий коридор, заполненный людьми, которые пили кофе из бумажных стаканчиков, ели бутерброды. Римские легионеры, сенаторы, девушка в прозрачном одеянии; к кофейной машине стояла очередь христиан времен Римской империи; «...если этот гаденыш думает, что я буду корежиться за профсоюзные ставки...» Шон протиснулся мимо очереди актеров, сбежал по лестнице к широкой двери, выходящей во двор, на свободу, побежал меж высоких стен, мимо грузовика, по длинному спуску, заставленному автомобилями, свернул за угол. Далеко сзади услышал крики, еще раз свернул за угол и оказался на улице. Мимо проехало такси, второе оказалось свободным.

Он впрыгнул в машину, сказал: «К Марбл-Арч» – и взглянул в заднее стекло. Никого. Такси резко развернулось и по Кёрч-стрит помчалось на север. Шон поднял руку, чтобы вытереть пот с лица, и обнаружил, что все еще держит в кулаке три листка бумаги, которые подобрал с пола. Копия командировочных расходов – Манчестер, Бирмингем, Ковентри. Копия письма о бронировании номера в отеле. И копия какой-

то докладной записки. Страница № 2: «...сможем получить факты, если только согласимся заплатить. У меня есть выход на одного-двух человек, которых можно без труда подкупить, но я по-прежнему считаю наиболее перспективным связного Брайса, старика Ахо, что живет на Хониуэлл-роуд, 118, потому что мы можем прижать его с двух сторон. Остальные полагают, что у нас несчитанные деньги. Халил, о котором я говорил вчера с вами по телефону, сегодня утром опять разговаривал со мной и предложил рассказать все, что меня интересует... за пять тысяч американских долларов! Думаю, сто фунтов (два раза по пятьдесят) развяжут язык Азизу. Ходит очень странный слух, что...»

Шон постучал в стеклянную перегородку, отделяющую шофера.

– К Марбл-Арч не поедем. На Хониуэлл-роуд.

5

Майор Уиллис залпом выпил виски и поднял пустой стакан, чтобы привлечь внимание бармена. Еще один – и все будет в порядке. Может быть, два.

– Снова двойное виски, Фред. – Майор провел пальцем под воротником рубашки. Черт подери этот воротник, совсем задушил. Усох, наверно. Уиллис быстро посмотрел по сторонам, расстегнул воротник, распустил узел галстука. Фред принес виски, поставил рядом кувшин с водой. От кувшина майор Уиллис отмахнулся, проглотил виски, задержал дыхание, глубоко выдохнул с чувством, по крайней мере физического, облегчения, глотнул еще. Виски согрело его, придало силы. Все будет в полном порядке. Иначе и быть не может. Ей-же-ей, он ни черта не знает ни о чем. Никто не сможет доказать обратное. Никто. – Еще виски, – потребовал он хриплым голосом. – На этот раз обычную порцию. – Фред уже повернулся, чтобы идти. – Нет, лучше двойное. – Но эту порцию он выпьет с водой. Майор достал носовой платок, вытер лицо. Как он попал в эту историю? Зачем? Зачем?

«Теневая армия». «Кромвель». В жизни не слышал подобной ерунды. Чтобы в мирное время создали армию сопротивления, потом, черт бы ее подрал, засыпали нафталином, пока не начнется война и проклятые красные не оккупируют добрую старую Англию. Офицеры сами набирают людей, ни перед кем не отчитываются, сколько людей у них в списках (чертовски прекрасно, воруй, мошенничай!), да и в министерстве обороны их по большей части не знают: вдруг, как запахнет жареным, будет утечка информации. Он с самого начала понял: дело нечисто. Уж таких сведущих в делах разведки, как он, поискать надо. Чтоб он, да такого не унюхал! На мгновение ему почему-то стало лучше, стоило вспомнить, как он сразу понял: что-то не то. С самого начала, черт побери, сразу же! Так и должно было случиться с подобным предприятием, никак не контролируемым официальными лицами и учреждениями. Так все и было задумано: неконтролируемая организация, совершенно самостоятельная – попробуй обнаружить такую. Ну и что? Он просто хотел урвать свой кусок. Что, черт побери, в этом плохого? Внял господь его молитвам: вышел в отставку с полной пенсией. Работа-прикрытие: управляющий по сбыту в фирме электронного оборудования; задание: создать подразделения «Теневой армии» в Северном Лондоне. Денежное содержание намного лучше, чем он имел в настоящей армии.

Черт возьми, да кто от такого отказывается? А потом еще стали платить

дополнительно – только дурак откажется! Пятьдесят фунтов в неделю сверх пенсии и жалованья «управляющего по сбыту». Эти пятьдесят фунтов переводились на его банковский счет неким «Фондом треста». Без всяких объяснений, посланий. Так продолжалось полтора месяца. Даже если бы он захотел – куда отсылать эти деньги? Некуда.

Потом появилось задание. Ему позвонили по телефону. Некто безымянный. Говорил измененным голосом.

«Если хотите, чтобы «Фонд» посылал вам деньги и далее, подчиняйтесь приказам. Подобным телефонным инструкциям будет предшествовать пароль: «Фонд треста». Или вы получите бумагу с таким же грифом. Запомнив содержание, тотчас уничтожьте ее. Вам все ясно? Вы согласны?»

А что оставалось делать – даже тогда? Отказаться от пятидесяти фунтов припека в неделю? Откуда было знать, что дело нечисто? А может, это входило в проверку? «Я согласен», – сказал он. Когда начали приходить приказы, все еще выглядело прилично. Он-то знал, что это не так, но ведь могло же все оказаться в порядке. Приказы вполне обычные. Отбор личного состава, связь, «почтовые ящики», обучение личного состава, надежные склады оружия, боеприпасов, снаряжения, объекты диверсий, предупреждающие сигналы – «маяки».

Во всяком случае, по установкам министерства обороны это было вполне разумно: все для того, чтобы нас не застукали без штанов всякие там азиаты, когда они высадутся с летающих тарелок на бедный старый Дым⁷. С любой другой точки зрения все это предприятие, конечно, чистой воды чушь собачья. Потому что будущая война будет совсем иной. С другой стороны, кто он такой, Томми Уиллис, чтоб отказываться от полной пенсии, плюс хорошего жалованья, плюс еще полсотни от «Фонда»? Даже после того как к делу подключили Брайса с его жуткой компанией.

Вот только слишком уж все выходило хорошо, чтобы оказаться правдой, и все же исключать такую возможность было нельзя. Только он знал, что так не бывает, сразу почуял неладное. Самого главного в организации, «Генерала Кромвеля», и его окружение волновали не азиаты и третья мировая война, которой, может, и не будет. Их не интересовало, что там случится через десять лет. Их интересовал сегодняшний день.

Майор начал вынюхивать, что к чему, и ничего не вынюхал. Выяснил только наверняка, что заправляют в организации не красные. И понял, что «Теневая армия» может в мирное время выступить против английского правительства с таким же успехом, как против оккупантов – в военное время. Если вся Англия покрыта сетью подразделений вроде его собственного, можно за неделю парализовать жизнь в стране. Вот тогда-то ему и стало страшно. А когда он в первый и последний раз оспорил приказ, произошло такое, что его охватил ужас. Телефон зазвонил в три часа ночи: «Если вы зайдете в ванную и повернете кран горячей воды, произойдет большая неприятность: раздастся взрыв. Очевидно, последующий час вы проведете в поисках взрывчатки и способа обезвредить бомбу. Мы по-прежнему питаем к вам вполне дружеские чувства, но, будьте любезны, в будущем делайте, что вам приказывают. И

---

⁷ Жаргонное название Лондона.

не пытайтесь узнать то, что вас не касается».

Трубку положили, а майор Уиллис долго еще лежал, пока не заставил себя встать и открыть дверь в ванную. Взрывчатка была на месте. Двести граммов прикреплены к днищу ванны. После взрыва мало что осталось бы от ванной. И от человека, который в ней находился.

Это незначительное происшествие чертовски здорово показало ему фальшивый блеск его благосостояния. Потом к этому прибавились история с Редвином и разговоры о Хрустальной ночи. О Редвине он особо не горевал. Дурак, сам напросился, точнее не скажешь. Но вот если все это милое предприятие провалится, кто, черт побери, станет платить? «Фонд треста»? Уиллис попытался саркастически улыбнуться и понял, что у него дрожат губы – даже подобия улыбки не получается. Вот сволочи! Проклятые сволочи! Уж они-то в дерьме не окажутся.

Ему померещилась ужасная картина: он со скамьи подсудимых пытается объяснить обвинителю, что ничего не знал про Редвина, вообще не имел к этому никакого отношения. Сразу же перед глазами встала еще более страшная картина: серый кусок пластиковой взрывчатки, прилепленный к ванне, провода, батарейка, детонатор. Воспоминания о ночных поисках отбили у него охоту задавать даже самому себе ненужные вопросы о Хрустальной ночи, не говоря уже о чем-то еще. Эта Хрустальная ночь была вроде хорошо отрепетированного и организованного погрома – боже мой, я об этом ничего не знал!.. Ничего... ни разу не слышал, ни разу и не услышу, с божьей помощью. Ему преподали действительно наглядный урок. Майор вытер лицо влажным от пота носовым платком, провел им по своей бычьей шее. Бармен принес заказанное виски.

– Вас к телефону, сэр.

– Кто?..

– Не знаю, сэр.

Уиллис взял стакан, выпил половину, пока шел к стоявшей в коридоре телефонной будке. Идиот, зачем, черт возьми, спрашивал, кто звонит. Нервы сдают, надо уехать отдохнуть, взять с собой бабу – и в Монте-Карло. Черт возьми, конечно, в Монте-Карло! Поиграть по мелочи, позабавиться в постели. Не заниматься вот этим.

– Уиллис слушает.

– Говорит Рэнделл. – Голос тонкий, всегда с нотками сарказма, даже когда нет повода, да и где он, повод для сарказма, во всем мире не сыщешь... – Есть небольшое срочное дельце...

Майор почувствовал, как расширяется его сердце, заполняет всю грудь – ему стало больно. Он не мог дышать.

– А что такое? – Он услышал, как сорвался его голос, закашлялся, чтобы скрыть это, глотнул виски. – Что за срочность?

– Ничего страшного. Надо скорее встретиться. У Эдварда. Не задерживайтесь. – Рэнделл повесил трубку.

Майор Уиллис взглянул на телефон, закипая от гнева, чувствуя, как его темечко поднимается и опускается, словно крышка кипящего чайника, злоба бушевала в нем,

кровь прилила к глазам так, что казалось, они сейчас лопнут. Взять и вот так бросить трубку, разговаривая с ним! «Ничего страшного». Сукин сын! И тут майора охватил ужас, он просто парализовал его.

Внезапно потерявшие силу, короткие крепкие пальцы Уиллиса уронили трубку на рычаг, майор уставился в засиженное мухами облезлое зеркало с рекламой сигарет на уровне глаз. Из зеркала на майора смотрели его желтые, в прожилках глаза, лицо устрашающе налилось кровью, щеки побагровели, над жидкими седыми усиками картошкой навис нос, из-под седых влажных курчавых волос на лоб стекал пот. Раскормленный, мясной породы бык, а не человек. Но Уиллис видел в зеркале только свой ужас. Он нащупал стакан, увидел, что тот пуст, оставил его в будке и вывалился в коридор. Они что-то узнали. Видно, эта история с Редвином. Майор попытался молиться, но не смог вспомнить слова молитвы. «Ничего страшного». Господи, боже мой!

6

Комната была полна теней и запахов: воняло чесноком, прогорклым маслом, большим скоплением людей, вареным рисом, едким, дерущим горло курением. Палочка ароматического курения дымилась перед маленьким алтарем на комодке – ярко и уродливо раскрашенная в красно-бело-желтые цвета гипсовая фигурка Шивы, украшенная увядшими цветами, медная чашка, в которой курился ладан, а перед ней – маленькая медная статуэтка Ганеши.

Освещала комнату только голая тусклая лампочка на затверделом шнуре. Тихо перешептывались сидевшие за столом люди: на нарах вдоль трех стен спало шесть человек, по двое с каждой стороны. У четвертой стены меж двух дверных проемов стоял комод с алтарем. Один проем закрывала не дверь, а цветастого ситца занавеска, очень грязная справа, где ее хватали руками, чтобы отбросить. За занавеской громче мужчин разговаривали и смеялись женщины, потом слышалось: «Шшшшш», затем опять раздавался смех. Звуки приготовления пищи – грохот горшков, сковородок, запах кухни – смешивались с разговорами. Карри, чеснок, вареный рис добавляли новые ароматы к запахам, стоявшим в передней комнате. В этих двух комнатах жило десять человек. Остальные были гостями или дневными жильцами, которые работали в ночь, спали на нарах днем и платили за квартиру маленькому бородатому старику, сидевшему за столом. Его зубы, губы и верхняя часть бороды были ярко-красные от сока бетеля, низ бороды – растрепанный и желтовато-седой. Пальцы старика все время перебирали четки, глаза бегали по сторонам, словно высматривая кого-то в полумраке.

– Говорят, он снова родился. В Карачи.

Мужчина помоложе, сидевший рядом со стариком, рассмеялся от бессилия: он уже потерял всякое терпение, чувство такта и уважения к своему тестю. Каждый раз, как он пытался прижать этих людей к стене в споре, они уходили от разговора так же легко, как вода стекает с камня.

– Мы собрались здесь не для того, чтобы говорить о каких-то вымышленных спасителях, родившихся бог знает где, а чтобы решить, что делать дальше. – Если бы не оспины, его лицо можно было назвать красивым. Они казались углублениями в коже, выдавленными шляпкой гвоздя. – Что будем делать? Я задаю вам этот вопрос, а вы начинаете лепетать, как дети.

Отвечать ему принялись все разом. Они говорили на гуджарати; слова обрушились на него, текучие и одновременно гортанно-отрывистые, похожие на плевки. Бледный юноша с дикими глазами сказал:

– Это правда. Он снова родился. Но не в Карачи. Он родился среди белуджей. Я видел его гороскоп.

Мужчина с оспинами схватился обеими руками за голову – красноречивый жест человека, доведенного отчаянием до грани сумасшествия.

– Карачи! Белуджи! Гороскоп! Ушам своим не верю, может, мне кажется?! Мы – цивилизованные люди, живем в большом городе, работаем на заводах, пытаемся отвоевать наши демократические права граждан, добиться справедливости – справедливости, слышали такое слово? – а вы заводите разговор о новом пришествии Кришны, о Шиве, о новом мессии, о новом Чингисхане. Да вы понимаете, что скажут белые, услышав подобные речи? Они решат, что мы недостойны жить в обществе, где царит справедливость, и будут правы.

– Они испугаются, – тихо вымолвил юноша. – Здорово испугаются. Может, не сразу, но скоро. Когда Он вырастет. Когда Он начнет собирать своих единомышленников. Это написано. В старинных пророчествах – мне рассказывали те, кто их читал. И вот Он родился.

– Он родился, – повторило несколько человек. Кто-то из спящих проснулся, вылез из-под одеял, вступил в разговор, будто участвовал в нем и во сне.

– Он родился. Будет священная война. Тогда все и решится.

Человек с оспинами ударил обоими кулаками по столу, повысил голос:

– Я не хочу слушать бред безумцев, вы точно крестьяне, что на базаре слушают гадалку и отдают ей деньги, на которые хотели купить семена. Война! Убьем белых! Что вы несете чушь, когда надо вести себя как разумные люди. Не Кришна защитит нас, а мистер Сингх, закон.

Еще несколько человек проснулись, начали негодовать – почему их разбудили? – а потом и сами присоединились к разговору. Шум стал оглушающим. Старик вынул из-под одежды пустую суповую миску, выплюнул в нее струю алого сока бетеля. Немного попало ему на бороду.

– Ребенок ты, Шанкар, – устало заметил он. – Обращаться к христианам за помощью против других христиан? Чтобы белые пошли против белых?

– Они все разные! – закричал Шанкар. – Есть и плохие, согласен. Здесь, в Хониуэлле, это домовладельцы, их подручные, эта организация. Но есть же справедливость и закон! Нет, нет, дайте мне договорить, дайте сказать, как обстоят дела. Мистер Сингх заявил, что будет нашим представителем, он просит нас дать правдивые показания полиции. А мы чем занимаемся? Разве говорим правду, как настоящие мужчины? Тихо! Я выскажусь, а вы слушайте меня... – Крик стал оглушающим. Из-за занавески показались женские головы – женщины прислушивались к спору, из-под их локтей высунулись маленькие, бледные, истощенные лица детей с фиолетовыми тенями под влажными карими, иссиня-черными глазами. Дети были ошарашены шумом, который подняли родители. – Выслушайте меня! Мы что, идем в полицию, рассказываем правду? Нет, этого мы не

делаем. Мы сидим здесь и спорим о Кришне, Шиве, джихаде⁸, о ненависти к белым, хотя они готовы помочь нам, они дают нам работу, они разрешили нам приехать к ним в страну. А почему мы так поступаем? Я вам объясню почему! – Он ударил кулаком по столу, и свет у него над головой словно запрыгал и заплясал. – Этот старый грабитель боится, как бы полиция не узнала, что он выписал сюда совсем не своих родственников, а незнакомых людей и каждый из них заплатил ему по сто, двести, триста фунтов за то, что он устроил им незаконный въезд в Англию. Потому-то он и болтает, лишь бы мы ничего не делали. Когда же он разбогатеет, то купит два-три старых, гнилых дома вроде этого, сам станет домовладельцем, как мистер Брайс, и будет обдирать народ не хуже его.

Казалось, прозвучавшие слова потрясли старика, но в то же время он смирился с услышанным, как смирились со своей участью святые, привязанные к пыточному столбу. Губы старика шевелились, пальцы перебирали четки. Его внук, молодой парень, перегнулся через стол, сунул кулак под нос человеку с оспинами на лице.

– Разве в нашей семье недостаточно горя? Хватит того, что ты женат на моей тетке! Мы что, просим с тебя больше, чем стоит жилье и расходы на жизнь? Кто платит налог организации, о котором ты так разоряешься? Ты, что ли? Из твоих-то жалких доходов? – Вместе с негодующими словами в лицо Шанкара летела слюна. – Тебя никто ни о чем не просит. Если дед платит этим людям, твое какое дело? Заткнулся бы! Тебя кто просил идти к мистеру Сингху?

– Справедливость! – закричал Шанкар. – Знаешь, что это такое? Ты же бесхребетная тварь, червяк, трус, у тебя одно на уме, как брюхо набить! Сколько я плачу за квартиру? Какие у меня расходы? Да на те деньги, что я выкладываю твоему деду, этому грабителю, трусливому дерьму, десять семей бы прожили. Почему я должен отваливать такие деньги? Потому что он платит мистеру Альберту, мистеру Брайсу, организации, и конца этому не видно. Значит, он должен выжимать все из нас. – Шанкар ткнул пальцем в спящих. – А сколько они платят? Лишь за грязную постель, на которой спят днем, пока мы работаем? На родине они бы на эти деньги дом купили. Из нас выжимают всю кровь, пока и костей-то не останется. А ты говоришь, мы не платим организации.

– Тогда убирайся! – завизжал внук. – Забирай мою тетку, своих воришек-детей и отправляйся искать твою справедливость. Хочешь, чтоб нас избили на темной улице и бросили псам как падаль?

– Полиция...

Внук в ярости плюнул на стол, по подбородку потекла слюна.

– Полиция? Совсем рехнулся! А наши паспорта? А разрешения на жительство? Ты что, ребенок?

Все закричали. Шум стоял такой, что в течение минуты никто не видел и не слышал троих пришедших, пока маленький белый толстячок в котелке не подошел и не ударил палкой по столу. В палку был залит свинец – стол осел, задрожал под тяжестью удара. В комнате стало тихо, как будто одновременно выключили дюжину

⁸ Священная война (араб.) – по предписанию ислама вечная война за веру мусульман против немусульман.

транзисторов, пытающихся перекричать друг друга.

Бородатый старик поднял слезящиеся глаза на белого, и его лицо, казалось, стало свинцово-серым под коричневой морщинистой кожей. Все сидевшие за столом беззвучно застыли в позах собеседников, которых прервали во время спора. За толстячком в котелке стояли двое парней с овчарками на крепких кожаных поводках. Собаки скулили, открыв красные пасти, слегка вывалив языки, показывая мокрые от слюны клыки и губы, рвались с поводков. Их хозяева были в куртках, грязных джинсах и резиновых сапогах на рифленой подошве. Один, толстомордый, – в фуражке с блестящим сломанным козырьком. Второй – без головного убора, его зачесанные назад длинные курчавые крашенные волосы падали на воротник бушлата. У него было острое личико хорька, все в следах от прыщей. Оба парня смотрели на толстяка, ожидая приказа.

– Ну и ну, – сказал толстяк. – Вот это гам! Вот это бардак! Не хотел бы я быть вашим соседом, чесслово, не хотел бы. А вонь какая, тьфу! – Он деликатно зажал нос большим и указательным пальцами. – Я разочарован в тебе, Ахо, чесслово разочарован. Я-то воображал, мы с тобой до гроба друзья, водой не разольешь, а ты, гляди, вон что учудил. Бог знает чего нагородил мистеру Сингху. Мистер Брайс, тот тоже огорчен, еще как. Так мне и говорит: «Альберт, огорчен, значит, я. Вера моя в человека, мол, еще раз, значит, поколебалась». Прямо так и сказал. Скажи, Сид?

Прыщавый парень кивнул с улыбочкой выжидающего хищника, его маленький рот стал похож на ножевую рану.

– Я ничего не делал, мистер Альберт, – возразил старик. – Вообще ничего. Не понимаю, о чем вы говорите, почему считаете необходимым... – Жестом он как бы отодвинул овчарок, двух парней, посмотрел слезящимися глазами на палку со свинцом, которая все еще лежала на столе, а другой ее конец сжимал в пухлом кулачке мистер Альберт. – Деньги за жилье, как мы договорились, я собрал, одну минутку, я...

– Это он, – тихо прошипел внук старика голосом, полным злобы и ужаса. – Мой дед не имел к этому никакого отношения. Этот сам пошел к мистеру Сингху... – Он в ярости посмотрел на своего дядю. Никто не сказал ни слова. В комнате стало еще тише – так тихо, что частое дыхание собак казалось громким и можно было различить шум машин на улице, находившейся в пятидесяти метрах.

Альберт уставился в рябое лицо Шанкара своими глазками, похожими на ружейные дула, на лучи фонарей.

– Тут ты был не прав, Шанкар. Тебя ведь Шанкаром зовут? Придется мне пойти к тебе на работу, Шанкар, и сказать хозяевам, что ты смутьян, хорошего отношения к себе не ценишь. Сходить?

Он очень медленно поднял палку со свинцом, приблизил ее к рябому лицу. И резким движением кисти ударил Шанкара палкой снизу по мясистому носу. Голова Шанкара дернулась назад, глаза наполнились слезами нестерпимой боли. Он поднял руки к лицу, а Альберт взял палку наперевес и саданул Шанкара по животу. Дважды. Трижды. Тот открыл рот, чтобы закричать, но не смог. Послышался судорожный икающий звук – Шанкар пытался вздохнуть, его рот открылся, как черная рана, руки застыли в воздухе, и он повалился вперед, обхватив живот руками, зажав голову между колен.

Альберт посмотрел на него, хихикнув, почесал нос концом палки, подсунул ее под колени индуса и, как рычагом, поднял Шанкару голову – тот все так же, с раскрытым ртом, пытался втянуть в себя воздух, в горле у него что-то судорожно щелкало, как испорченная пластинка. Альберт осторожно прицелился палкой, как бильярдным кием, приставил ее к носу Шанкара, мягко надавил, пока тот не выпрямился – горло рябого напряглось, руки потянулись к палке.

– Какая же ты неблагодарная черномазая тварь, – сказал Альберт, размахнулся и ударил палкой по смуглому, не защищенному горлу Шанкара. Руки индуса широко взлетели вверх, как сломанные прутья, как подхваченные ветром листья. Стул опрокинулся и с грохотом упал. Шанкар повалился на пол, на бок, засучил ногами, как умирающий кролик лапами, заскреб пятками по деревянным доскам пола. Из его горла вырывались жуткие звуки, тело выгибалось, изо рта медленно, тонкими струйками текла кровь. Казалось, очень долго в комнате слышался один лишь звук – Шанкар пытался продышаться, его пятки скребли по полу. Колени конвульсивно прижимались к животу, потом ноги снова выпрямлялись. Индус лежал на спине, схватившись руками за горло, широко раскрытые глаза смотрели в потолок – видны были только белки, как будто зрачки совсем исчезли.

– Умер, – прошептал один из «дневных ночевщиков», другой встал рядом с Шанкаром на колени, послушал, бьется ли сердце.

– Ниче, отойдет, – сказал Альберт. – А в следующий раз может и сдохнуть. Усекли? Долгое время у нас классные отношения были. Как говорится, «диалог сторон». Ты же шутки шутишь, Ахо, мы ничего, не возражаем, но хотим, чтоб и ты нас понял. Сам живи и другим дай – у нас так заведено, правильно, Сид?

– А как же, – ответил прыщавый. Его овчарка, негромко дыша, царапала когтями пол.

– О, я так высоко ценю это, – сказал Ахо. Его лицо стало землистого цвета, руки тряслись, когда он поднял их к дрожащим губам.

– Тогда гони аренду, – потребовал Альберт.

Ахо встал, открыл один из ящичков комода, достал железную коробку, начал рыться под своими многочисленными одеяниями в поисках ключа.

– Деньги готовы, мистер Альберт, – зашептал Ахо, – готовы целиком. Этот дурень не понимает, как ведут себя в Англии, не понимает, как нам здесь хорошо, как прекрасно относится к нам мистер Брайс. – Старик открыл коробку ключом, и оба парня с собаками тотчас придвинулись ближе. Овчарки принялись обнюхивать его ноги – Ахо отшатнулся. – Хорошие ребята, хорошие, я очень люблю животных, какие красивые собачки, вот только если бы они отошли подальше... – Ахо принялся копаться в коробке, стараясь, чтобы Альберт не видел, сколько там денег.

Альберт постучал палкой по крышке коробки.

– Были б мы бандюги, всю чертову коробку заграбастали б. Сколько у тебя там, Ахо? Пару тысконок наскреб?

– Какой же вы шутник, мистер Альберт, – сказал старик, пытаясь улыбнуться и поспешно запирая коробку. – Как вы к нам приходите – всегда шуточки да смех. Я высоко ценю это. Тут и для вас кое-что есть... – он сунул пачку денег в руку Альберта,

как бы упрашивая его принять этот дар, – ...чтоб вы со своими друзьями могли отдохнуть по дороге домой, немного выпить – освежиться не помешает. Будьте уверены, я ничего не знал об этой глупой истории с мистером Сингхом. – Он хотел было развести руками, снова быстро схватился за коробку, прижал ее к животу. – Шанкар такой упрямый, но мы ему все объясним, не беспокойтесь, пусть мистер Брайс ни капельки не беспокоится, так и передайте. Заверяю вас, все будет, как раньше.

– Вот это приятно слышать, – объявил Альберт.

Шанкар тем временем встал на четвереньки, подполз к стулу и положил голову на сиденье. Мистер Альберт отодвинул стул, и Шанкар снова упал. Подручные толстяка засмеялись. Ахо слабо улыбнулся.

– Что ж, счастливо оставаться, до следующего раза, – сказал Альберт. Парни с овчарками вышли вслед за ним из комнаты. Индусы сидели и прислушивались к звукам их шагов по каменной лестнице, ведущей на улицу.

Через десять минут в дверь квартиры постучался Шон. Он затратил на дорогу почти час: звонил в больницу, пытался убедить медсестру разрешить ему поговорить с майором, пытался убедить ее позвать к телефону старшую медсестру, чтоб уговорить ее.

«Ничего не получится, я же вам сказала. Если бы вы были здесь и я пустила бы вас к нему в палату, чего я бы никогда не сделала, майор все равно не смог бы говорить с вами: он не поймет, что вы ему скажете».

После этого Шон дозванивался врачу майора по нескольким разным номерам. По каждому ему отвечали, что доктор либо только что ушел, либо еще не приходил. На Хониуэлл-роуд Шон остановил такси у дома № 20 и остаток пути прошел пешком. Дома были благородной викторианской постройки, но превратились в трущобы; их строили в пятидесятые годы прошлого века для мелких бизнесменов и удачливых торговцев – с обширными подвалами, с эркерами на первом этаже. Рамы не красили, наверное, с 1939 года, некоторые стекла были выбиты и залатаны фанерой. Пустые грязные молочные бутылки стояли у парадных и на ступеньках, ведущих к ним. Большинство детей, игравших на улице, были цветные и все без исключения – крикливые. Взрослые посматривали на него искоса, будто считали полицейским в штатском или сборщиком задолженностей для торговцев в кредит.

Шон поднялся по ступенькам дома № 118 и принялся искать фамилию Ахо рядом с одним из дюжины звонков: «Мисс Граммен», «Мисс Фокс», «Мистер Полянски», «Мистер Халил Джиннах и мистер Джэм Мехта», «Мисс Порсон», «Мисс Треблинка». На остальных табличках либо ничего не было написано, либо они так выцвели, что ничего нельзя было прочесть. Похоже, многие звонки не работали. Он позвонил «Джиннаху и Мехте». Маленькая девочка поднялась по ступенькам, посмотрела на него, убежала. Он снова позвонил, потом нажал на кнопку звонка «Полянски». Мимо прошел негр, кондуктор автобуса.

– Ахо? Нет, сэр, я не знаю никакого Ахо.

Шон позвонил во все квартиры. Прошло минуты две, и он услышал шаги, стук каблуков по деревянной лестнице.

Дверь открылась – на него с удивлением смотрела заспанная цветная женщина в

черном кимоно. Она зевнула, улыбнулась.

– Хочешь, чтоб я тебя помассировала? – Ее кимоно распахнулось, обнажая грудь. – Пять фунтов.

– Я ищу некоего Ахо, – объяснил Шон.

Женщина расслабилась, снова стала усталой и полусонной, показала на ступеньки, ведущие вниз.

– Вон там. Заходи в другой раз.

Он спустился по ступенькам вниз, протиснулся мимо мусорного бака, нажал на кнопку звонка. Дверь ему никто не открыл, но за занавешенным окном он слышал голоса, женский плач. Он еще раз позвонил, потом стал стучать изо всех сил. По камню мягко зашуршали шлепанцы – дверь распахнулась. На пороге стоял юноша с иссиня-черными, набриолиненными, блестящими волосами и смотрел на него тусклым враждебным взглядом.

– Мистер Ахо здесь проживает? – спросил Шон.

– Кто это? – раздался старческий голос. – Неужели вернулся мой добрый друг, мистер Альберт? – Вторая пара шлепанцев прошуршала по деревянному полу, затем по каменным плитам коридора. Юноша бросил несколько слов через плечо.

В узком проеме показался старик, за его спиной в темноте виднелись другие лица. Юноша скользнул вдоль стены на два-три шага назад, не сводя глаз с Шона. От него, казалось, исходил запах ненависти.

– Мистер Ахо – это я, – сказал старик, улыбаясь одними губами; руки его были так сплетены вместе, словно они без костей. – Чем могу быть вам полезен? – Его глаза изучали Шона, внимательно приглядывались к нему, сразу же извинялись за это, пытались улыбнуться.

– Вы знали некоего мистера Олафа Редвина? – спросил Шон.

На глаза старика как тень напозла: они потеряли блеск, сделались невидящими. Рот расплылся, словно старик растерялся, не поняв вопроса. Руки зажестиковали, выражая беспомощное желание помочь и бесконечное сожаление по поводу своей беспомощности.

– Он снимал телевизионный фильм, – объяснил Шон.

– Телевизионный фильм? – Борода медленно закачалась вправо и влево: я-де не в курсе.

– Некто мистер Брайс прислал его к вам.

Фамилия произвела впечатление разорвавшейся в коридоре бомбы. Лица глубже ушли в тень, сами стали тенями. Голова старика перестала трястись, улыбка исчезла.

– Вы знаете мистера Брайса?

– Да, – ответил Шон после некоторого колебания.

Это не укрылось от старика.

– Тогда он наверняка знает об этом фильме, об этом мистере...

– Олафе Редвине. Вы должны были ему кое-что рассказать для этого фильма... –

Шон знал, что все испортил, что только зря тратит время. А как надо было к этому подойти? Скорее всего, просто невозможно. – Он собирался заплатить вам сто фунтов.

Морщинистое, помятое, дубленое лицо его собеседника исказилось – появились новые морщины, морщины внезапной боли.

– Ради бога, извините. Наверно, вам нужен другой мистер Ахо.

– Сто фунтов! – сказал по-английски голос из полумрака. У кого-то резко перехватило дыхание – раздалось шипение, похожее на змеиное. Шону показалось, что старик хочет оглянуться. Его голова повернулась как на шарнирах. Глаза наполнились ненавистью и болью. Улыбка стала шире, лицо исказилось, пальцы рук сцепились и так далеко отогнулись, что негромко хрустнули, как тоненькие пруттики.

– Речь шла о заговоре всех цветных в Англии, – сказал Шон и улыбнулся, показывая, что он-то понимает: все это шутка, кто-то разыграл напыщенного любопытного телевизионщика. – Вы ему такого не рассказывали? – Здесь, в полумраке, в обстановке ненависти, это не казалось шуткой.

Лицо старика походило на лицо слепца. Никто вокруг не шевелился. Казалось, никто и не дышал. Шон подумал, что люди стоят не только перед ним в коридоре, но и за его спиной. Он еле удержался, чтобы не повернуться.

– Все насчет телевидения, насчет этой истории – самая настоящая ошибка, извините, я ничего не знаю. – Старик закатил глаза, показывая белки, старческие пальцы продолжали двигаться, что-то сжимать. Юноша, открывший Шону дверь, снова проскользнул вперед.

– Думаю, вам сейчас надо уйти. Мой дед плохо себя чувствует, сейчас он как раз очень занят, не надо беспокоить его подобными расспросами. Он же сказал вам, что ничего не знает.

– Тогда расскажите мне вы, – попросил Шон и подумал: а что он должен рассказывать? – Где я могу найти мистера Брайса?

– Пожалуйста, уходите, – сказал юноша. – Мы такого не знаем. Вы находитесь в частном доме, за который мы платим деньги. Мы не хотим, чтобы вы здесь оставались.

Старик кивнул как кукла, улыбнулся. Юноша тоже улыбнулся, глаза у него, правда, были злобными.

– Почему вы не хотите отвечать мне?

– Прошу вас, уходите. – Юноша улыбнулся.

Шон поднялся по ступенькам. Люди, стоявшие на лестничной площадке наверху и у перил, мгновенно растаяли в полумраке. Темные лица, сари, негритянка с коляской, чернокожие дети. Нет, это не Лондон. Не Англия. Из-за рваных серых тюлевых занавесок, сквозь грязные оконные стекла, с другой стороны улицы за ним наблюдали. Пыльная улица пахла вареной капустой, протекшей канализацией, гнилым деревом, кирпичом – одним словом, упадком. Старые викторианские дома, превратившиеся в трущобы. Шон пошел прочь. Такси уехало, найти другое на подобной улице маловероятно. Кто такой мистер Брайс?

Он свернул за угол. Прислонившись к перильцам подвальной лестницы, стоял, тяжело дыша, индус, словно он только что прибежал сюда, а бегать не привык. Когда

Шон поравнялся с ним, индус поднял руку с сигаретой.

– Не будет ли джентльмен столь любезен дать мне прикурить?

Шон щелкнул зажигалкой. Индус прикрыл ладонями пламя, скользнул глазами по Шону, посмотрел ему за спину, оглядел улицу, окна.

– Я слышал, что вы тут говорили, сэр, и быстро прибежал, чтобы с вами встретиться. Может, поговорим? Скажем, вы спросили меня, как пройти к метро, а я, скажем, показываю вам дорогу?

Худое темное преждевременно состарившееся лицо, как будто он никогда не мог выспаться и поесть досыта. Глаза все время бегали по сторонам, как темные мягкие перепуганные зверьки за стеклом. На один шаг Шона он делал два легких быстрых шажка.

– Может, джентльмен из организации?

Его глаза оторвались от Шона, перебежали влево: прислонившись к фонарю, стоит какой-то парень, вроде с Ямайки, ребенок играет с рваной автомобильной шиной, ковыляет по направлению к ним индианка, нагруженная тяжелой корзиной белья из прачечной.

– Да, я оттуда, – сказал Шон.

В лице у его плеча что-то умерло, оно стало серым.

– Джентльмен не должен верить... мистеру Ахо... это же глупый старик... за сто фунтов такое наврет и на Библии поклянется, что правда. Это глупая история... заговоры, новый спаситель с Востока... все это ложь, бабьи сплетни. Заговоры! Этакое безобразное вранье. Мы – счастливые люди, мы так счастливы, что живем в этой прекрасной стране! Так любим замечательную организацию, которая о нас заботится и защищает! Моя семья – мы рабы джентльмена и готовы целовать вам ноги. Не верьте мистеру Ахо, сэр, умоляю вас, из нас никто и пальцем не шевельнет, чтоб навредить организации. Мы платим за квартиру, платим вам налоги, и никому ни слова...

Из проулка им навстречу вышли трое, двое из них на коротких крепких поводках вели овчарок. Третий, маленький толстяк, шел на шаг впереди, котелок сдвинут, открыт круглый розовый лоб, под мышкой палка – совсем как у фермера, приехавшего на ярмарку.

– А кто собирает деньги на этой улице? – спросил Шон.

Но индус уже исчез. Трое прошли мимо – толстяк с немим вопросом в голубых злющих глазах оглядел Шона. Одна из собак скользнула влажной мордой по его руке. Парни с овчарками посмотрели на него презрительными холодными глазами – глазами людей, которым принадлежит улица.

Может быть, это сборщики? – подумал Шон и обернулся.

Толстяк сделал то же самое.

– Интересно, это кто? – задумчиво сказал мистер Альберт. – Видел, как быстро ускакал этот маленький черномазый, когда заметил нас? Об заклад готов биться, это один из коды Ахо. Сходи-ка, Сид, поинтересуйся у старой сволочи, может, знает он этого парня.

7

Лежа на белом диване в красном, свисавшем до полу халате, закрывавшем ее всю, она походила на кровавое пятно. Волосы рассыпались по белой бархатной подушке, расшивая ее бледно-золотым, мягко поблескивавшим узором, похожие на золотистую реку или водопад. Голубые, как у куклы, глаза смотрели в потолок, нечетко обрисованные губы надуты, как у ребенка, круглые щечки – под нежной, гладкой кожей, казалось, не было скул – плавно переходили в полную девичью шею.

Бабетта увидела его тень, услышала звук шагов.

– Когда ты перестанешь бегать по комнате? – сказала она.

Произнесла это как-то бесцветно – нельзя понять, образованный говорит человек или нет, из Лондона или из провинции. Точно она приобрела свое произношение вместе с косметикой в каком-то безвкусном магазинчике. Мужчина с жидкими, бесцветными волосами, лежавшими, словно водоросли, жирными прядями на его лысине, не глядя на Бабетту, продолжал мерить комнату шагами, словно и не слышал этой фразы. Скорее по привычке, чем повинуюсь желанию, она распахнула полы халата – правая нога обнажилась до бедра. Ноги у Бабетты были длинные, прекрасной формы, колени гладкие, с ямочками, ступни маленькие и пухлые. Правда, щиколотки могли бы быть и потоньше, но ни мистера Брайса, ее нынешнего любовника, ни других мужчин, с которыми она была близка, это особенно не смущало.

– Можно подумать, меня здесь нет, – пожаловалась она.

– Ну что ты, – возразил мистер Брайс, повернулся, увидел обнаженную ногу, секунду смотрел на нее, как будто не совсем осознавая, что это такое, небрежно потянулся к Бабетте. Колено качнулось к нему, кукольная головка повернулась на подушке и взглянула на Брайса с еле завуалированным презрением. Он рассеянно погладил ее по ноге, она протянула к нему руки.

– Не надо, – сказал Брайс, – они могут прийти в любую минуту. Хочешь, чтобы нас увидели?..

– Ты считаешь, они думают, мы с тобой здесь в шахматы играем, когда одни? – Она стала его раздевать. – Так ты разрешаешь?

На мгновение он растерялся: мысли его были далеко от предмета их недавнего спора.

– Я же тебе сказал, они... – Тут Брайс вспомнил, что разговор шел о покупке шубы. – Я же тебе сказал, не могу. Четыре тысячи, это... это неразумно...

– Но ведь они у тебя есть?

– Дело не в том.

Она расстегнула ему рубашку.

– А в чем же?

В ее улыбке появилось что-то хитрое и плотоядное, отсутствующий взгляд стал живым.

– Черт бы тебя подрал! – сказал он. От злости в голосе его появились визгливые

нотки. – Тварь.

Улыбка ее стала злой и жесткой, глаза из кукольно-голубых превратились в стальные. Он больше не противился, и она притянула его к себе. Ее рука обвилась вокруг его шеи, губы прильнули к его губам – горячие, мягкие, влажные.

– Если я тебе не нужна, я знаю других мужчин, которые не откажутся...

Он лежал между спинкой громадного дивана и большими подушками сиденья. Бабетта встала, он слышал, как она пошла в ванную, включила воду. Господи, сделай так, чтобы они пока не приходили. Только не сейчас.

Это же несправедливо. Человек всю жизнь за что-то борется: за то, чтобы хоть немного пожить в безопасности, в роскоши, – и что же происходит, когда он этого добивается? Приходят люди и все это отбирают. Просто-напросто отбирают. Как будто в стране нет закона, как будто на них нет никакой управы. Отбирают – и все. Эти люди позвонили как-то вечером – он думал, ошиблись номером.

«Мы давно восхищаемся вами, мистер Брайс. И вашей организацией. – Он подумал, что звонят из полиции – его кровь превратилась в ледяную воду, – подумал, что-то случилось, произошла накладка в Хониуэлле. – Теперь ваша организация будет подчиняться нам». Вот и все.

«Подчиняться вам?..»

«Можете не отвечать прямо сейчас. Дайте нам ответ завтра утром. Мы позвоним в десять».

Он и не собирался подходить к телефону, но так долго не мог заснуть, что проспал. Лежал под балдахинном рядом со своей женой Нелли, а за окнами простирался парк. Брайс не знал, что счастлив. Его особняк в елизаветинском стиле под Лондоном был лучшим в радиусе сорока миль. Не молочная ферма, а настоящее чудо: семьдесят коров джерсейской породы, два главных приза на последней ярмарке графства. Сам лорд Брэмpton сказал ему по этому поводу: «Вы становитесь, скажу вам, Брайс, настоящим фермером. Показываете нам, старым консерваторам, преимущества новых методов». А Брайс понятия не имел, что такое новые методы, этим занимался управляющий, но слова лорда означали, что аристократы признали его. Теперь оставалось ждать их приглашений.

А как он за все это боролся! Более двадцати лет. Начал с одного дома, того самого, где они с Нелли поженились. Тогда на него вдруг снизошло: зачем снимать три комнаты, когда дешевле купить всю эту чертову крысоловку. Но надо было найти деньги на первый взнос. Дядя Нелли помог им. Брайс никогда этого не забудет, хотя ни до того, ни после дядя ничего больше для них не делал. Но те пятьсот фунтов...

Из помощника аптекаря Брайс стал владельцем недвижимости, из квартиросъемщика – домовладельцем. Они начали сдавать студентам и скоро поняли, что цветные готовы платить вдвое больше. Но и тогда дело пошло не сразу. Он не сразу смекнул. Все никак не мог сообразить. Накопил денег и купил аптеку, вместо того чтобы купить второй дом. Только через шесть лет они приобрели второй дом, через десять – третий. И тут будто плотину прорвало: он понял, что такое собственность, как ею надо распоряжаться.

Три купленных дома были в неплохом состоянии: старые викторианские дома на

окраине Хониуэлла, правда, облезлые, но стоять могли еще долго. Покрасил их два раза, заменил кое-где доски в полу – и стали выглядеть почти на ту цену, которую он за них заплатил. Но последующие его приобретения были уже совсем другие. Этим домам оставалось жить пять, десять лет, прежде чем они сами развалятся: местные власти все равно приговорили их к сносу. Он арендовал их за несколько сотен фунтов, обязавшись отремонтировать или снести, а ремонтировать такие дома дороже станет, чем новые построить.

Он ничего не ремонтировал и не сносил. Судебные разбирательства обходились ему в сотни фунтов, пока он не нашел способ заткнуть глотку местным властям, а тем временем набил трущобы от подвалов до чердаков пакистанцами и ямайцами. В первый год новый бизнес принес ему больше денег, чем, казалось ему, вообще существует за стенами Английского банка. Эдвард Брайс купил «роллс-ройс», загородный особняк, начал нанимать новых сотрудников. Таких, которые не позволят местным хулиганам в пятницу вечером отбирать у жильцов деньги. Поначалу это было главным соображением. И Брайс нашел самый простой выход – нанять местных уголовников. Мистер Альберт Феттер был одной из его первых и самых ценных находок. Когда становилось трудно собирать квартирную плату, жильцы вдруг упрямылись и отказывались платить по новым ставкам или освободить место для тех, кто готов был платить, именно Альберт показал, как решаются подобные проблемы.

Естественно, о подробностях мистер Брайс и слышать не хотел. Он сразу же сказал Альберту: «Я ненавижу грязные делишки». Он так их ненавидел, что сейчас даже и не смотрел дома, которые покупал. Его фамилия не фигурировала в деловых операциях, которые велись через множество разных компаний – эксперту по вопросам налогообложения потребовалось бы лет пять, чтобы распутать все это. Большинство квартиросъемщиков понятия не имели о его существовании. Только люди старшего поколения, вроде мистера Ахо, все еще жившие в первом из домов «отремонтировать или снести», знали его и звали по имени. По закону они платили арендную плату компаниям «Мэнор истейтс», «Люсинда холдингс», «Уэлфейр гарден хаузинг корпорейшн», но, будучи по большей части людьми бедными и невежественными, называли мистера Брайса Домовладельцем.

Дойди дело до суда, было бы, разумеется, очень просто доказать, что они ошибаются, но раз такого не происходило, возражать не имело смысла. Два честолобивые репортеры пытались раскопать какой-нибудь скандальный материал и создать себе репутацию на пустом месте. Но законы о клевете – да и деньги – были хорошей защитой от них. Просто удивительно: несколько тысяч фунтов, если их раздать кому надо, помогают сохранить в тайне твою жизнь. Совсем как высокий забор.

Брайс был счастлив. По-настоящему счастлив. Год назад он сказал бы, что его жизнь – полная чаша. Полная до краев. Нелли поправлялась после операции. Появилась эта квартира. Первоначально она предназначалась для Квини. Когда же та сбежала с Бенджамином, Брайс нашел Чарлин, которую сменила ее подружка Марна, а потом – Бабетта. Он медленно облизал свои сухие, чуть запекшиеся губы, посмотрел на атласные обои над спинкой дивана: оптовая цена – двадцать семь фунтов за рулон. На свою спальню он бы таких денег не потратил. С Нелли припадок случился бы, узнай она, что он израсходовал такую сумму на обои для комнаты, не говоря уже о том, что это цена одного рулона.

Двадцать семь фунтов за рулон обоев. Четыре тысячи за шубу. Да еще «альфаромео». Никаких денег не хватит. Точно бездонная бочка. Кидаешь туда деньги, и они пропадают. Почему бы не выгнать ее? Как Марну. Нужно только сказать Альберту... или кому-то еще из этих...

Его мысли завертелись вокруг денег, которые Бабетта тратила, словно это оберегало его от мыслей о другом...

Они перезвонили в десять, и он рассмеялся в трубку – так в это время дня смеется человек, когда солнце освещает его тридцатиакаровый парк и газоны, когда у него сто тысяч фунтов в швейцарском банке, еще сто тысяч в Канаде – на всякий случай и...

Он бросил трубку, зашел в гараж – Сэмюел в этот день не работал, – завел «роллс». Передок машины словно приподнялся над землей, очень медленно, как в замедленной съемке. И Брайса ошарашил звук взрыва – ударная волна обрушилась на его барабанные перепонки, расплющивая череп, словно гигантские трещотки, ослепила его, оторвала от кожаного сиденья, швыряла из стороны в сторону. Брайс услышал свой крик и продолжал кричать, уже не понимая, кто кричит, а дальше вообще перестал что-либо соображать. Багровые колеса медленно завертелись у него в голове, а сам он, маленький, чистенький человечек, в чистеньком сером костюме, рухнул на сиденье, хватая ртом воздух, как рыба, размахивая маленькими ручками с наманикюренными пальцами.

Взрыв оказался несильным – все было рассчитано: повредить машину так, чтобы с водителем ничего не случилось. Он не потерял сознания: слышал крики за стенами деревянного, обсаженного розами гаража; слышал, как Мэттьюз, старший садовник, бежал и орал: «Пожар, пожар!» Потом – дворецкий. И одна из горничных. И, как всегда, последней прибежала Нелли. Задыхаясь, всхлипывая от страха, она попыталась вытащить его из машины. Дура! Неуклюжая дура! А вдруг у него был бы сломан позвоночник? А вдруг? Но он позволил ей отвести себя в дом, уложить в постель. И вызвать врача. Но не полицию. И когда ему снова позвонили в одиннадцать, он уже очень внимательно их выслушал и сделал все, что ему сказали. Так продолжалось до сих пор.

Он и сейчас вообще-то не понимал, что им нужно. «У нас большая организация. У вас – маленькая. Мы хотим слиться с вами. Не более того. Мы увеличим ваш доход и будем забирать часть новых поступлений. Вот и все. Откровенно говоря, деньги нас не волнуют. А вот безоговорочное подчинение приказам – да. И секретность. Приказы не оспариваются и не обсуждаются. Нам очень не хотелось бы вас заменять».

Его и сегодня прошибает пот, когда он вспоминает этот голос. Надо подчиняться людям, которых никогда не видел, фамилий их не знаешь, ничего вообще про них не знаешь! Что им от него надо? Какого черта?

«Вы станете членом зонального комитета нашей организации. Будете с ним всемерно сотрудничать. Скоро вам станут известны и остальные члены. В будущем инструкции будете получать через них. Но мы в любое время сможем войти с вами в прямой контакт – если это окажется необходимым».

Он услышал, как она вышла из ванной. Налила себе чего-то.

– Я тоже выпью, – сказал Брайс. Ему хотелось, чтобы его слова прозвучали повелительно и отрывисто. Когда он говорил подобным тоном с Нелли, та бежала к

нему, как толстый старый спаниель, чуть ли не волоча задницу по полу.

– Тебя что, кондрашка хватил? – спросила Бабетта. – Почему ты не можешь купить мне шубу? – Но свой стакан она ему все же отдала, поставила его холодным дном Брайсу на голый живот, где расстегнулась рубашка, и смотрела на него сверху вниз прищуренными, без улыбки глазами. Бабетта сняла халат и сейчас была в золотисто-розовом китайском платье тяжелого шелка, на котором был вышит дракон, ползущий к ее горлу, как ящерица по гибкому деревцу. Платье по бокам было с разрезами до бедер, под платье она не надела ничего.

– Кто у Бабетты Медвежонок? – прошептала она, присев у его колен, и, положив руку рядом со стаканом, принялась массировать его грудь. – Стайни говорит, таких шуб всего три во всем мире. Потом могли бы поехать куда-нибудь вдвоем. Тебе надо отдохнуть. – Ее голос был бесцветным и раздражающим, как легкое поскребывание ее ногтей по его коже. – Ты мог бы взять напрокат яхту...

Ему стало страшно: она опять за свое? Со свету сжить хочет.

– Они сейчас придут, – прошептал Брайс.

– Почему ты их так боишься?

– Я не боюсь. – При одном воспоминании он почувствовал, как у него задрожали губы. Даже рука Бабетты на его груди была счастьем, как и тяжесть ее тела на его ногах. С ума можно сойти, набрасывается как змея, надо было избавиться от нее, лишь только они месяц прожили. Но, отказываясь подчиняться разуму, здравому смыслу, инстинктивному чувству тревоги, Брайс видел в ней как бы защиту, преграду между ними и собой. Он погладил пальцами ее запястье. Почему он так боится? А кто бы не испугался? Они вчетвером сидели в комнате, потом Робертсон пошел на кухню помочь Бабетте принести выпивку. Редвин выпил, сказал: «До завтра» – и попытался встать. Какое же у него было лицо! Он открыл было рот, чтобы закричать. Попробовал приподняться. Почти уже встал. Но удержаться на ногах не смог.

Брайс почувствовал, что у него на лбу выступил пот. Он же все это видел собственными глазами. Робертсон посмотрел вниз на Редвина, поднял ему веко большим пальцем. А Редвин был еще жив.

– Мы могли бы куда-нибудь уехать, – продолжала шептать Бабетта. И никогда в жизни не возвращаться. Никогда.

Раздался звонок в дверь.

8

Только в третьей телефонной будке автомат работал. Внутри на полу блевотина, телефонные справочники почти все отсутствовали, но аппарат соединял. И вот – голос Маргарет.

– Шейла, – сказал он, и она переключила разговор на спецлинию, где их не могли подслушать.

– Да? – Голос ее звучал холодно и бесстрастно. Как будто между ними ничего никогда не было, кроме общей работы.

– Происходят очень странные вещи... думаю, Рэнделл обязательно должен об этом узнать.

– Он уже знает. – Словно лед.

– Он...

– Вчера ты был на кремации. А потом произошел инцидент в придорожном заведении, верно? Как мне кажется, не очень для тебя приятный. – Язык и тон у нее были как бритва.

– А сегодня? – спросил он, сжимая трубку в кулаке. – Об этом вы тоже слышали?

– Да. К нам только что поступила жалоба из Спецслужбы, что ты выдавал себя за одного из их сотрудников. Они крайне недовольны. Как, впрочем, и Оливер. Он хотел бы встретиться с тобой в понедельник, в полдесятого утра, чтобы ты объяснил, чем занимаешься.

Он видел ее лицо, как если бы она стояла перед ним, за стеклом телефонной будки. Дико напряженное. Дико злое. Уже пять месяцев нарастала эта злость и грозила прорвать маску холодного спокойствия Маргарет.

– Пока же он просил передать тебе, если ты случайно позвонишь... – ее голос на мгновение задрожал, снизошел до сарказма, – ...ты отстранен от исполнения служебных обязанностей. Ты ничего не будешь предпринимать, никому ничего не скажешь о том, что произошло вчера и сегодня. Тебе запрещено звонить на работу, пока ты не встретишься с Оливером в понедельник. Все ясно?

Он не ответил. Маргарет положила трубку. Шон медленно оторвал трубку от уха и опустил ее на рычаг. Рядом с будкой прошла белая женщина с двумя цветными детьми в коляске; она была на шестом месяце, если судить по животу, в поношенном, наполовину застегнутом пальто.

– Где можно сесть на автобус или найти такси? – спросил у нее Шон.

Женщина посмотрела на него пустыми глазами, как будто не понимая, что он сказал, что такое автобус, такси. Вдруг откуда ни возьмись из-за телефонной будки появился негритенок: худое хитрое личико, черные курчавые волосы, глаза словно лужицы нефти.

– Автобус нужен, мистер?

Шон кивнул.

– Какой, мистер?

– А если такси? – спросил Шон. Мысли его были все еще заняты Маргарет, тем, как звучал ее голос, что она сказала, что это могло значить.

– Туда надо идти, мистер. По Хониуэлл-роуд, там, внизу, автобусы и такси... – Мальчику, наверно, лет одиннадцать-двенадцать. Ноги худые как спички, руки похожи на птичьи лапы. Глаза человека, который знает все, что происходит на улице.

– Тут один человек собирался снимать телевизионный фильм, – рассеянно, почти машинально произнес Шон, продолжая думать о Маргарет.

Мальчик посмотрел на него глазами, которые вдруг стали совсем не детскими.

– Ты полицейский?

– Нет, – сказал Шон. – А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Потому что он умер.

– А что, если мы с тобой пойдем поедим мороженого?

Стремление услужить исчезло с лица мальчишки. Казалось, сама улица смотрит на Шона глубоко посаженными, темными, как нефть, глазами.

– А если я дам тебе полкроны?

Мальчишка заколебался, хоть и продолжал медленно пятиться, собираясь в следующую секунду повернуться и убежать.

– Если ты про него расскажешь побольше, можешь заработать и пять шиллингов. Он здесь со многими разговаривал?

Мальчишка кивнул, не спуская глаз с Шона.

– Где же тут можно поесть мороженого?

Негритенок мотнул слишком большой для его тонкой шеи и худого тела головой и бросил:

– Туда, прямо.

Он повернулся и бочком пошел вперед, показывая дорогу, шагая по сточной канаве, цепляя ногами рваную бумагу, апельсиновые корки, пыльный уличный мусор. Шон следовал за мальчиком, чувствуя, что за ними наблюдают. Из окон, подъездов, от перил, огораживающих тротуар. Женщины с истощенными лицами, в бигуди и рваных трикотажных кофтах баюкали на крылечках многоквартирных домов полуобнаженных детишек. Девушка, причесывавшая черные волосы, высунулась из окна второго этажа и улыбнулась Шону, когда их взгляды встретились. Ему показалось, ее блузка, открывавшая большую часть груди, сшита из британского флага. Девушка еле заметно кивнула, как бы приглашая к себе.

Шон вспомнил, каким тоном разговаривала с ним Маргарет – словно его неожиданно ударили по лицу или он наступил на грабли в темноте. Приятно будет в понедельник утром встретиться с Рэнделлом и сказать ему, что он может сделать со своей работой, своим Управлением и жалобами Спецслужбы. Он остановился, мальчишка тоже стал, наблюдая за ним, за выражением его лица.

Зачем продолжать это дело? С какой целью? Шон подумал о майоре, который умирал в больнице. Печально, очень печально. Но разве это что-то оправдывает? Чтобы он прибежал и сказал: «Шон – хороший пес, он нашел мяч»? И положил его к ногам хозяина? А вдруг этот мяч принадлежит Рэнделлу? Это бы многое объяснило. Иначе откуда Рэнделлу знать об инциденте в гостинице «Дилижанс»? Неужели он влез в чужую операцию? И его избили, потому что не знали ни кто он такой, ни что там делал? А потом забрали бумажник и все выяснили?

Значит, Рэнделл взбесился, потому что он, Шон, влез не в свое дело? Но что же тогда хотел Редвин сообщить майору? Может, он что-то раскопал на этой улице? Шон посмотрел на мальчишку: ботинки и брюки ему велики, рубашка порвана, глаза пятидесятилетнего мужчины. Посмотрел на грязь в сточной канаве; женщины на ступеньках крыльца, мимо них идет чернокожий кондуктор автобуса. Шон вспомнил Ахо и юношу-индуса в подвале дома № 118, что за углом; вспомнил страх и ненависть; женщину с коляской. Господи боже мой, да что этот Редвин мог здесь

раскопать из того, чем можно кого-то потом заинтересовать?

Он пошел дальше, не думая, куда идет, почти забыв о негритенке, которому пообещал мороженое, и о том, почему он здесь. Мальчишка шел на два шага впереди – шел настороженный, озадаченный изменившимся выражением лица белого, пытаюсь понять, не грозит ли ему опасность.

Грязь, ненависть, страх. А майор все никак не забудет о своих сорока годах службы, об Англии, которой служил. А это? Был майор когда-нибудь на такой вот улице, признал бы он в этом Англию?

Что он видел, майор, когда думал об идеале, ради которого трудился всю жизнь? Известковые холмы Суссекса? Смену караула у королевского дворца? А Маргарет, которая во всем ему подражает? Да что они, ослепли? Шон снова остановился, ударил кулаком одной руки в ладонь другой – негритенок отскочил от него еще шага на три. Да что они, с ума все походили?

И сам он тоже сошел с ума под их гипнозом? Работать ради этого?

Вдова Редвина с матерью в их псевдоякобитском доме – прямо с рекламы торговца недвижимым имуществом: центральное отопление и все соврем. удоб., – их бредни о мировом заговоре. Неужели это и есть те страшные факты, о которых хотел сообщить Редвин? Чушь собачья, которую он услышал здесь, около этих сточных канав, от такого же мальчишки или старика вроде Ахо?

Мысли Шона перескочили на Венецию, на Никколо, он увидел солнце на истертых камнях, грязную, плещущую о стены домов воду каналов. Венецианцы по крайней мере знают, что умерли, что живут в музее. Они не ищут заговоры, которые объяснили бы, почему это так, и не делают вида, что по сей день правят миром. Солнце, вино, женщины, умудренная жизнью улыбка. Только бы вырваться отсюда. «В понедельник преподнесу Рэнделлу небольшой сюрпризик, – подумал Шон. – Нечто вроде хорошего удара ногой в пах. Потом пошлю телеграмму Никколо: «Прибываю завтра. Подготовь девочку». Девушка должна быть вроде той Ланд с телевидения».

Шон взглянул на мальчишку. Они дошли до угла. Дорога сворачивала влево и шла вдоль железнодорожного полотна, отделенного огромной стеной из закопченного камня, который даже на солнце был покрыт слезами измороси; между камнями росли сорняки, кое-где виднелись маленькие голубые цветочки. Высоко на стене кто-то намалевал свастику и слова, которые потом замазали. Сквозь краску можно было разобрать – «черномазые».

– Вон там, – сказал мальчишка.

Похоже, он боялся Шона, боялся даже убежать от него. Шон улыбнулся ему, почувствовал, как будто помолодел на десять лет – с плеч его словно свалилась огромная тяжесть. Он свободен. Свободен от майора, от Маргарет, Рэнделла, Редвина, работы, Лондона – от всего. Он продаст машину, получит месячное жалованье – если не избыток Рэнделла, – да еще отпускные. Взвесим, что лучше – деньги или удовольствие от этого поступка? Будем вести себя разумно, подумал он, будем улыбаться, будем джентльменом, попросимся, поставим им выпивку.

– Я куплю тебе самую большую порцию мороженого – столько ты еще никогда не ел. Тебя как зовут?

– Уилфрид. – Но ближе не подошел. – Это вон там. – Его глаза определяли соотношение опасности и возможности получить пять шиллингов с мороженым.

Впереди, в туннеле под железной дорогой, стоял разборный барак с полукруглой крышей из рифленого железа, превращенный в кафе. Они поднялись по деревянным ступенькам, почувствовали запах жарящейся рыбы, давно съеденных блюд и липкий влажный холод. Стойка, ряды столов и скамеек, на столах бутылки с соусами. За стойкой блондинка смотрит в титан для чая, как в зеркало, пытается выдавить прыщ. Увидев Шона, улыбнулась, наклонилась вперед, демонстрируя под грязным нейлоновым халатом полную мягкую грудь. Под когда-то белым халатом был черный лифчик. Она подняла руку, чтобы поправить халат, и чуть приоткрыла вырез.

– Мороженого, – попросил Шон, надеясь, что оно будет фабричного производства, завернутое в бумагу.

Они сели за стол напротив друг друга, блондинка принесла мороженое, влажной тряпкой вытерла стол. Негритенок нервничал, ел быстро, словно боялся, что Шон не даст ему доест. Блондинка не уходила, вытирала дальний конец стола.

– Он меня тоже угощал мороженым, – неожиданно сказал мальчишка.

Надо бы у него что-нибудь спросить, подумал Шон. Но зачем?

– Откуда ты знаешь, что он умер?

– Папа сказал. – Глаза мальчишки скользнули по официантке, по двери. Небрежно насвистывая, вошел мужчина в расстегнутой кожаной куртке, клетчатой рубашке, на узких бедрах тяжелый ремень с квадратной медной пряжкой. Он искоса взглянул на Шона и Уилфрида из-под козырька кожаной фуражки, сел за стол в глубине полутемного барака, щелкнул пальцами, подзывая блондинку.

– Так он разговаривал с твоим папой?

– Угу. – Мальчишка посмотрел через плечо на вошедшего. – Пожалуй, я пойду.

Шон передвинул ему через стол две монеты по полкроны. Чего он зря тратит время? Наверно, по привычке. Из упрямства.

– Расскажи мне, о чем они разговаривали, что этот человек хотел узнать. Расскажешь?

Мальчишка как загипнотизированный посмотрел на монеты, снова присел на скамью и прошептал:

– Может, и расскажу.

9

Брайс открыл рот как рыба и посмотрел на Рэнделла, как будто перед ним внезапно из темноты появилось чудовище.

– Но мы не смеем, – прошептал он. – Прямо так вот... может, он еще...

Рэнделл поднял узкую змеиную голову, ласково улыбнулся Брайсу:

– Может, он обо всем забудет и уйдет? Вы это хотели сказать?

Робертсон тихо сидел между ними, смотрел на свою рюмку с коньяком, которую держал меж ладонями и безостановочно вертел большими пальцами. Все вертел и

вертел. Брайс поймал себя на том, что следит за движением этих широких сильных пальцев. Просто кошмарный сон какой-то! Он почувствовал, что весь покрылся холодным липким потом. Больше он не выдержит. Надо спасаться. Бежать, куда глаза глядят. Нелли они не тронут, даже если его здесь не будет; она не пропадет: ей достанутся загородный особняк, ферма, Альберт... Альберт будет о ней заботиться, будет собирать арендную плату. Посылать ему деньги. Не станут же они его преследовать, если он сохранит молчание, ничего не расскажет. Не могут же они...

Брайс вспомнил, как приподнялся передок машины, как взрывная волна ударила ему в уши. Он закрыл глаза, чтобы не видеть Рэнделла, словно таким образом он мог вычеркнуть его из своих мыслей, из своей жизни.

– Ну? – сказал Рэнделл. – Стоит ли мне напоминать, что это, во многом, к вашему же благу? Вайнинг только что рассказал нам, что именно вашу фамилию узнал Райен. И именно здесь... – Рэнделл сделал паузу, подождал, пока Брайс под его психологическим нажимом открыл глаза и позволил встретиться с ним взглядом, загипнотизировать его, – ...именно здесь... – его четко очерченные брови поднялись, тонкие губы изогнулись, будто он пробовал слова на вкус, – ...начался последний этап операции «Редвин». Или вы забыли об этом?

Рэнделлу доставляло огромное удовольствие мучить Брайса. Мучить вообще кого угодно. Но Брайс, такой беспомощный и одновременно богатый, держал в своих маленьких мягких неприятных ручках огромную власть и не знал, как ею пользоваться, – такого мучить все равно что создавать произведение искусства, смаковать тонкий ликер. Взять и нажать на этого маленького жадного глупца. Это все равно что надавить острым каблуком на толстую беспомощную жабу. Давить и давить, пока жабий рот не раскроется в агонии, а выпученные глаза не наполнятся влагой. Это была одна из причин, в силу которых он организовал срочную встречу на квартире. Две другие – Бабетта и вопрос полезности или бесполезности Брайса. В будущем. Слегка скривив губы, Рэнделл подумал: интересно, как будет выглядеть Брайс, когда наконец узнает, зачем он нужен им вместе со своей отвратительной и убогой организацией. С таким же нетерпением он дожидался той минуты, когда будет объяснять Брайсу, что такое Хрустальная ночь, и когда отнимет у него Бабетту.

– Если бы я рискнул высказать догадку, – сказал он, – то сказал бы, что сейчас Райен находится в одном из двух мест. Либо в Хониуэлле расследует вашу деятельность, либо в Ричмонде обсуждает ее с майором Кортни. Надеюсь, это вас поторопит и вы со мной согласитесь?

Рэнделл забавлялся, делая вид, что согласие Брайса имеет какое-то значение. В известной мере какое-то значение оно имело. Нельзя допустить, чтобы Брайс пошел против них в этом или любом другом вопросе. Пока он им еще нужен.

Брайс, стараясь не смотреть на Робертсона, перевел взгляд на майора Уиллиса, ожидая помощи, какого-то протеста с его стороны. Но майор сидел, откинувшись в глубоком кресле, и решительно не собирался сводить глаз со стены над головой Рэнделла, как человек, который видит и слышит лишь то, что хочет. Рядом с Уиллисом сидел Вайнинг все еще с помертвевшим лицом – так крепко пять минут назад досталось ему от Рэнделла. Брайс вспомнил, что натворил Вайнинг по чистой тупости, по злобе, и чуть не задохнулся. Снять телевизионный фильм о Хониуэлле. Отправиться к Ахо... выудив из него обманом фамилию Ахо... послать туда этого

злобного дурака Редвина...

Ну как можно сделать такое? Как Вайнингу позволили такое сделать? Сказали, это пропаганда. С ума они сошли? Брайсу хотелось плюнуть Вайнингу в лицо, заорать на него. Но он сидел, как в ловушке, на диване, ломая голову в поисках выхода.

Его взгляд снова упал на руки Робертсона – большие пальцы мягко и осторожно сжимают хрупкое стекло шарообразной рюмки. Он услышал голос: «Вы поступите так, как вам прикажет капитан Робертсон». Почему он не убежал еще тогда, до того?.. Но он же не знал, как он мог догадаться! Даже когда... когда все произошло, он не знал... даже когда вел туда ночью машину. Боже мой... как мог кто-либо... как он сам мог подумать... его же только вынесли... он был еще жив! Даже ожидая у ворот, когда они выйдут... он думал только об одном: как заставить замолчать Редвина. Он ничего не придумал, не притрагивался к Редвину... как мог кто-либо... его бизнес и вся жизнь оказались теперь под угрозой... Нелли... Бабетта... только заставить его замолчать. А теперь... вот что получилось. Брайс заерзал на мягких подушках лебяжьего пуха, почувствовал кислый резкий запах своего ужаса.

– Я хочу услышать от каждого из вас четкий ответ: «да», – продолжал Рэнделл. – Необходимо, чтобы в будущем не было ни малейших сомнений, что мы приняли единогласное решение. Не так ли, Эдвард?

Брайс беспомощно смотрел на него, подняв маленькую пухлую ручку на уровень сердца ладонью вперед, как будто это могло защитить его. А что, если скрыться с Бабеттой, никому, даже Альберту, не сказав ни слова, бросив тут все? В Канаде и Швейцарии у него достаточно... там им его не найти...

– Эдвард? – Голос Рэнделла полоснул его как бритва.

– Я...

– Да. Или нет?

– Да, – прошептал Брайс, чувствуя, как точно из крана по груди, под мышками течет пот.

– Слушаю вас, майор!

Майор Уиллис попытался подумать, но пары виски и коньяка туманной завесой отделяли его разум от комнаты, от того, что сказал Рэнделл, от смысла его слов. Да или нет. Вот, черт возьми, в чем вопрос. Да или нет. Прямой ответ на чертовски прямой вопрос. По дороге сюда из «Головы турка» он остановил такси и быстро пропустил пару стаканчиков укрепляющего. И еще до прибытия почувствовал себя гораздо лучше. Гораздо, черт возьми, лучше, а сидя на пуховых подушках брайсовского кресла, потягивая чертовски хороший брайсовский коньяк – и еще того лучше.

И Робби здесь. Робби с кем угодно разделается. Разделается он и с этим ублюдком, как разделался с Редвином. Не знаю, правда, как. И знать не хочу. Застрелился Редвин, факт. И все по вине этого слизняка Вайнинга. Уиллис сидел, слушал, как Рэнделл рвал того на куски, и приятная теплота от сознания, что все правильно, а он к этому непричастен, охватывала его, а коньяк Брайса вливался в майора, смешиваясь с виски.

Кресло, комната пахли Бабеттой – для него это был запах весны, аромат цветов. Ну и красotka! Жаль, Брайс ее отослал. Но так оно, конечно, лучше. Нельзя вовлекать дам

в подобные дела. Но какая красotka! А платье! Настоящая размахайка, что сзади, что спереди, и, черт возьми, ничего под ним! Только ее тело. Когда она поворачивается, всю ногу до бедра видно!

Его мысли унеслись далеко от этой комнаты, от голосов, от того, как Рэнделл хладнокровно изничтожал Обри Вайнинга. Майор представил себе, как они с Бабеттой поедут в Монте-Карло. Но с такой, как она, немного времени останется на старый добрый шмендефер⁹. Он проглотил остаток коньяка, рассеянно посмотрел по сторонам – где бы взять еще?

Вот что нужно настоящему мужчине! В этом-то и заключается жизнь: шлюшка вроде Бабетты, такая квартира да бар с несколькими бутылками славного «Наполеона». А тут Вайнинг, Райен... Фамилии доносились до него из тумана, раздражали, как жужжащие мухи. Рэнделл все говорит и говорит. Спрашивает, спрашивает насчет Райена. Они разделяются с этим ублюдком. Робби с ним разделяется. Сукин сын, пусть не лезет куда не надо. Если его прикончат, как солдата в рукопашной, штыком, черт возьми, скатертью дорога. Робби с ним разделяется.

Уиллис обшарил комнату взглядом в поисках Робби. Их только двое таких и осталось. Он да Робби. Настоящие бойцы. Бывалые солдаты. Старые вояки. Только это имеет значение – быть солдатами, товарищами по кровавым схваткам. А эти «Теневая армия», «Фонд треста» – чушь собачья, какое они имеют значение. Значение имеют дружба, преданность и, черт возьми, когда солдаты стоят плечом к плечу! Они защищают границы Британской империи. Перед его глазами всплыла яркая красивая картинка, висевшая на стене классной комнаты. Картинка залита солнцем, льющимся из окна. На улице деревья. Черномазые атакуют. Вокруг черные лица, ненависть, вопли – отвратительно, точно черти. Цепочка чистых английских парней, в тропических шлемах, с винтовками, косит их огнем. Каре. Английское каре. Командиры – два бесстрашных офицера в идеально чистеньких мундирах цвета хаки, под мышкой – стеки, закрученные усы. Клянусь богом, это и есть солдатская жизнь. Картинка заколебалась, придвинулась ближе. Вот он и Робби. Бесстрашно стоят плечом к плечу. Косят огнем черномазых.

Это была одна из нескольких картинок в патриотическом духе, украшавших стены классных комнат в пригготовительной школе, где учился Уиллис. Школа не особенно хорошая, хотя один из ее выпускников задолго до Уиллиса попал в Итон. Но очень патриотическая. Набор картинок отпечатался в мозгу майора лучше, чем все остальное, чему его учили в школе. «Атака бригады легкой кавалерии». Единственный англичанин, уцелевший в Кабуле, скачет к маленькому пограничному форту; из ран его течет кровь. Смерть адмирала Нельсона. Гордон в Хартуме. Зулусские импи¹⁰ идут в атаку под Изанзлваной и падают, образуя горы окровавленных трупов. Для майора Уиллиса эти и остальные картинки набора олицетворяли все самое ценное в истории Великобритании и Британской империи.

Он вдруг почувствовал, что все замолчали, очнулся. Рэнделл в упор смотрел на него. Майор залепетал:

---

⁹ Азартная карточная игра.

¹⁰ Воины.

– Што? Што?

– Жду вашего ответа, майор.

– Да, да, разумеется...

В спальне зазвонил телефон – звонок показался таким пронзительным в тишине. Брайс дернулся, оглянулся, беспомощно посмотрел на Рэнделла. Тот кивнул, и Брайс вышел в спальню, подумал, закрыть дверь или нет, в конце концов оставил ее открытой. Все молчали. Рэнделл ждал, чуть склонив голову набок, с наигранным вниманием прислушиваясь к звукам в спальне.

– Да, да, Альберт, это мистер Брайс. – Голос хозяина квартиры был задыхающимся, испуганным.

«Грязная сволочь, – подумал майор Уиллис. – Своей тени боится». Он потянулся за бутылкой коньяку, стоявшей на низком столике, налил себе хорошую дозу укрепляющего.

– Как он выглядит? Высокий... А он... он говорит с ирландским акцентом? Нет, нет, конечно, нет...

Рэнделл прикрыл глаза, разыгрывая нетерпение, встал, прошел в спальню.

– Я поговорю с ним, – сказал он. – У телефона майор Кэннон, Альберт. В чем дело?

Он выслушал описание Шона Райена, рассказ о том, как он явился к Ахо. В другой комнате майор Уиллис был в это время на афганской границе и скакал сквозь град пуль к далекому форту. Рядом с ним, словно застыв, сидел Вайнинг, чувствуя, как в нем поднимается страх и дикий, почти истерический гнев и преобладает то одно, то другое; он смотрел на Робертсона, который находился в другом конце комнаты и слушал Рэнделла, почти пародируя то, как Рэнделл слушал Брайса. Но капитан не добивался, да и не мог добиться того эффекта, которого достигал Рэнделл: в его манере не было ни издевки, ни презрения. Бешеная собака этот Робертсон. Мозг Вайнинга не желал воспринимать того, что случилось, что случится, во что он оказался замешанным. Это люди? Убийцы. Он внимательно смотрел на покрытое бронзовым загаром пустое лицо Робертсона, на его черные, похожие на огромную гусеницу усы – нечто мерзкое и живое, слегка шевелившееся словно передвигалось над желтыми редкими зубами, пока Робертсон слушал и улыбался, погруженный в свои мысли.

– Где он сейчас? – спросил Рэнделл.

– Я велел за ним присмотреть, – с гордостью объявил Альберт. – Он в кафе рассиживает сейчас с черномазым парнишкой. Звать парнишку Уилфрид. Поди ирландец ему нежелательные вопросы задает, это уж точно. – Для Альберта самым ужасным преступлением, даже более ужасным, чем неуплата за квартиру, были нежелательные вопросы или ответы на них.

– Вот это очень интересно, – медленно произнес Рэнделл. – Очень. – Он улыбнулся Брайсу, желая в эту минуту, чтобы тот разделил улыбку и мысль, которая ее вызвала, потому что никто больше в комнате не мог так быстро отреагировать.

Брайс в ответ нервно скривил губы, хотел сесть на край постели, но не решился. Прилечь бы сейчас, выключить свет, полежать тихонечко в темноте.

– Минутку, Альберт, мне надо подумать. – Рэнделл не сводил глаз с Брайса, гипнотизируя его своими горящими глазами, улыбаясь. – Думаю, мы можем это использовать. Все складывается как надо. – Он отвернулся от Брайса к телефону. – Думаю, он пристаёт к мальчику, Альберт, я в этом уверен. Вы должны энергично показать, что не одобряете этого. У вас есть под рукой двое-трое ваших ребят? – Он лег на кровать, растянулся во весь рост, элегантно скрестил ноги в ботинках на атласном покрывале цвета слоновой кости. – Нет, собак не надо. Это может впоследствии усложнить дело. Действуйте так энергично, как вам нравится. Нет, окончательно вопрос, разумеется, решать не надо. Когда выразите свое неодобрение, отвезите его в дом тридцать семь по Портмен-роуд в его квартиру. Это прямо за Марбл-Арч. Ключи будут у него в кармане, там его и бросьте. Машина у вас есть? Если вдруг кто увидит, как вы заносите его в квартиру, облейте Райена виски. Но лучше бы вас не видели. Вам все понятно? Дом тридцать семь по Портмен-роуд. Прекрасно, приступайте, Альберт. О развитии событий докладывайте мистеру Брайсу. Он будет ждать вашего звонка.

10

Мальчишка внезапно замолчал, будто выговорился и не знал больше слов. Вид у него был испуганный; он искоса кинул взгляд на официантку, которая теперь стояла у титана, медленно и методично ковыряя спичкой в зубах.

– Давай дальше, – подсказал Шон.

Уилфрид покачал головой и боком стал выползать из-за стола.

– Я пойду. А то мать убьет: мне за братом надо присматривать.

Дверь кафе распахнулась – вошел Альберт в сопровождении двух подручных, которые помогали ему собирать арендную плату. Уилфрид увидел его, посерел от страха. Застыл на краю скамьи, глядя на Альберта; рот его скривился, медленно начал открываться. Мальчик готов был завопить от ужаса, хотя знал: вопить бесполезно. Альберт улыбнулся ему.

Шон увидел, как изменилось лицо Уилфрида, услышал, как открылась дверь.

– Вот он, – сказал Альберт.

Шон резко повернулся, напряг мышцы плеч, сразу же расслабился. Краем глаза он заметил: человек в глубине кафе встал, держась руками за тяжелую медную пряжку ремня. Двое парней за спиной Альберта напрочь загородили дверь.

– Что такое? – прошептала официантка. Посмотрела сначала на Альберта, потом на Шона. – Только не здесь.

– Что он делал с тобой? – Альберт схватил Уилфрида за шиворот, чуть приподнял и сильно ущипнул, продолжая улыбаться такой добренькой улыбочкой, которая Уилфриду показалась страшнее злобы. Он не понимал и не пытался и догадаться, как мистер Альберт узнал, что он что-то рассказал. Просто мистер Альберт знает и теперь убьет его. Уилфрид открыл рот и в ужасе закричал, сцепив пальцы рук, похожих на птичьи лапы. – Эта сволочь сделала тебе больно? – спросил Альберт, и Уилфрид снова закричал, чувствуя, как толстые пальцы впились ему в шею, надавили на шейный позвонок. Альберт отпустил его и повернулся к Шону. – К маленьким мальчишкам, значит, пристаешь? Я знаю, как с такими себя вести. – Он поманил троих подручных,

не сводя глаз с Шона. – Ты у меня пожалеешь, что в Хониуэлл сунулся, мистер Сучий Потрох Райен.

Шон шагнул назад, пока не уперся спиной в стену, а правым коленом в край скамьи; длинный стол, придвинутый вплотную к стене, не позволял ему перешагнуть через скамейку справа. Двое обошли Альберта и двинулись к нему. Человек с медной пряжкой на ремне приближался вдоль дальней стороны стола.

Шон наклонился, схватил ближний конец скамьи, поднял ее. Двое парней, стоявших перед ним, на секунду присели, думая, что он попытается швырнуть ее в них. Вместо этого Шон бросился вперед, не выпуская скамьи, толкая ее перед собой, как створку дверей. Скамья ударила двух парней, отбросила их к мистеру Альберту. Шон почувствовал, что они закачались, стали заваливаться, и еще резче рванулся вперед. Парни упали, он швырнул на них скамью, прижав им руки и ноги. Мистер Альберт же отлетел назад, как пробка из бутылки, и врезался в стойку; огромный титан покачнулся, навис над ним, приподнялась крышка, словно раскрылись челюсти чудовищной хромированной акулы. Альберт прижался плечами к стойке, поднял лицо вверх, увидел, как падает круглый массивный титан, и кипящий водопад чая коричневой волной обрушился на него. Сорок пять литров кипящего чая хлынули стеной, от которой шел пар, – Альберта словно лизнул язык пламени, вырвавшийся из печной дверцы, сжигая волосы, разрывая кожу, вышибая глаза, заливаясь под одежду, в рот, так что крик ужаса превратился в бульканье; Альберт руками пытался защитить лицо, они покрылись до запястий пузырями, ожоги проникли до костей. Он извивался, дергался на полу, чай выливался из его одежды кислой дымящейся волной, словно коричневая лава.

Шон услышал крик, когда уже добежал до двери; крик прекратился, когда он открыл ее. Он оглянулся – Альберт извивался в агонии на полу – и в эту минуту увидел, что человек в ремне с тяжелой пряжкой летит на него через стол. Шон отшатнулся и потянул за собою дверь. Качнувшись назад, она саданула подручному Альберта по лицу – разбила ему лоб, нос, губы. Секунду тот стоял неподвижно, широко раскрыв глаза, – лишь по середине лба медленно расплзалась огромная рваная рана. Потом упал на пол, кровь залила все его лицо.

Официантка в ужасе притаилась за стойкой; закрыв глаза руками, она не переставая стонала: «Нет, нет, нет». Уилфрид по-прежнему стоял там, где толстяк отпустил его, – огромные, не видящие от ужаса глаза, беззвучно шевелящиеся губы. Шон сделал шаг, и мальчишка словно очнулся, увидел лежавшего у его ног толстяка с багровым, как сырое мясо, лицом, с которого слезла кожа.

Уилфрид издал гортанный крик – скорее, тоненький всхлип страха и ужаса. Он посмотрел на Шона, попытался что-то сказать. Ноги у него задрожали, точно он куда-то бежал, хотя не двигался с места. Потом Уилфрид все-таки побежал, спотыкаясь и скользя на деревянном полу – ноги его в слишком больших ботинках разъезжались, как на роликовых коньках. Мальчишка выскочил за дверь и, плача от ужаса, сбежал по двум цементным ступенькам.

Двое, которых Шон придавил скамьей, все еще барахтались на полу, пытаясь освободиться. Один из них стал на четвереньки и широко раскрытыми глазами смотрел на дергающееся, извивающееся тело хозяина, не понимая и не осознавая, что произошло. Шон медленно приблизился к нему, как лунатик; рассудок его содрогался

от отвращения и ужаса – что он наделал, какой вдруг учинил разгром. Шон увидел, как его нога поднялась, носок ботинка описал длинную плавную дугу, ударил стоявшего на четвереньках в висок – голова мотнулась в сторону, назад, руки оторвались от пола, парень упал. Шон посмотрел на него взглядом человека, который по ошибке чуть не убил животное.

– Боже мой! Не надо! – закричала официантка.

Второй парень, перепуганный, беспомощный, как жаба, стоя на карачках, смотрел на ногу Шона. И Шон, поняв, что ударит его, попытался сдержаться. Понял, что бьет из страха, а страшно ему было до тошноты. Он увидел лицо парня, белое от испуга, красные пятна на нездоровой коже. Размахнулся ногой, словно в жутком, отвратительном сне. Парень упал на бок, пополз было, но не смог из-за скамьи, все еще лежавшей на его икрах, – он был похож на жабу, придавленную куском дерева. Его рот скривился, он панически хрюкнул, лицо исказилось.

Шон нагнулся, схватил его двумя руками за куртку, поставил на ноги. Тот нечленораздельно забормотал, поднял руки, потом попытался ударить Шона коленом; Шону стало легче: все-таки эта мразь сопротивляется. Он высвободил руку, ударил парня по лицу. Уничтожить бы его, стереть с лица земли, чтоб не видеть и не слышать. Дернувшаяся от удара голова вернулась в прежнее положение, Шон ударил кулаком в горло, попал костяшками в кадык. Почувствовал, как тело парня обмякло и выскользнуло из его руки.

Парень на полу закопошился. Шон приподнял ногу, с тем чтобы вогнать каблук в задыхающуюся физиономию. Где-то далеко-далеко у него в мозгу послышалось: «Нет, не надо, не надо». Это стенала, как заезженная пластинка, официантка, но лишь сейчас ее слова дошли до Шона. А почему, собственно, «нет»? Если его прикончить, страх исчезнет, станет тихо, можно будет уйти. Тихо и спокойно уйти. Валявшийся перед ним парень обхватил руками и ногами ноги Шона, и Шон не мог сдвинуться с места – волна паники, как ртуть в термометре, поднялась, затопила его, ослепила. Он выдернул одну ногу, высвободил вторую, придавил лежащего коленом и трижды ударил – один раз ребром ладони одной руки и дважды ребром ладони другой. Тот затих; Шон стоял возле него на одном колене, прерывисто, судорожно хватая ртом воздух, сердце его бешено колотилось.

Спрятавшись за стойкой, плакала официантка. Шон слышал звук, но не понимал, что это. Прошло полминуты, прежде чем он поднялся. Четверо его противников продолжали лежать. Шон наклонился над толстяком. «Обыщи его», – приказал внутренний голос. Райен провел руками по намокшей одежде. В одном из задних карманов брюк лежала пачка денег. В другом – грязный бумажник. В кармане жилета – серебряные часы-луковица с брелоком, во внутреннем кармане пиджака – ключи, потрепанная записная книжка в коричневой бумажной обложке. От одежды, когда он касался ее, поднимался пар, она обжигала. Шон рассовал все, кроме часов и брелока, по карманам. Поднялся.

Ему хотелось кинуться отсюда бегом, но он заставил себя идти нормальным шагом. Вышел из кафе, повернул направо, пошел вдоль серой, поросшей сорняками и цветами стены, отделявшей железнодорожные пути. Это был скорее проулок, а не улица. Сюда выходили садики убогих домишек, стоявших на другой стороне. Светило солнце. Шон шел медленно. Со стены перед ним свисала гирлянда сорняков, испещренная

голубыми цветочками. Он потянул за нее, и вся гирлянда рухнула; земли между камнями было немного; вместе с гирляндой ему на одежду дождем посыпалась цементная пыль. Шон вздрогнул, выпустил из рук гирлянду.

Он остановился, прислонился к стене, которая даже на солнце была прохладной и влажной, словно все время находилась в тени. Закрыв глаза – хорошо, если бы его стошнило. «Я знаю, как с такими себя вести... К маленьким мальчикам, значит, пристаешь?» Он вспомнил голос Маргарет по телефону: «...Мне кажется, не очень для тебя приятный». Чего они добиваются – эти они, они, они? А те двое в гостинице «Дилижанс»? Он снова видел их кулаки, чувствовал удары в живот, перед его глазами возник толстяк, ошпаренный, точно свинья.

Шепотом, похожим на птичий щебет, Уилфрид рассказал ему про черного Иисуса: «Мой папа читает проповеди каждое воскресенье. Он говорит, скоро придет черный Иисус». Тонкие, как карандаши, руки, пальцы, похожие на птичьи коготки, обхватившие мороженое, будто Шон грозился его отобрать; глаза мальчишки, глубокие, как два колодца, расширенные, верящие в маленького черного младенца Иисуса, который родился далеко-далеко в горной пещере, высоко-высоко в уходящих в небо горах, где зеленые деревья укрывают ее. От солдат, от европейцев. «Мой папа знает. Он проповедник, он знает».

А мистер Брайс, Домовладелец? Глаза мальчика потускнели, он опять зашептал: «Папа говорит, никогда не рассказывай про Домовладельца, никому. Но придет когда-нибудь Иисус, и не будет больше домовладельцев. Маленький, маленький Иисус со своей мамой, он меньше самого маленького ребенка, и солдаты будут его искать. Белые люди убили последнего Иисуса на кресте, но этого им никогда не найти, черные будут прятать его, пока он не вырастет большим и сильным».

«Да, да, с мистером Редвином папа разговаривал, тот со всеми на улице разговаривал, не знаю, что они ему говорили». А потом этот текший ручейком разговор прекратился: его сковал мороз испуганного молчания. Уилфрид доел мороженое – в уголке детского коричневого рта остался кусочек; глаза мальчишки затуманились от страха. Вдруг распахнулась дверь, раздался крик: «Что он делал с тобой?»

Драка разворачивалась перед Шоном, как в кино, как на видеопленке. Он закрыл глаза руками, чтобы не видеть обваренного лица толстяка, ослепших глаз, убрал руки, потому что с закрытыми глазами стало еще хуже. В садике через дорогу женщина развешивала для просушки белье. Пыльный садик. Серые цементные стены. Покрытые копотью листья кустов. Белые простыни. Женщина подозрительно посмотрела на него – рот полон прищепок, волосы закручены на бигуди. Ребенок с желто-белой соской, точно рот ему заткнули пробкой, вышел из дому, схватился за ее юбку. Она отпихнула его коленом, пробормотав, наверное, сквозь прищепки: «Быстро иди обратно». Ребенок вынул соску изо рта, заплакал.

Шон оттолкнулся от стены, пошел дальше. В двадцати метрах оказался пешеходный переход под насыпью – в нем пахло копотью и сыростью.

Он вышел из перехода – по эту сторону насыпи был другой мир: широкая пригородная улица с новыми фонарями, выстроившиеся сплошной цепочкой особняки, автобусная остановка под крышей. Там он и дождался автобуса. Залез в

него, дал кондуктору шиллинг. «Куда идет ваш автобус?» – спросил Шон, и кондуктор посмотрел на него как на сумасшедшего. На нижнем этаже автобуса ехало всего трое пассажиров – три женщины с хозяйственными сумками; они сидели рядом, превратив поездку за покупками в загородную прогулку.

– В Финчли, – ответил кондуктор.

Шон, кивнув, взял билет, сдачу, решил – пусть автобус везет его в Финчли.

– Четыре фунта одиннадцать пенсов за метр! – возмущалась одна из женщин. – Я ей так и сказала: да я на Оксфорд-стрит куда лучше за три фунта одиннадцать пенсов куплю, а она, нахалка, говорит: «Вот и поезжайте на Оксфорд-стрит!» Так бы и дала ей по физиономии.

Женщины вышли; сели розоволицые ученики в школьных фуражках, начали кричать что-то кондуктору, друг другу. Шон думал о лежащем в больнице майоре, о том, какое у него вчера утром было осунувшееся, серое лицо, как дрожала, будто у парализованного, голова. Что же делать, что делать? Автобус останавливался, ехал дальше, снова останавливался и снова ехал дальше. Никколо. Италия. Маргарет. Майор. Обваренное лицо, слепые глаза, уставившиеся в потолок кафе. «Ах ты, сволочь! Ты видел, Питер, что он сделал?»

Зачем? Чтобы никто и слушать его не стал, если он начнет рассказывать. Он приставал к маленькому мальчику. Полностью себя разоблачил. Вот он какой. Кто будет его слушать? Разве кто-то выслушал Редвина? Это мировой заговор. Мировой заговор с целью уничтожить нас, белых. А его вдова, мать – кто их слушает? Он же сам их не выслушал. Повернулся и уехал. Если бы его не выследили и не избили, он бы ничего никогда не предпринял. Может, поэтому отстранили Вайнинга? Потому что он, Райен, шел по ложному следу? Почему же ему не позволили идти по этому следу и дальше? Ведь не зайдя они в кафе, он бы уехал. В Италию. Чего он добьется, оставаясь здесь? Очень все странно получается. Уже дважды – на телестудии и в кафе. Как будто ни они, ни майор Кортни не хотят, чтобы он уезжал.

«Не бросай все, Шон. Работу эту стоит делать».

– Конечная. Слезай, приятель. Дальше не поедем. – Кондуктор тряс его за плечо. Внезапно Шон почувствовал смертельную усталость. Поспать бы. Вернуться к себе в квартиру. И только тут он понял, что не может пойти домой. Его будут ждать там, на улице.

11

После звонка Альберта они разошлись.

– Думаю, мы спокойно можем доверить его на часок Альберту и его друзьям, – сказал Рэнделл и, положив руку на плечо Брайсу, повел его в гостиную. Брайс потел, вытирал лицо шелковым носовым платком, снова потел. Глядя на Брайса холодными стеклянными глазами, Рэнделл улыбнулся ему тонкогубым ртом. – Позвоните мне, как только Альберт что-либо сообщит.

Майор Уиллис и капитан Робертсон ушли вместе. «Любовное гнездышко» на втором этаже бывшей конюшни (на первом этаже размещались гаражи) находилось в двух шагах от Гайд-парка; в углу мощенного камнем двора было очень неплохое кафе.

– Зайдем освежимся? – предложил Уиллис. Сейчас, когда ему уже не нужно было

заниматься неприятным делом, он снова преисполнился чувства товарищества. Взяв Робертсона под руку, он ринулся ко входу в кафе.

– Ты и так достаточно выпил, а здесь в любом случае закрыто, – заметил Робертсон, которому Уиллис был столь же неприятен, сколь он сам был симпатичен Уиллису. К тому же Робертсону предстояло еще немало потрудиться, прежде чем отправиться на квартиру Райена.

– Чертова страна, – буркнул Уиллис. – Даже выпить негде. Бабу не найти. Всем заправляют чудики. Робби, ты знаешь об этом? В министерстве иностранных дел их полно. Сплошь католики и чудики. На Би-би-си то же самое. Ты вот знаешь, что на телевидение не попадешь, если не говоришь как чудик или ходишь без четок? Честное слово, Робби. Вся страна просто кишит чудиками и католиками.

Робертсон махнул рукой вывернувшему из-за угла такси. Уиллис вцепился ему в плечо.

– Мы им покажем, что к чему, а, Робби? Покажем этим сукиным детям?

Робертсон стряхнул с себя майора, влез в такси.

– Извини, Томми, я еду в другую сторону, не могу подвезти тебя.

Такси отъехало. Уиллис остался стоять на тротуаре, маленький, приземистый, похожий на растолстевший почтовый ящик с вытянутой рукой. Всем своим существом он протестовал: его дружбу отвергли. И выпить негде. У него мелькнула мысль вернуться к Брайсу. Пусть эта сволочь коротышка даст ему освежиться. Да и шлюшка может вернуться. Вот красotka! Подмигнула, когда открывала дверь. Похоже, ей нужен настоящий мужчина, а не этот размазня.

Но Рэнделл еще не ушел, а майор не собирался снова с ним встречаться. Если бы Уиллис знал, что, когда его сделали штабным офицером (вторым человеком по старшинству), придется подчиняться этой свинье... да кто он такой, кем себя воображает, черт его побери? Капитан 2-го ранга в отставке Рэнделл, королевский Военно-морской флот, крыса проклятая! Да это просто чудо, что его не потопили в первый же раз, как он вышел в море. Если он вообще когда выходил в море. Щенок, за ушами еще не обсохло, сорок пять ему, и ни днем больше. Какая отставка?! Да этого ублюдка выгнали с флота.

А он, майор Уиллис, – какой он офицер штаба? Ему не позволяют исполнять обязанности офицера штаба. Он просто ходячий учебник, пособие. Знает ли «Фонд треста», что происходит? Этот чертов Рэнделл создает свою империю. Поганый кабинетный политикан. Империю создает. Кабинетный политикан. Пока майор с удовольствием выговаривал эти слова про себя, короткие толстенькие ножки несли его к парку. Надо убить пару часов, а там заведение откроется, будь они прокляты. Посидеть в парке. Посмотреть на детишек, на уток. А няни – даже сегодня среди них такие симпатичные девчоночки попадаются. Но кому они по карману? Евреям, наверно. Да, евреям, черномазым и этим дерьмакам из Сити. Вчера проклятый черномазый въехал в дом майора. В квартиру прямо под ним. Посол какой-то богом забытой страны в Западной Африке – с вашего, черт побери, позволения! Посол! Наверно, свой чертов хвост обернул вокруг пояса, когда вручал верительные грамоты.

Уиллис нашел скамейку на солнце, уселся и принялся ждать, когда же пройдет

мимо какая-нибудь симпатичная няня. Все дело в форме: накрахмаленный фартук, воротнички, манжетики. У него во время войны была нянечка из госпиталя – с ума сойти что за штучка! Он облизал губы. Война. Битва за Британию. Сражение у Эль-Аламейна. 8-я армия. Прорыв через пустыню. Ребята только что из школы. Истребители «спитфайр». Боже мой, вот это было времечко! Каир. Бар отеля «Шепардс». Выходишь с этой чертовой работы, пот с тебя градом, идешь домой переодеться. А там на кровати уже разложена и ждет тебя выглаженная и накрахмаленная форма. Принимаешь душ, пока Абдул наводит блеск на офицерский ремень. Всякий раз, как он думал о войне, на память приходил запах лака и крахмала. Старина Абдул. Прекрасный был черномазый, и плевать, если кто услышит его слова. Абдул боготворил землю, по которой ходил его хозяин. Вот это была жизнь! Потом идешь в «Шепардс». Выпиваешь для начала пару коктейлей «Том Коллинз». За ужином бутылку рейнвейна или токая. Потом в туземный квартал поразвлечься. Бог ты мой, вот это была война. Война для настоящего мужчины.

Его мысли беспорядочно поплыли – майор смотрел на пыльную землю под своими маленькими прочными ботинками. Пустыня. Эль-Аламейн Монти¹¹ и он. «Я знаю, что могу положиться на тебя, Томми». – «Конечно, можете, сэр». – «Называй меня Монти, парень, никто не слышит». – «Хорошо, Монти». – «Я тебя прошу, Томми, доставь эти приказы – они чрезвычайно важны». Нет, это было в Тобруке, не у Эль-Аламейна – в Тобруке. «Прошу тебя, Томми, доставь эти приказы в Тобрук. Скажи им, чтоб держались до последнего. Только тебя из всех офицеров Восьмой армии я могу попросить об этом, Томми. И делаю это с удовольствием». Рукопожатие. «Я прорвусь, сэр. Или погибну». – «Ты чертовски смелый парень, Томми. А я это редко говорю».

Вокруг песок, тьма. Ни единой звезды. Минные поля. Бог ты мой, наступи не туда, и конец. С его сержанта пот катит градом. Зубы стучат от страха. «Прекратить, сержант, вы похожи на испанскую шлюху с кастаньетами». Еще шаг, и сержант наступает на чертову мину – дождь из бефстроганова. Вместе с ним погибают капрал и трое рядовых. В живых остался лишь Томми Уиллис. Правую ногу оторвало по колено. Обрубок перетянул носовым платком. Иисусе Христе, сколько крови он потерял. Бог ты мой, и левую руку тоже оторвало. Узел затянут зубами. Приказы намочили в крови. Фрицы стреляют трассирующими пулями, пускают осветительные ракеты, рвутся снаряды, мины.

Проволочные заграждения. Надо достать ножницы, чтоб разрезать проволоку. Черт побери, чуть не потерял сознание от боли в обрубке ноги. Прополз в дыру, проделанную в заграждении. Австралийский солдат-часовой. «Кто идет?» – «С приказами. От Монти. Конец мне приходит, дружище». – «Черт, дружище, да у тебя дела плохи. Нога-то!» – «Плевать на ногу, дружище. Отнеси... эти... приказы... своему... командиру... скажи... Томми Уи...»

Мимо прошла няня. Бог ты мой, ребенок-то у нее в коляске – черный. За что же мы сражались? Чтобы в Англии хорошо жилось черномазым. Евреям и черномазым. Пригревшись на солнце, майор начал засыпать: челюсть у него отвисла, он стал похрапывать. Няня поспешила пройти мимо. Так и виляет бедрами под узкой голубой

¹¹ Прозвище английского фельдмаршала Монтгомери Аламейнского Бернарда Лоу (1887–1976). Во вторую мировую войну с 1942 г. командовал 8-й армией в Северной Африке, одержал победу под Эль-Аламейном.

форменной юбкой. Что она делает на Сомме? Вокруг грязь, кровь, на колючей проволоке висят трупы. Рядом с ним, на стрелковой ступени, в окопе, стоит Робби. «Похоже, плохо дело, Томми. Если фрицы снова пойдут сейчас в атаку, у нас же почти нет боеприпасов. А я не могу посылать за ними человека сквозь этот ад». – «Я пойду, Робби. Вряд ли удастся дойти, но рискну. Англия ждет...» И всякая такая чушь. «Богом клянусь, ты смелый парень, Томми...»

В квартире Брайса зазвонил телефон. Он вышел из туалета, придерживая брюки двумя руками.

– Да? – Это, наверно, Альберт. Рука Брайса задрожала, он чуть не выронил трубку. Оказалось, Бабетта. Она замурыкала, кокетничая с ним: «Я у Стайни, Тедди, дорогой мой. Попробуй угадать с трех попыток, что я делаю». Он ничего не сказал, его лицо, все его тело задрожало от гнева, страх превратился в злобу, в ненависть к ее жадности, ее безумному слепому эгоизму. «Ну, если ты не можешь угадать, так шуба на мне. Стайни говорит, что отдаст ее нам за три с половиной. И нам даже не придется выкладывать наличными...» Брайс бросил трубку, представил себе, как бьет ее по морде, по этой глупой злобной морде, – по одной щеке, по другой, бьет кулаками, ногами. Телефон зазвонил снова. Он схватил трубку и заорал: – Нет, нет, нет!

Когда он выдохся, из трубки послышался шепот, мужской голос говорил:

– Послушайте, ради бога, Альберт в больнице, сейчас его везет туда «скорая помощь». А я должен рассказать вам, что случилось, верно?

Брайс слушал, ничего не понимая, голос жужжал у него в ухе. Он ничего не сказал, когда рассказ окончился.

– Что же мне делать? – спросил голос.

– Не знаю, – ответил Брайс. – Что вы говорите?

Голос выругался, повторил все снова.

– Альберт ведь не предупредил, какой он. Сказал только, что надо проучить одного любопытного. Господи, видели бы вы Альберта. У него от лица ничего не осталось, а Сид... собак-то мы с собой не взяли, чтоб этого малого не убить... боже мой, ну, поймаю его, я...

Брайс снова положил трубку на рычаг. Он знал, что этим когда-нибудь все кончится. Он попытался подумать: надо бы позвонить Рэнделлу. Будь они все прокляты, все! У него схватило живот, и он бросился в туалет – еле успел добежать. Он сидел на мягком сиденье, скрючившись от слабости, лоб его покрылся холодным потом, голова кружилась, казалось, в нее не поступает кровь. Бежать отсюда надо. Складывать вещи и уносить ноги. Но, поднявшись, чтобы идти в спальню и начать собираться, он вынужден был опять присесть.

– Нелли! – позвал Брайс слабым голосом и тут вспомнил, что он не дома, а в «любовном гнездышке». Если Бабетта сейчас придет с шубой... Он попытался выпрямиться и как следует ей все выдать, но ему снова пришлось согнуться. Брайс терял сознание.

Рубашка его намочила от пота, голова кружилась. Он встал с унитаза, взял

полотенце, зарылся в него лицом. Разделся, бросил одежду в кучу на пол, шатаясь, направился в спальню – трусы прилипали и хлопали по его коротким, сморщенным, как кожа у слоненка, ногам. Под шелковой майкой выпирали живот и грудь, как у женщины, зеркала под дюжиной углов повторяли его изображение сверху, снизу, справа, слева: обвисшие ягодицы, пряди волос, лежащие, словно водоросли, на лысине. Пафос его одиночества и малопривлекательный внешний вид больно отозвались в душе Брайса. Нелли, Бабетта. Он отдал им душу, сердце, загородный особняк, «альфу-ромео», эту квартиру, боже мой, одна кровать обошлась ему в четыреста шестьдесят фунтов, не считая балдахина, а она только и думает о шубе. Господи, ну что он сделал, чтобы такая девка стала частью его жизни? А Нелли жалуется, что она одинока, полночи хныкает... Можно подумать, он не одинок! О нем она когда-нибудь вспомнила? Тут работаешь, работаешь, создаешь свое дело, капитал накопить стараешься, беспокоишься по поводу служащих, жильцов, акта об арендной плате. Юристам платишь больше, чем иные люди подоходного налога за год, и кто о тебе хоть подумает?

Мозг его тщетно выискивал всякие мелочи, лишь бы забыть о самых ужасных страхах. Бабетта, шуба, Нелли, уже восемь месяцев идет склока с муниципальным советом из-за того, что он хочет построить коттедж для своего главного садовника. Все против него. Абсолютно все. Но самые ужасные страхи надвинулись на него – нависли, как темнота, когда отказывает электричество, – сейчас. Редвин. Большой палец, приподнимающий веко. Ожидание ночью в машине.

Брайс заставил себя двигаться, искать чемодан. Где она держит чемоданы? В шкафу. Дотянуться до полки он не мог – пришлось придвинуть стул. Ни о чем не думать. Собирать вещи. Боже мой, снимать телевизионный фильм! Ахо выступает по телевидению. Бывают же сумасшедшие! Три с половиной тысячи за шубу. Сколько шуб она может носить одновременно? Да вы посмотрите только на этот шкаф – целый шкаф костюмов, платьев, пальто, – сколько же денег висит в этом шкафу? Три, четыре тысячи фунтов? Норка. Соболь. А сколько всего он ей еще накупил! Пятьдесят фунтов за халат, сто двадцать за костюм, который ей даже не понравился. Из этого шкафа можно целый хор одеть и в шубах отправить на Северный полюс. Брайс нашел и стащил вниз легкий алюминиевый чемодан вместе с дюжиной зацепившихся за него идиотских шляпок из перьев и газа. Паспорт с ним. Вот уже несколько дней он носит его с собой, даже себе не признаваясь зачем. А деньги? Сколько при нем денег? Тут у него снова открылась рана в сердце: сегодня же день сбора арендной платы. И Альберт собирал деньги. Позвонить в больницу... Он направился было к телефону, но на полпути понял, что не знает, в какой больнице Альберт. Слезы покатались по его серым, одутловатым щекам. Брайс стоял посреди комнаты и рыдал.

12

Шон вылез из автобуса с таким чувством, что покидает единственно знакомое ему место. Он свернул за угол, оказался на торговой улице и увидел рядом закусочную «Уимпи». Вошел, сел за самый дальний от двери стол. Это было глупо, и он знал это, но ничего не мог с собой поделать. Ему казалось, что, забившись в самый дальний угол, он будет чувствовать себя в безопасности. Зал был пуст: наплыв клиентов на обед закончился. За широкой стойкой – два повара-итальянца в сдвинутых на глаза

белых колпаках, вокруг шеи повязаны салфетки в белую и голубую клетку.

– Дайте мне котлету «Уимпи», салат и молоко, – обратился к ним Шон.

Один из поваров с неохотой занялся выполнением заказа. Шон попытался собраться с мыслями. Ничего не вытанцовывалось. Перед его глазами стояло лишь багровое лицо толстяка, извивавшегося в агонии, пытавшегося вздохнуть, закричать. Шон снова почувствовал под руками горячую, дымящуюся одежду, засаленный бумажник. Он полез в карман, достал бумажник, принялся рассматривать его под столом. Нет, не здесь. Он посмотрел в направлении стойки – оба повара стоят к нему спиной: один готовит, другой с ним разговаривает. Перекрывая шипение рубленого мяса на плите, до Шона долетали итальянские слова: разговор шел о какой-то девушке. Ему вспомнился голос Никколо: «Мы с тобой, мой Джованни, вдвоем могли бы кое-что сотворить. Отгадай, сколько один мой знакомый получил всего за неделю, выполняя работенку для одной химической фирмы? Двадцать пять миллионов лир – тридцать пять тысяч долларов. За то, что добыл три папки бумаг конкурирующей химической фирмы в Париже – им нужна была какая-то там формула, ее компоненты. Мой знакомый поехал в Париж и познакомился с девицей, которая работала с этими документами...»

Шон открыл бумажник. Деньги, водительские права на имя Альберта Феттера, проживающего, судя по адресу, в Пэддингтоне, фотография женщины в очках с двумя девочками, тоже в очках, – наверное, ее дочери (все трое весьма серой, непримечательной внешности), – давно просроченный купон футбольного тотализатора, лотерейный билет – «главный выигрыш – телевизор». Шон сунул бумажник обратно, во внутренний карман пиджака: повар как раз поставил перед ним поднос.

Почувствовав запах пищи, Шон понял, что смертельно хочет есть, но, откусив первый кусок, подавился, отодвинул поднос, выпил молока. Пачка денег оттягивала карман пиджака – он сунул туда руку и большим пальцем провел по краю купюр. Даже если там только однофунтовые бумажки, сумма наберется значительная. «Денег тебе нужно, – говорил ему Никколо, – только чтобы хватило на первый месяц. Обязательно снимем виллу – ты даже не представляешь себе, какое впечатление на людей производит вилла: квартиру ведь может снять кто угодно, а вилла – дело особое, значит, эти люди, думают клиенты, большие птицы, и цена сразу же взлетает как воздушный шар – оп-ля! И на девочек вилла тоже действует...»

Шон осторожно вытащил деньги из кармана, искоса взглянул на пачку. Купюры не по одному фунту. Все – пятерки. В середине пачки сложенные квадратиком бумажки по десять и двадцать фунтов. Он попытался сосчитать. Фунтов пятьсот будет? «Нам еще понадобится машина. Хорошая машина. Мы будем равноправными компаньонами, а, Джованни? Все будем делить пополам. Даже девочек». Тут Никколо шлепнул его по колену.

«Я тебе скажу, в чем смысл жизни. В том, чтобы получать удовольствие. – Круглое загорелое лицо пошло морщинками от смеха; за смехом, за горевшей в глазах алчностью проступила горечь. – Вера? Идеалы? Прости меня, Джованни, я буду над этим смеяться, пока меня не стошнит. Видишь вон ту старуху нищенку? Она верит и в бога, и в Христа, и в папу римского, и во врата рая – во все верит. Посмотри, какая она тощая. А вот ты когда-нибудь видел тощего епископа? Когда-то у меня были идеалы.

О да, я верил в демократию. Думал, после фашизма новый рай наступит. Тогда меня на четыре долгих года отправили на Сицилию, Джованни, и я перестал верить в демократию. Эти демократы и священники с людьми разделяются, как колбасу режут. Думаешь, с чьей помощью существует мафия? *Che coglioni!*¹² – Никколо сплюнул на залитые солнцем камни, засмеялся, чтобы отвлечься от своих мыслей. – Смысл жизни в том, чтобы получать удовольствие, Джованни. И кучу денег».

«...Работу эту стоит делать». Неужели майор не знает, в чем смысл жизни? Шон достал красную записную книжку. В кафе, держась за руки, вошли парень с девушкой. На ней черно-белая блестящая юбка сантиметров на двадцать выше колен; он подстрижен ежиком. Челка нависает на самые глаза, рот у парня по-детски мягкий и нежный. Он сел рядом со своей девушкой, под столом взял ее за руку.

Майор вовремя умирает, подумалось Шону. Он пролистал записную книжку – колонки адресов. Против каждого указана сумма – очевидно, арендная плата за неделю, по большей части между двенадцатью и двадцатью фунтами. Кое-где, рядом с этой цифрой, красными чернилами указана вторая. Плюс десять, плюс семь, плюс восемь. Поборы? Надбавка к арендной плате и вымогательство. На четвертой странице он отыскал дом № 118 по Хониуэлл-роуд: восемь квартиросъемщиков, причем некоторые платят за отдельные комнаты. Подвал – восемнадцать и четырнадцать фунтов. За такой подвал брать целых тридцать два фунта? Шон снова ошупал пачку. Пожалуй, фунтов пятьсот наберется. Плата за неделю? Да нет, конечно, меньше. Демократия процветает за валом, который виделся майору.

«Я всегда считаю, что в нашей работе мы имеем дело с Адриановым валом¹³, Шон. С нашей стороны – цивилизация, по другую сторону – хаос. Этот вал стоит защищать».

«Извините, майор. Над этим я буду смеяться, пока меня не стошнит». Он еще раз заглянул в записную книжку. На первой странице – три телефонных номера: в Пэддингтоне, Найтсбридже, Эпплфорде. Негромкий холодный голос раздался у него в подсознании: «Если у тебя есть голова на плечах, выбрось записную книжку и бумажник в ближайшую урну и сматывайся отсюда к чертовой матери». Сегодня вечером можно уже оказаться в Дублине. Снова получить ирландский паспорт. А через неделю – Италия. Не надо даже ничего выбрасывать. Просто отослать все майору вместе с письмом. А что еще он может сделать? Рэнделл об этом и слышать не хочет. И все остальные тоже. Кроме майора.

Со страницы записной книжки на него смотрели телефонные номера. «Если сматываться, то сейчас», – сказал внутренний голос. Шон поискал мелочь для автомата. Нашел четыре пенса. Телефон-автомат висел на стене. Можно позвонить по одному из номеров. Если не дозвонюсь... Эпплфорд, Найтсбридж, Хониуэлл? Шон выбрал Найтсбридж.

Телефон звонил и звонил. Двенадцать, четырнадцать раз. Он уже собрался положить трубку, когда ему ответил испуганный мужской голос, но такой высокий,

¹² Сучьи дети! (итал.)

¹³ Древнеримская стена, построенная для защиты Англии от нападения с севера кельтских племен.

что казался женским.

– Да? Мистер Брайс слушает.

– С вами говорят из газовой компании, – устало сказал Шон, мысленно выругавшись. – Вы сообщили, что у вас утечка газа...

– Нет, нет, вы ошиблись номером, я не... – Мистер Брайс стоял у телефона, держа в левой руке алюминиевый чемодан с вещами. Он так нервничал, что даже не поставил его на пол, не повесил трубку. Его правая рука дрожала, трубка колотилась о щеку.

– Но у нас ваш номер. Вы ведь мистер Эдвард Брайс, да?

– Нет, нет, то есть да, но у меня нет газа, только электричество.

– Будьте любезны, дайте ваш адрес, мистер Брайс... мне нужно это проверить.

– Дом семнадцать, Крэнли-Мьюз, – автоматически ответил Брайс, прислушиваясь, не подошел ли кто к входной двери, шаря глазами по комнате. Какой-то газ. Жалоба. Слова проникали ему в уши, но не достигали сознания. У него оставалось сорок восемь минут, чтобы доехать до аэропорта.

– Большое спасибо, мистер Брайс. Я бы хотел зайти и разобраться с этой жалобой...

– Идите к черту, – все более громким, срывающимся голосом сказал мистер Брайс, – вместе со своей жалобой! Я ухожу, уезжаю. Мне надо успеть на самолет. А газа у меня в квартире нет. – Он бросил трубку, принялся искать платок, чтобы вытереть лицо.

В закусочной Шон заплатил по счету. Парень и девушка все еще сидели, держась за руки, на столе между ними был кофе. Девушке, наверно, лет семнадцать, лицо усталое, худое, волосы грязной волной падают на плечи. У парня волосы покрасивее и погуще, сразу видно: он за ними ухаживает. Девчонка с обожанием смотрела на своего спутника.

«Зачем мне все это?» – пришла Шону в голову смутная мысль, когда он проходил мимо их столика, проклиная свое невезение, глупость, майора, мистера Брайса: зачем этот дурак подошел к телефону? Девушка подняла глаза, невидящим взглядом посмотрела на Шона. Просто чья-то тень, обитатель неземного мира, взрослый, который ничего не понимает в жизни, не знает, как все в ней будет хорошо. В ее глазах читалась жалость к Шону, и на полсекунды он как бы стал ее парнем, увидел девчонку глазами ее спутника – перед ним была взрослая красивая женщина, которая держала в руках их будущее. Потом все исчезло: Шон вышел из кафе.

Перейдя на другую сторону улицы, сел в такси у входа в метро. В это же время Эдвард Брайс, озираясь, влезал в такси у своего дома, вцепившись обеими руками в ручку серебристого алюминиевого чемодана. В нем, кроме кое-какой одежды Брайса, лежал соборный жакет Бабетты, ее палантин из голубой норки и драгоценности, какие он сумел найти. Много денег за это не дадут, но все-таки хоть что-то.

– В аэропорт, – прохрипел Брайс. – И поскорее.

Шон расплатился с таксистом и, пройдя по вымощенному камнем двору мимо «бентли», «ягуара», старого «мазерати», «мини-майнора», достиг дома № 17. Здесь голубые, розовые, желтые дома стояли в глубине дворов, на подоконниках верхних этажей виднелись ящики для растений, ореол беспечной роскоши окружал постройки, дворы, машины, как пар, поднимающийся с политых камней брусчатки. Малиновая дверь дома № 17 была закрыта на английский замок. Шон позвонил, подождал. Дверь не открыли, он нажал на нее, достал полоску слюды, просунул ее в образовавшуюся щель, отжал язычок замка. Вошел и тихо закрыл за собой дверь.

Узкая с толстым ковром лестница вела направо вверх и заканчивалась небольшой лестничной площадкой. Дверь квартиры мистер Брайс оставил открытой – слюда не понадобилась. Тут пахло коньяком, сигаретами, дорогими духами; обитые зеленым бархатом кресла, белый бархатный диван, бокалы, переполненные пепельницы, бесполезный секретер тонкой работы на изогнутых хрупких ножках.

Шон стоял, прислушиваясь. Постепенно в тишине до него донесся еле различимый шум уличного движения, похожий на бестелесный шепот. Он подошел к секретеру, открыл его. Как снег, посыпались бумаги. Счета. За цветы. За одежду. Спиртное и вина. За телефон. Извещения об уплате налогов. О перерасходах по банковскому счету. Не надеясь ничего найти, Шон тем не менее перебрал бумаги. Письмо без обратного адреса, подписанное «Медвежонок» и отправленное «Медовунчику Медвежонка». Банка крема для рук. Авторучка с золотым пером. Конверт с почтовым штемпелем «Эпплфорд». Ящики и отделения для бумаг пусты. Типичный секретер женщины, использующей его как мусорный ящик – такая открывает секретер, только чтобы швырнуть туда очередной неоплаченный счет. По всей вероятности, время от времени счета оплачивал «Медвежонок».

Шон вошел в спальню – со всех сторон надвинулись его отражения, сердце на секунду подпрыгнуло в груди, он поднял руки. Поняв, в чем дело, попытался рассмеяться. Это же кровать окружена зеркалами. Даже на двери в ванную – зеркало. Шон присел на кровать, пытаясь убедить себя, что просто устал, захотелось посидеть, а нервы у него в порядке. Аромат, исходивший от подушек и простынь бледного шелка, действовал на него как хлороформ – голова закружилась. Обитательница этой квартиры ничего себе – повезло «Медвежонку». Шон надеялся, что это не тот лысый мужчина с обвислыми щеками. Но, скорее всего, именно он.

Шон оглядел комнату. Даже мягкий пуфик у туалетного столика – в виде лебедя с полураскрытыми крыльями, – казалось, прибыл сюда из рожденного горячечной фантазией борделя. Только Леда сидела на нем, а не возлежала. На самом туалетном столике еще одно зеркало, рассыпанная пудра, пепел от сигарет, баночки, тюбики, хрусталь с позолоченными и серебряными крышками, гребенки, щетки, лаки для волос, бусы, коробочки для колец, витаминные кремы, бутылочки с таблетками – все это отражалось в зеркале туалетного столика, в зеркалах на стенах. На лебедя набросано нижнее белье, на углу зеркала висят чулки, на полу валяется бледно-розовое, золотистое платье из тяжелого шелка – от обилия жесткой золотой нити оно топорщится и словно пытается встать.

Шону вспомнилась строгая и аккуратная спальня Маргарет. Такая же как ее любовь. Шону померещилось в зеркале улыбающееся лицо Никколо. «Вот это жизнь,

Джованни mio. Все остальное сплошное надувательство».

Зазвонил телефон. Шон застыл на месте, почувствовал, как у него открылся рот, как он весь напрягся от страха. Ни к черту нервы – а это всего лишь телефонный звонок. Он посмотрел на аппарат. Тот продолжал заливаться. Шон медленно протянул к нему руку, стараясь решить, снимать трубку или нет. Потом снял, ничего не говоря. Из трубки донесся резкий голос:

– Эдвард? Эдвард?

Шон попытался скопировать голос Брайса, который слышал по телефону. И прошептал, держась подальше от трубки:

– Да, да. – Разговаривать испуганным голосом, как у Брайса, оказалось совсем не сложно.

– Алло, Эдвард, ты меня слышишь?

Шон узнал, кто это. Полная бессмыслица. Так не бывает. Это же Рэнделл.

– Эдвард, старина, говорит Оливер Рэнделл. Будь любезен, отвечай! – Голос от гнева зазвучал пронзительно-тонко. – Альберт звонил?

– Нет, – прошептал Шон.

– Позвони мне, как только он объявится. – На другом конце провода положили трубку. А Райен все продолжал держать свою – рука у него дрожала. Когда он положил трубку, то увидел, что она мокрая. И рука вся в поту. Итак, Рэнделл. Казалось бы, надо почувствовать облегчение. Просто это операция Управления, о которой он ничего не знал. И влез в нее. Вот и все. Но ему тут же стало ясно, что это не так, такого просто не могло быть, Рэнделлу достаточно было бы сказать ему, предупредить. А он этого не сделал.

Да еще натравил на него Альберта. Опять зазвонил телефон. Райен снял трубку, ожидая снова услышать голос Рэнделла. Но голос был другой, с индийским акцентом:

– Мистер Эдвард Брайс? Если не ошибаюсь, у вас работает мистер Альберт Феттер?

– Да, – ответил Шон.

– Мне очень жаль сообщить вам печальную новость, мистер Брайс, но мистер Феттер скончался несколько минут назад. Я все пытаюсь связаться с миссис Феттер...

Женщина в очках с двумя девочками.

– Благодарю вас, – сказал Шон и положил трубку.

Доктор-индус на другом конце провода посмотрел на свой аппарат с холодным презрением. Он был социалистом и принципиально не любил хозяев. Но этот, судя по разговору, переплюнул многих своих собратьев. Похоже, ему наплевать на человека, который работал на него за нищенскую плату, наверно, отдал ему лучшие годы своей жизни, а теперь умер. И англичане еще пытаются давать Индии уроки социальной справедливости.

А в кафе «Герцог Мальборо» майор Уиллис сполз с высокой табуретки, сложил вечернюю газету, хлопнул по ней и направился к двери. Посмотрим, не появилась ли красотка. Посмотрим, не прилетела ли птичка любви обратно в свое «любовное

гнездышко». Дорогая, я забыл зонтик. Или портсигар. Это даже лучше, он может валяться где угодно, хотя бы за подушками дивана. Повалить ее поперек... Вперед – вот самый верный девиз, *toujours*¹⁴ атака. Ну и красotka! Чертовка слишком хороша для Эдди Брайса – это уж точно.

Быстрыми мелкими шажками майор прошел по мощеному двору мимо «бентли» и «ягуара», прохладный ветерок он мысленно сравнил с поцелуем любовницы в его вспотевший лоб; сердце Уиллиса пело «тра-ля-ля». Он ей покажет, что такое настоящий мужчина. Она с этого дивана не скоро поднимется. Впереди Уиллис увидел высокого широкоплечего мужчину, выходящего из подъезда, и прищурился. Черт побери, это же ее подъезд. Вот значит, чем она занимается?

Он улыбнулся – вот какой он хитрый, он сейчас хозяин положения – и поднял в знак приветствия газету.

– Брайс дома?

– Нет, – ответил застигнутый врасплох Шон. Перед ним слегка покачивался маленький толстяк с лицом цвета свеклы, на котором читалась пьяная хитрость, прищуренные глаза превратились в точки.

– Значит, девочка одна, да? – спросил Уиллис. Его глаза, лицо, тон приглашали Шона принять участие в мужском заговоре. Майор пропустил один за другим четыре стаканчика освежающего в «Герцоге Мальборо» и теперь чувствовал себя целой армией... состоящей из одного человека, но, черт побери, армией! Все страхи разгромлены, захвачены в плен, загнаны в лагерь для военнопленных, далеко в тыл, в самые темные закоулки напуганного и ничего не соображающего майорского мозга.

– Ее тоже дома нет, – сказал Шон. – Брайс попросил меня запереть квартиру. А сам уехал в аэропорт. – Он попытался пройти мимо толстяка, чтобы избежать дальнейших расспросов.

– В аэропорт? – переспросил майор, положив руку на плечо Шона. – Не надо, черт побери, торопиться, приятель. А чего ради он отправился в аэропорт?

Шон медлил и уже готов был стряхнуть с себя руку. Но что-то в голосе толстяка, его властной манере, его негодовании и подозрительности подсказало Шону не делать этого: толстяк мог вполне оказаться не простым гостем. Шон не стал вырываться.

– Ничего себе сюрпризик, а? Рэнделл об этом еще не знает.

Уиллис уставился на него.

– А ты из ребят Рэнделла? – Шон кивнул. – Я Уиллис. Майор Уиллис – для всяких. А для друзей – Томми. А ты кто? – Глаза майора сверлили Шона, будто Уиллис был живым «детектором лжи», его рука крепко сжимала плечо Шона. Больше половины скромных успехов майора в разведке во время войны объяснялись этим фокусом – умением неожиданно пронзить собеседника горящим вызывающим взглядом, который как бы говорил: «Врешь!»

А на самом деле майор был просто близорук, и тем не менее его до смерти боялись в разведывательных кругах Каира во время войны, где он отвечал за плату агентам.

¹⁴ Всегда (франц.).

Люди, пытавшиеся надуть его, преувеличить свои расходы, под этим злобным близоруким взглядом багровели, начинали заикаться; именно тогда лейтенант Уиллис и приобрел репутацию проницательного человека, которая сохранилась за ним в течение почти двадцати лет блистательного бездействия в мирное время. Благодаря ей его включили в «Теневую армию». Сейчас он уставился на Шона, пытаясь разглядеть его. От него несло виски.

– Черт побери, кто ж ты?

– Капитан Николас, – сказал Шон. – Вы знаете, что Альберт мертв?

– Альберт? Боже мой! Что же случилось? – Страхи, приглушенные виски, снова овладели всем существом майора, его разумом. Уиллис на секунду протрезвел. – Как?.. Кто?..

– Еще не знаю. Только что позвонили из больницы. Думаю, его прикончил этот ублюдок Райен.

Майор убрал дрожащую руку с плеча Шона, поднял ее к трясущимся губам, пощипал жидкие усы.

– Что теперь будем делать?

– Можно пойти выпить, – предложил Шон.

– Сволочь проклятая, – прошептал майор, озираясь по сторонам, словно ожидая увидеть за спиной прячущегося в подъезде или подкрадывающегося Райена.

Шон взял его под руку, повел по двору мимо «бентли». Майор покорно шел, обдумывая поступившую информацию. Альберт убит. Брайс исчез. Поехал в аэропорт. Чертовски странно.

– Все это чертовски странно, – заключил Уиллис. Тут сквозь алкогольный туман в мозг его прорвалась мысль. Он резко остановился, уставился на Шона маленькими злобными влажными и жестокими глазками из-под густых седых бровей: – Ты что же, ирландец?

– Да, – ответил Шон. – Но и среди нас есть хорошие и плохие.

– Ха, – сказал майор, – так я и знал! Черт побери, только ты раскрыл рот, мне все стало ясно. Этот парень ирландец, решил я. И, черт побери, оказался прав. – Он успокаивался. Страхи снова были под контролем. Нет, Томми Уиллиса, клянусь богом, не проведешь. Парень только открыл рот, а он уже все понял – быстрее молнии. «Ты ирландец». И, ей-богу, он оказался ирландцем. Майор преисполнился чувством благодарности к Шону за то, что тот дал ему возможность вновь обрести уверенность в себе. Уиллис готов был заключить в объятия своего нового знакомого. Бедняга! Ну что же ему делать: где родился, там родился, ничего не попишешь.

– Где родился, там родился, – со щедрой благосклонностью сказал он. – Я однажды знал отличного ирландца, интенданта генштаба в Каире в сорок третьем. Фамилия – Уилсон. Не встречал его?

– Нет, но фамилия знакомая.

Уиллис вдруг сложился чуть не вдвое на своих коротеньких ножках и залился лающим смехом. А уж если он смеется, значит, бояться нечего, все будет в порядке,

черт побери. В полном порядке.

– Все будет в полном порядке, черт побери, – сказал Уиллис. – Фамилия знакомая! Отлично сказано, Николас. Но интендант был не то что этот ублюдок Райен. Настоящий мужчина. А как пить умел! Две бутылки виски на завтрак. Ей-богу, настоящий мужчина. Чертов ирландец, но настоящий мужчина. Знаешь, Николас, я бы с ним в ад пошел.

Они дошли до дверей «Герцога Мальборо» – ноги сами несли туда Уиллиса. Казалось, он слегка удивился, оказавшись снова у стойки бара. Вокруг старый, почерневший от времени дуб, пивные краны, стекла в свинцовых переплетках. Кроме бармена, внутри никого.

– Я выпью кружку пива, – сказал Шон. – А...

– Повторить, – велел майор. – Двойное виски.

Они сели в кабинке. Майор мгновенно осушил свой стакан и снова проникся теплым чувством: все в порядке.

– Подожди, вот поймает Робби эту свинью. Он его прищучит.

– Как? – будто между прочим спросил Шон, осторожно передвигая кружку по дубовому столу, создавая из мокрых кругов рисунок.

– Ха, – произнес Уиллис, приложив толстый короткий указательный палец к своему носу пьяницы. – Никаких фамилий, тогда никакой и ответственности, верно?

– Точно, – согласился Шон. – Болтун – находка для...

Уиллис в ярости посмотрел на него, неожиданно разозлившись: в словах собеседника ему послышались покровительственные нотки.

– Черт возьми, ты абсолютно прав, что я прав. Меня не надо учить, что такое болтун. Мой девиз: открывай рот, чтобы жрать, а задницу – чтобы...

– Прекрасный девиз, – успокоительным тоном согласился Шон. – Выпейте еще.

Уиллис удивленно посмотрел сначала на свой стакан, потом на Шона, который расплывался у него перед глазами. Черт побери, этот щенок ирландец еще своего отца будет учить.

– Ты чертовски прав, это отличный девиз. Болтун – находка... А в каирском «Гезира-клубе» сколько всего выбалтывали. Только не Томми Уиллис. Уиллис, Ходячая Контрразведка. Меня раньше называли Уиллис Ходячая Контрразведка, – сообщил он.

– Я знаю, – сказал Шон.

– Знаешь? – уставился на него Уиллис. Черт побери, чего он все время расплывается?

– Мне говорил Рэнделл: «Можешь доверить майору Уиллису свою жизнь. Недаром его зовут Ходячая Контрразведка».

– Он так сказал?

Шон кивнул. Майор опустил глаза, улыбнулся пустому стакану. Майору Уиллису можно доверить свою жизнь. Ей-богу, можно. Ей-богу, ему можно доверять – Ходячей

Контрразведке Уиллису. Бармен принес майору еще виски, и он посмотрел на стакан с тем же теплым одобрением. Все будет в порядке. Робби прищучит этого ублюдка. И тогда – все. Он об этом ничего знать не будет, а все будет кончено. Редвин и Райен. Р. и Р. Черт побери, смешно. Он взглянул на Шона. Николас! Ты дуропляс. Он расхохотался: Николас – дуропляс. Бог мой, вот смешно-то. Все уже кончено. И больше ни о чем не придется беспокоиться. Уехать отдохнуть. Ни о чем в мире не думать. А счет в банке все растет и растет.

– Давай, парень, пей, – сказал майор. – Я угощаю.

Он выпил еще одно двойное виски, прежде чем вспомнить про Брайса. Шон вертел в руках четвертую кружку пива. Три предыдущие, нетронутые, стояли на полу под скамьей.

– Брайс, – сказал Уиллис, – Эдди Брайс. Вот, черт побери, никому не нужная свинья. Что, ты сказал, он делает?

– Он уехал. Я думал, вы знаете куда.

– Не знаю и знать не хочу. – Уиллис сидел очень прямо. Иначе стол начинал заваливаться на него. Да и скамья какая-то непрочная, шатается. – Скатертью дорога, – добавил майор. – Чертов содержатель борделя. – Вот если осторожно поставить локти на стол, то, наверно, можно его удержать. Ведь он же не пьян. С чего это ему быть пьяным – с нескольких порций виски? Да кто тут, черт побери, думает, что Томми Уиллис пьян? – Ты думаешь, я пьян? – с вызовом спросил он.

– Я бы сказал, что вы – в самый раз, – сказал Шон.

– Правильно, черт побери, в самый раз. Так и дальше будет. Заботься о себе самом, и страна тогда сама о себе позаботится – вот мой девиз. – Майор попытался положить палец себе на нос, но промахнулся. Палец покачивался перед его глазами, потом на секунду исчез. – Ты меня только пойми правильно. Я эту чертову страну люблю. Люблю. Черт побери, лучше бог на земле не придумал страны, нет второй такой. Ни единой. Но ей пришел конец. Капут. – Лицо майора налилось кровью, раздулось, воротник душил его, как удавка, темные узловатые вены выступили на мокрой розовато-лиловой коже. – Это трагедия, черт побери, но так уж оно есть. Британской империи больше нет. Ничего нет. Ни отваги. Ни уважения. Парни, черт побери, на шлюх похожи. Девчонки, черт побери, – на парней. Я те грил про Би-би-си? Если ты нормальный мужик, работу там не получишь. Это правда. Чудовищно, но правда, как правда то, что я здесь сижу. – Майор неуверенно погрозил Шону пальцем, потом чуть изменил жест и подозвал бармена: – Повторить, Дуропляс. – Он подавился от смеха. – Дуропляс-Николас. Это так тебя зовут. Понял?

– Чертовски смешно, – сказал Шон. – И в рифму.

– Разумеется, черт побери, в рифму, – прорычал Уиллис. – В этом весь юмор. – Этот парень ему не очень нравился. Проклятый ирландец. Отца учить берется. Проклятый всезнайка. – Ты, черт побери, думаешь, что много знаешь, – сказал он. – Ничего ты не знаешь.

– Конечно, я знаю меньше вас.

– Так оно и есть. – Он пронзил Шона своим взглядом каирских времен, когда отвечал за жалованье и командировочные, словно просверлил в расплывающейся

перед ним мишени две дыры. – Думаешь, ты знаешь, для чего эта «Теневая армия»? Думаешь, для будущей войны? Против русских. Оккупация Англии и прочая чепуха. Тебе Рэнделл об этом рассказывал, да?

– Что-то в этом роде, – осторожно ответил Шон, глядя на свою кружку.

– Чушь собачья, – объявил Уиллис. – Я-то это знал с самого начала, вот прямо с самого начала. Только услышал, сразу сказал... знаешь, что я сказал?

– Чушь собачья?

– Черт тебя возьми, – зарычал Уиллис, – кто рассказывает: ты или я?

– Вы.

– Я. – Уиллис собрался с силами, расстегнул воротничок рубашки, спустил узел галстука на вспотевшую грудь. Казалось, он лопнет от прилива крови, которая брызнет сейчас на стол из его красных глазок, багровых щек. – Только я услышал эту чушь про «Теневую армию», я сказал... – Он угрожающе выждал полсекунды: вдруг Шон снова захочет перебить его? Но тот молчал. – Все это чушь собачья, вот что я сказал. Следующая война, черт побери, будет совсем другой. Маки. Сопротивление. Одни ребята взрывают других. Чушь собачья. Русские сбросят на нас атомную бомбу. Ба-бах! Конец этой чертовой истории.

Майор заплакал. Смутные картины проплывали в его обалдевшем мозгу. Коронация королевы. Трафальгарская площадь. Королева, господи, благослови ее. Едет на коне. Потрясающее зрелище. Атака зулусов. Косить их огнем. Карта окрасилась красным. Все вокруг стало красного цвета. Атомные бомбы – ба-бах!

– Готов отдать жизнь за добрую старую Англию, – прошептал Уиллис.

– А «Теневая армия», – настаивал Шон. – Ведь это же совсем не то, что...

Майор, прищурившись, смотрел на него. Ему было нехорошо. Вот если бы прилечь, прижаться лицом к прохладному дереву. А он парил в воздухе. Шон подтолкнул майора, чтобы он сел прямо.

– Спать еще нельзя. Застолье не окончено.

– Кто сказал, что я заснул? – Майор принялся озираться по сторонам. Он почти ничего не видел – его глаза до того налились кровью, что казалось, они из темно-красного стекла. – В жизни застолья не испортил. Дай мне выпить, я те это докажу. Попросят меня, черт возьми, я сейчас по канату пройду. Дай выпить, я те покажу шо к чему. – В комнате так темно, что ни черта не видно. Слышишь, а не видишь. И вдруг тени, выплывшие из подсознания, заметались вокруг майора в жутком танце. – Не оставляй меня одного, – занял он. Робби. Куда делся Робби? Робби их прищучит. И того убудка тоже.

– Так что же насчет «Теневой армии»?

Кто это говорит про «Теневую армию»?

– Для чего она нужна, если не для будущей войны?

– Не будь, черт побери, дураком, – сказал майор. – Только я об этом услышал, сразу пнял: чушь собачья. Ни черта подобного. Атомные бомбы. Потом «Фонд треста»...

– Расскажите мне про «Фонд треста»...

– Слишком поздно. Опоздал «Фонд треста». Всю эту чертову страну уже продали на корню. Евреям и чертовым янки. Конец Англии. «Кромвель»! – Майор прищурился, вглядываясь в темноту. – Чтобы всю эту кучу дерьма убрать, одного «Кромвеля» мало будет. – Слишком много наболтал. «Фонд треста». Пластиковая взрывчатка под ванной – ба-бах! – Пойми меня правильно, я уажаю, всем сердцем уажаю «Генерала Кромвеля». «Фонд треста». Штука отличная. Но поздно. Черт побери, слишком поздно. – Открывай рот, чтобы жрать, задницу, чтобы... Это его девиз, Томми Уиллиса. Ему можно верить. Точно, как часы. Как швейцарские часы. – Точно, как часы. Слишком поздно, я сказал. Как узнал, что «Фонд треста» прибирает к рукам «Теневую армию», я сказал, черт побери, слишком поздно. Евреи и черномазые все уже испоганили. Я те про Би-би-си рассказвал? Нет там ни баб нормальных, ни мужиков. Правда.

– «Фонд треста» не опоздал.

– Опоздал. Конец настал Англии. Южная Африка – эт страна, будь здоров. Наша плоть и кровь. Черномазые затевают беспорядки – наши ублюдки с Уайтхолла помогают им. И Одненные Нации им помогают... «Фонд треста» их прищучит, прищучит наших ублюдков... Хрустальная ночь... Слхал про Хрустальную ночь? – Болтун – находка для... Уиллис. Ходячая Кнтрразведка. Молчок, черт побери, молчок – вот наш девиз. Хрустальная ночь...

– Я, конечно, знаю про Хрустальную ночь.

– Знаешь? – Майор вперил взгляд в темноту. – Так им и надо. А то сколько черномазых развелось. Ба-бах! И конец стране. Южой Африке еще можно помочь, а нашей Англии – конец.

Обалдевший майор с остекленевшим взглядом раскачивался на скамье. Не думать о Хрустальной ночи. Выметаться отсюда, пока это не началось.

– Вымтасся осюда, пка не нчалось... В Южюю Африку... больше некуда... – Уиллису показалось, что он разговаривает с Робби. Черт побери, он только с этим человеком и хотел поговорить, только с Робби. Почему Робби все время куда-то убегает? Черт побери, это нечестно. То, что Робби все время убегает. Майор заплакал.

– Хрустальная ночь – вы начали мне о ней говорить...

Робби знал про Хрустальную ночь.

– Робби знает. Убить черномазых! Ба-бах! Сотни черномазых. Черномазых Брайса. И быстро вымтасся осюда. Потом черт знает что начнется... – А он слишком стар для этого. Ему лишь немножко денжат да бабу – и в Монте-Карло. Да еще купить где-нибудь загородный коттедж. Розы. Яблони. Слезы текли по лицу майора. Яблони. Старая добрая Англия. Ему же немного надо. Старый солдат медленно уходит со сцены. – Старый солдат, вот хто я. Просто старый вояка. «Крыса пустыни».¹⁵ Все я перевидал. Щас уже слишкм поздно. – Майор как сидел, так и рухнул лицом на стол. Вокруг темнота. Робби! Кто-то трясет его. Это Робби трясет его. Они на ничьей земле. В воронке от разорвавшегося снаряда. Майор убил тридцать фрицев, прежде чем его

¹⁵ Так называли солдат 7-й бронетанковой дивизии, отличившейся в боях в Северной Африке во время второй мировой войны.

ранило.

Шон потянул майора на себя, перекинул его пухлую руку себе через плечо, рывком поднял со скамьи.

– Оп! Домой баиньки? Ты где живешь? – спросил Шон.

– Я убил тридцать фрицев, – пробормотал Уиллис. Бармен засмеялся, помог Шону довести майора до двери.

– Все будет в порядке, – сказал Шон. – Сам справлюсь. – Он поставил майора на брусчатку двора. – Давай, майор, в атаку!

– В атаку! – заорал Уиллис. – Огонь! – По ним стреляют и слева и справа. Черт побери, посмотрите только на Уиллиса. Идет себе вперед. Ей-богу, вот это смелость. У него изо рта течет кровь. Его ранило, он умирает. – Я умираю, – заплакал он. Робби поддерживает его. – Поцелуй меня, Робби.

Шон подтолкнул его. Коротенькие ножки задвигались, как ножницы, подогнулись – майор свалился за «бентли». Шон огляделся. Бармен вернулся в кафе, в окнах с ящиками для цветов за яркими занавесками никого не видно. Он обшарил карманы Уиллиса: ключи, бумажник, сложенная газета.

– Ты где живешь?

Кто-то трясет его, трясет.

– Живет? Кто где живет? Я умираю, оставь меня в покое.

Его продолжали трясти, отвесили увесистую пощечину.

– Живу? – Майор посмотрел на падающую на него тень. Полицейский. А он немного выпил. Отвезли бы домой. – Живу Челмсфорд-Гарденс, восемьдесят восемь.

Шон опустил голову майора на камни двора и оставил его лежать между «бентли» и воротами гаража дома № 12. Вокруг никого. Шон быстро пересек двор и мимо «Герцога Мальборо» вышел на улицу. А мимо него во двор въехало такси с Бабеттой.

14

Она ворвалась в квартиру как тигрица. Бросить трубку, разговаривая с ней! Да еще в присутствии Стайни! Злобно что-то буркнув, она дала таксисту оскорбительно мало на чай, а когда он начал протестовать, посмотрела на него с таким еле скрытым бешенством, что таксист мгновенно тронулся с места и только метров через пятьдесят выругал ее «сучьей шлюхой» – это он сразу понял. Прыгая через две ступеньки, она неслась вверх по лестнице, порвала юбку по шву, ударом ноги открыла дверь, молясь богу, чтобы его гады друзья были в квартире и все бы увидели.

– Ты где? – заорала она, швырнула покупки через всю комнату, с грохотом влетела сначала в спальню, потом в ванную. Значит, у него не хватило духу встретиться с ней. Бабетта сорвала занавеску с душа, попыталась порвать ее, швырнула в ванну. Где тут его электрическая бритва – швырнуть ее в ванну вслед за занавеской! Она застыла с поднятой рукой. Бритвы не было. А ведь она всегда лежала здесь вместе с его зубной щеткой и таблетками. Их тоже не было.

Бабетту охватил легкий озноб. Они же должны тут быть. Она заглянула в аптечку,

где полным-полно ее лекарств – для лекарств Брайса уже места не было. Ни бритвы. Ни его бутылочки секонала. Он что, шутки шутить взялся? Бабетта побежала в спальню, с треском открыла ящик, где он держал белье и чистые рубашки на тот случай, если оставался на ночь. Все исчезло. Бабетта посмотрела на платяной шкаф: дверцы распахнуты, одежда свешивается с плечиков, на полу – цветастая пелена из шляпок. Она их не трогала... Бабетта бросилась к вешалке – темный костюм, который всегда висел там, исчез.

Уставившись на шляпки, она стояла посреди спальни – лицо ее вытянулось, как у хорька. Значит, вот какую игру он затеял. Глаза ее сузились, рот сжался в узенькую линию, словно прорезанную ножом. Если Брайс думает, что все будет так просто, его ждет огромный сюрприз. Да. Она посмотрела на телефон. Когда же он приедет в Эпплфорд? Наверно, не раньше шести. Может быть, позвонить ему до того и попросить передать: «Олаф шлет наилучшие пожелания»? Устроить ему веселенький вечер?

Можно позвонить Стайни и сказать, чтобы прислал шубу на квартиру, а мистер Брайс завтра заплатит за нее наличными. Целиком. А Стайни тогда вернет ей причитающиеся пятьсот фунтов. И это будет только первым уроком. Можно начать обработку Рэнделла и переметнуться к нему раньше, чем они планировали.

Она села на постель и позвонила Стайни, думая о Рэнделле. И о Робертсоне.

– Стайни, дорогой, это ты? Говорит Бабетта. Неужели ты не узнаешь мой голос?

Она легла, держа в руках телефон, вытянула и скрестила ноги почти так же, как два часа назад это сделал Рэнделл. Ей до боли захотелось мужчину. Боже мой, как она месяц за месяцем жила и мирилась с этим придурком? Потому что боялась: вдруг Альберт или кто-то еще узнают, сообщат Брайсу. Но теперь – всё. Ей-богу, всё.

Бабетта закончила разговор со Стайни, послала в трубку поцелуй, повесила ее, сказала: «Жидовская морда!», вскочила с кровати, сняла порванную юбку, блузку, осталась в лифчике и трусиках, посмотрела на свое отражение в зеркалах. Ей-богу, всё. Раздался звонок в дверь. Ага, вернулся. Бабетта дотронулась ногтями до кожи лица, нажала, пока не почувствовала легкую боль. Представила себе, как расцарапает его белое, рыхлое, кроличье лицо. Звонок снова зазвенел и теперь уже звонил не переставая.

Почти бегом она пересекла спальню, гостиную, сбежала по ступенькам. На полпути к входной двери Бабетта подумала: зачем, собственно, он звонит, почему не открывает дверь ключом? Но кто еще это мог быть? Она заколебалась, приостановилась. Звонить продолжали. Она хотела чуть приоткрыть дверь, чтобы посмотреть, он ли это. Но тут в дверь ударили плечом – Бабетту стукнуло так, что она отлетела и упала на ступеньки.

С криком: «Это я!» – ввалился майор Уиллис. Он озибался в поисках Бабетты. Его ничуть не удивило, что на ней почти ничего нет. Он этого ожидал.

– Ах ты, красотка! – Уиллис раскрыл объятия и упал на нее. Бабетта ногтями прошлась по его лицу, и майор почти ослеп. – Необъезженная кобылка, значит? – пробулькала он, зарываясь лицом в ее плечо, губы майора оказались у ее груди. Он обхватил Бабетту, поднял, прижал к себе.

Ах, красotka! По его лицу текла кровь, а Бабетта снова попыталась запустить ему ногти в глаза.

– Смирно! – рявкнул майор. Ну уж действительно, хватит! Дотащить ее до постели. Бросить на нее – только так! Ступеньки слишком крутые, лестница слишком узкая. Оп! Чуть не упал. Он прижался лицом к ее груди, снова чуть не упал. Лестничная площадка. Дверь. Гостиная. Кто это кричит? Она кричит. Ну уж, действительно хватит! Еще разбудит соседей своими криками об Эдди. – Эдди уехал, бедненькая маленькая деачка. Эдди уехал аропрт. – Майор принялся размахивать короткими, похожими на лапы моржа руками. – Я о тебе позабочусь – ты переходишь к новому владельцу, а? Томми позаботится о маленькой Бабетте.

Она ударила его по лицу, он рассмеялся, поймал ее за руку, вывернул. Поведем ее головой вперед – только так! Ногой пытаешься ударить? Майор высвободил одну руку и вывернул руку Бабетте так, что она заплакала от боли, хотя все равно попыталась ударить его ногой. Майор шлепнул ее по задку, поймал резинку трусов, оттянул, отпустил. Чертовски смешно. Он хотел проделать то же самое еще раз, но она вырвалась, схватила с туалетного столика французского хрусталя флакон духов и разбила его о Майорову голову.

Флакон разлетелся, порезав ему кожу на виске. В порез полились духи, обожгли его, как жидкое пламя; это привело Уиллиса в неистовство.

– Ах ты, мразь! – заорал он. Поломаться ей хочется, видите ли! Он ее сейчас так проучит, долго помнить будет – неделю сесть не сможет. Майор рванулся вперед, споткнулся, упал, проехался лицом по ковру и замер в облаке шифоновых шляпок. Бабетта встала рядом на колени, ударила Уиллиса по голове другим флаконом.

Он дернулся, хрюкнул, затих. Аромат. Цветы. Весна.

Бабетта, тяжело дыша, прислонилась к краю кровати, волосы растрепаны, холодный флакон прижат к бедру – пошевелились майор, она готова была еще раз его ударить. Поняв наконец, что этого не произойдет, Бабетта с трудом поднялась и пошла в ванную. Хочешь мужчину, а тут черти приносят какую-то пьяную дрянь. С этим Рэнделл тоже очень скоро разберется. Она наклонилась над умывальником, почувствовала бедрами и руками его холод, ее так тошнило, что, казалось, желудок выворачивается наизнанку.

Бабетта сняла намокшие лифчик и трусики, бросила их на пол, пошла в спальню за халатом. Она заставила себя перешагнуть через майора, порылась в шкафу, выбрала халат, наполовину влезла в него. Тут до нее дошло, что голубой норки и собольего жакета в шкафу нет. Не может быть, их перевесили, они висят под чем-то еще. Она рвала плотные ряды платьев, пальто, костюмов, лисий мех, беличий, вытаскивала все из шкафа, кидала на пол; встала на цыпочки, дотянулась до верхних полок – оттуда на лежащего майора посыпались оставшиеся шляпки, шляпная коробка, какая-то ткань. Бабетта пнула его босой ногой в голову, ушибла большой палец, ударила сверху пяткой. Бросилась на кучу одежды, перетрясла всю, швырнула под потолок – точно вдруг заработал вулкан; вещи разлетелись по комнате – на майора, на постель, на туалетный столик. Норка и соболь исчезли.

Бабетта подошла к туалетному столику, неслушающимися руками высыпала на зеркальную поверхность и одежду содержимое шкатулки для драгоценностей. Ни

жемчуга, ни золотого браслета, ни бриллиантовых серег, ни кольца с изумрудом, ни рубинов. Все исчезло. Осталась одна дешевка. Бижутерия, венецианские бусы, серебряный браслет, аметисты, дешевые кольца. Бабетта закричала что есть мочи, швырнула в зеркало браслет, сережки, бусы. За ними полетел хрустальный флакон-спрей для духов с позолоченной крышкой – зеркало разбилось, по нему побежали трещины до самых краев и разрезали на множество кусков отражение Бабетты. За спиной у нее зазвонил телефон – его тоже можно разбить о зеркало возле кровати. Она подняла было аппарат, размахнулась. А вдруг это он звонит? Сначала надо все ему высказать – пусть выслушает.

– Это вы, Брайс? – спросил голос с холодной яростью. – Говорит Рэнделл. Вы можете объяснить, почему до сих пор не позвонили?

15

Шон доехал до Челмсфорд-Гарденс минут через десять после того, как Рэнделл позвонил на квартиру Брайса. Было без четверти шесть. Дом № 88. Большое красивое здание с балконами, отделанными под камень, и маркизами на окнах выходило на прямоугольный чахлый газон и покрытые копотью платаны. В вестибюле было пусто. Список жильцов, ряд почтовых ящиков. «Майор Томас Уиллис, 3-й этаж, квартира 8». В почтовом ящике майора ничего не оказалось, кроме рекламных проспектов. Лифт времен королевы Виктории наподобие клетки для птиц медленно поднял Шона на третий этаж. Тоже пусто. В таких домах люди живут по десять лет и знают других жильцов только в лицо. В лучшем случае.

Шон повертел в руке ключи, выбрал, как ему показалось, наиболее подходящий и пошел по коридору: № 7, № 8. Вторым ключом он открыл дверь. Лифт поехал вниз. В шахте раздался женский голос – за шумом лифта слов разобрать было нельзя. Шон зашел в квартиру. Конечно же, он ничего здесь не найдет. Прихожая размером со стенной шкаф, пахнет прорезиненным плащом. На вешалке рядом со старым, военным макинтошем цвета хаки – трость. Твидовая кепка.

Гостиная, и дальше, за приоткрытой дверью, – кухонька. На столе посередине комнаты – остатки завтрака. Подставка для яиц, тостер, крошки, чайник. Таковую комнату домом не назовешь. Интересно, майор женат? Разведен? Вдовец? По квартире трудно что-либо сказать. В глубине – маленькая спальня. Неубранная кровать, из-под постельного белья свешивается пижама, на угол двери в ванную наброшен шелковый халат.

На полке у кровати, рядом с телефоном, – трубка, пепельница, полная сигаретных окурков, несколько книг: «Жюстина» маркиза де Сада, «Венера в мехах», «Город греха»; журнальчик порнографического содержания. В ящике под полкой – очки, верхняя вставная челюсть, пакетик презервативов. В шкафчике с другой стороны кровати – полупустая бутылка виски, сифон с содовой, два стакана с толстым дном. В стенном шкафу – одежда, в самом низу куча грязных рубашек и белья. Комод. Галстуки, носки, рубашки. Второй ящик сверху оказался потяжелее. Белье. И книги. Шон вытащил их, ожидая увидеть порнографию.

Оказалось – пособия для коммивояжера, занимающегося продажей электронного оборудования. На внутренней стороне обложки приклеена бумажка: «Экземпляр

коммивояжера. Не для продажи». Брошюры по радиооборудованию, системам селекторной связи «для конторы и для дома», телевизионным системам замкнутого канала. Рекламные листки, помеченные: «Коммуникимпортс лимитед». «Зачем платить лишнее? Мы предложим вам лучшее электронное оборудование по оптовым ценам, доставим прямо с фабрики. Предлагаем фантастические условия, невероятные скидки, потому что отказываемся от услуг розничных торговцев...»

Так, значит, этим майор зарабатывал себе на пропитание. Человек жил полной жизнью: виски, порнография, электроника. Шон уже собрался швырнуть эту кипу глянцевого бумаги и отпечатанных на ксероксе листов обратно в ящик, когда заметил красные уголки. В правом верхнем углу всех брошюр стоял красный треугольник. Для человека непосвященного это выглядело условным обозначением, с помощью которого на фирме отличают на глаз одну брошюрку от другой. Возможно, так оно и есть, подумал Шон. Но он-то видел эти красные треугольники раньше. В Управлении. Они означали там: «Уничтожить в критической ситуации. Красный гриф». Для разных документов «красный гриф» значил разное: начало войны, угроза ареста. Для каждой операции существуют свои инструкции, свой «красный гриф». Но красный треугольник всегда ставится на документы особой важности. Для владельца гриф означает одно, для случайного читателя – совершенно другое. Но только для случайного читателя, а не для обученного человека, который ищет в документе скрытый смысл.

Шон разложил три брошюры на кровати: «Организация торговли», «Методы продажи», «Клиенты». В каждой – тридцать-сорок страниц, размноженных на ксероксе с машинописного экземпляра. Кроме страниц пронумерованы и сами брошюры. Между страницами вставлены пустые листы бумаги для записей. То есть они были пустыми, пока кто-то – может, сам майор? – не заполнил их аккуратным убористым почерком. По большей части это были адреса. А также цифры. Некоторые адреса вели в Хониуэлл, цифры, проставленные против этих адресов, он уже где-то видел. Шон вытащил записную книжку Альберта, сравнил. Примерно половина адресов в Хониуэлле совпадали, сходились и цифры во второй из двух колонок Альберта и в колонке Уиллиса.

Некоторые адреса были подчеркнуты красным и помечены буквами – то ли «кр», то ли «хр». Против других адресов не стояло цифр, но они были помечены теми же буквами. На первой странице пометка: «Кр – кредитоспособны». На следующей – схема торговой сети в зоне Северного Лондона. Управляющий зоной, управляющий по вопросам торговли, старшие коммивояжеры, младшие коммивояжеры, помощники коммивояжеров. Похоже, не маленькая организация. На третьей странице – схема одного из районов зоны, указан старший коммивояжер, которому приданы: младший коммивояжер и пятеро помощников, занимающихся соответственно «поставками», «сбором средств», «хранением», «рекламой», «продажей товара по адресам».

На первой пустой странице брошюры «Организация торговли» – список фамилий с указанием должности и телефона, написанных той же рукой. Первая запись: «Управляющий зоной – майор Джон Кэннон». Телефон – тот же, по которому Шон обычно звонил Рэнделлу. Только последняя цифра другая – шестерка, а не двойка. Именно майор Кэннон предупредил миссис Редвин, чтобы она никому ничего не рассказывала. Три других номера совпадают с телефонами в записной книжке Альберта. Против номера телефона в Найтсбридже стояло – «секретарь и

делопроизводитель зоны – мисс Барбара Гор».

Просматривая бумаги, Шон начал кое-что понимать. Перед ним была схема организации, которую майор Уиллис называл «Теневой армией», по крайней мере ее подразделения в Северном Лондоне. Той самой армии, которая создана для оказания сопротивления на случай будущей войны. Шон слышал смутные разговоры по этому поводу на работе. Это был один из секретных элементов реорганизации территориальных и резервных войск, в известной степени объяснявший некоторые странности реорганизации. Это, более или менее, понятно. Но кто такой «Кромвель»? Кличка командующего «Теневой армией»? Британский Тито или де Голль в зародыше.

А какое имеет к этому отношение «Фонд треста»? Что такое Хрустальная ночь? Может быть, эти буквы не «кр», а «хр», то есть Хрустальная ночь? Что говорил майор о «Фонде треста»? «Фонд треста» опоздал. А лотом: «Южная Африка... Черномазые затевают беспорядки... Уайтхолл, ООН начинают им помогать... «Фонд треста» их прищучит». Как? Что же такое Хрустальная ночь? Слишком много черномазых. Бабах! Слишком поздно. Южной Африке еще можно помочь, а этой стране – конец. Как помочь Южной Африке? Послать туда добровольцев из «Теневой армии»?

Что бы там ни было, английскому правительству подобное не понравится. Очевидно, вот это Редвин случайно и раскопал. Где? В Хониуэлле? Весьма сомнительно. Что он мог раскопать в Хониуэлле, кроме предприятия господ Брайса и Феттера? Редвин же мог просто-напросто отправиться в полицию. Почему он этого не сделал? Не успел? Или по сравнению с его «страшными новостями» все остальное казалось чепухой?

Шон снова перебрал в уме все факты, отмечая то, что не мог объяснить, анализируя остальное. В мирное время создается тайная армия для подготовки к будущей войне. Хотя, по словам майора Уиллиса, это только прикрытие. «Чушь собачья». Что он хотел этим сказать: официальные цели этой армии – обман или их извратили? И она превратилась в шайку гангстеров-вымогателей а la Хониуэлл? А может быть, эта армия выполняет обе задачи одновременно? Наверняка Шон понял одно: «солдаты» «Теневой армии» занимаются вымогательством. Наверно, Редвин об этом и узнал? И не мог обратиться в полицию, не раскрыв тайну существования «Теневой армии»? Боялся, что от этого будет больше вреда, чем пользы? Скорее всего, он обратился к майору Кортни, чтобы решить этот вопрос в узком кругу без громкого скандала!

Шон взял телефонную трубку, поколебался, набрал номер «управляющего зоной». Ответила девушка. Ему показалось, он узнал ее голос.

– Позовите, пожалуйста, майора Кэннона. – Шон постарался подражать командирскому рыку майора Уиллиса. – Говорит управляющий по вопросам торговли. – Двадцать против одного, что они представляются по-другому. Но, похоже, девушку и это устроило.

– Управляющего зоной сейчас нет. Скажите, где вы находитесь, и я попрошу его позвонить вам, как только он вернется.

Шон открыл было рот, чтобы дать номер майора Уиллиса, но передумал: осторожность никогда не бывает лишней.

– Я звоню по телефону мисс Гор.

– Прекрасно, сэр. Я ему передам. – Девушка положила трубку.

На улице церковные часы пробили четверть, затем – после долгой паузы – шесть часов. Не Рэнделл ли управляющий зоной? Шон посмотрел на бумаги и брошюры, разложенные на неубранной постели, собрал их в кипу. Получилась увесистая пачка. Интересно, рекламные листки настоящие? Или деталь прикрытия? Он неважно разбирается в электронике, чтобы определить это. Надо будет все забрать с собой. Но в чем их унести? Нужен портфель. Поискать у майора? Если Уиллис выносит документы из дому, у него должен быть портфель или чемоданчик.

Под кучей грязного белья Шон нашел старый, затасканный, рваный на углах портфель с потрескавшейся ручкой. Внутри – полплитки лежалого шоколада, билетика тотализатора, просроченная членская карточка «Лулу-клуба» на Кёрч-стрит. Шон запихал бумаги в портфель, защелкнул замок, осмотрелся.

Не имеет смысла скрывать следы своего пребывания. Но он все же закрыл ящик, в котором лежали бумаги, затолкал ногой грязное белье обратно в шкаф, закрыл дверцу. Выходя из комнаты, он вспомнил о девушке из «Мидлэнд телевижн». У него сразу создалось впечатление, что она порывалась ему что-то сказать. Захочет ли она сделать это сейчас, зная, что он не из полиции? Но если ей хотелось сообщить что-то полиции, почему же она туда не пошла? И почему не пошел туда Редвин? Ева Ланд, его секретарша, помощница, ассистентка, плакала на похоронах. Подсознательно Шон думал о ней весь день. Известно ли ей, что раскопал Редвин?

Шон присел на край постели, посмотрел на телефон. Склонил голову набок, прислушиваясь: майор жил в старом доме с толстыми стенами, из других квартир сюда не доносилось ни звука. Когда придет в себя Уиллис? Похоже, не раньше чем через час. А сейчас три минуты седьмого. Шон взял трубку, набрал номер справочного:

– Дайте мне телефон «Мидлэнд телевижн»...

В пять минут седьмого он дозвонился на телевидение. По всей вероятности, она уже ушла.

– Позовите, пожалуйста, мисс Еву Ланд. Я не знаю ее добавочный, она работает на... – На каком же этаже? Шон понял, что не может вспомнить. Он только хотел, чтобы ему ответили, что она ушла. На этом вся история закончилась бы – он сделал все, что мог. Вот только бумаги надо куда-нибудь отнести, отдать... кому же он может их отдать?

– Соединяю.

И женский голос:

– Да?

Шон чувствовал, что не знает, что сказать. Почему она до сих пор на работе? Вся эта история похожа на удавку, наброшенную ему на шею, на удавку, от которой он никак не может избавиться: каждый раз, как он пытается сорвать ее, петля затягивается туже.

– Вы помните, что было сегодня утром? – спросил он. Вопрос прозвучал настолько глупо, что Шон покраснел и почувствовал, как горит лицо.

– Да, – снова сказала она, только на этот раз Шону показалось, что у нее

перехватило дыхание, словно она бежала, оглядывалась назад, и ей было страшно. Очень страшно. Однако в голосе звучало желание поговорить с ним. – Да, я помню.

– Вы ничего не хотите мне рассказать? – Он заставил себя говорить безразличным тоном, как будто ему это не нужно. Скажи «нет». Зачем мне понадобилось ей звонить?

– Да... но... не по...

– Тогда где? – Шон посмотрел на тисненные обои. Когда-то кремового цвета, сейчас они пожелтели. А вот темное пятно, тут майор Уиллис прижимался к обоям головой, когда читал в постели. Другой майор лежит сейчас в больнице. В ту долю секунды, пока Шон ждал ответа Евы Ланд, он словно увидел перед собой этих двух пожилых седых мужчин, сравнил их – один был карикатурой на другого.

– Где вы сейчас? – прошептала она.

– Не имеет значения. – Ему хотелось бросить трубку.

– Через десять минут я буду в отеле «Риджент-Палас», – прошептала Ева. – Я как раз собиралась уходить. Вы можете со мной встретиться в холле?

– Мне не успеть туда через десять минут. – Неужели ловушка?

– Я подожду, – сказала она и добавила: – Мне так страшно.

«Не только тебе», – подумал Шон. Италия, Никколо, безопасность, легкая жизнь – при мысли об этом у него заныло сердце, словно от тоски по дому, как бывает у путника в пустыне, который видит впереди деревья, воду и знает: это мираж, фокусы атмосферы. Шон положил трубку, прошел в другую комнату. Он уже дошел до середины, когда раздался резкий, пронзительный звонок в дверь. У него перехватило дыхание, он застыл, слыша, как бьется сердце. Через несколько секунд в дверь снова позвонили.

16

Рэнделл добрался до квартиры Бабетты почти в тот момент, когда Шон открыл дверь квартиры майора Уиллиса. Он уже распорядился насчет Эдварда Брайса. Бабетта впустила его, показала майора, который храпел, зарывшись лицом в шифоновые шляпки. Рэнделл перевернул его, ударил по лицу. Майор хрюкнул, улыбнулся, обнял невидимую женщину, сложил губы для поцелуя.

– Откуда он узнал, что Брайс смылся?

Бабетта покачала головой. Она переделалась в брюки и свитер, после телефонного разговора с Рэнделлом выпила две порции джина. Теперь майор уже не интересовал ее. Она думала о Брайсе.

– Что ты собираешься делать?

– Привести его в чувство. – Рэнделл за ноги втащил майора в ванную. – Помоги мне. – Вдвоем они приподняли и перекатали Уиллиса через низкий край утопленной в пол ванны и отпустили – майор соскользнул вниз. Рэнделл включил душ. Через минуту майор отреагировал.

– Дождик, – пробормотал он. Уиллис лежал лицом вверх с открытым ртом, в который затекала вода, так что он мог захлебнуться; головой он закрыл отверстие для стока воды, ванна начала наполняться. Внезапно майор сел. – Боже мой, где я? –

Посмотрел на ванну, льющийся ему на голову и грудь водопад. Потом увидел Рэнделла. У майора отвисла челюсть – он смотрел на Рэнделла, как бык на бойне смотрит на мясника. Рэнделл пригнулся почти вплотную к майору, длинными пальцами руки обвил складки кожи на шее Уиллиса и сдавил, медленно раскачивая Уиллиса назад и вперед. Вода продолжала наполнять ванну, рукав Рэнделла намок.

– Рассказывай, что случилось, – прошептал Рэнделл.

Майор вытаращил на него глаза, поднял обе руки к горлу, чтобы высвободиться, не понимая, где находится, чья это ванна, как здесь оказался Рэнделл. Уиллис надеялся, что все это сон.

– Черт побери, дайте человеку возможность все объяснить, – хриплым голосом сказал он.

Рэнделл снова сдавил майору горло и толкнул назад так, что тот стукнулся головой о краны.

– Тупой, жирный, пьяный ублюдок, – выговорил Рэнделл. – Что тебе сказал Брайс?

– Ничего, – пролепетал майор. – Парень мне рассказал... Брайс уехал. В аэропорт. Один из ваших ребят... Николас. Дуропляс. – Он засмеялся было над этой шуткой, но вовремя остановился. – Здесь чертовски мокро, – сказал он. – Если б вы завернули кран...

– Среди моих людей нет никакого Николаса. – Рэнделл готов был прикончить Уиллиса. Пришлось закрыть глаза, чтобы не начать бить его башкой о стену, о край ванны.

– Не валяйте дурака, – сказал майор. – Конечно, есть. Я его видел. Мы с ним пару раз освежились. – Он протянул руку, нащупал кран, выключил душ. Теперь вода не заливала ему глаза, и он разглядел Бабетту. Начал кое-что припоминать, плотоядно ей улыбнулся. Одедась уже. Чертовски жаль. А ведь они только начали ладить.

– Как он выглядел, этот Николас? – Рэнделл боялся услышать ответ.

– Высокий брюнет. Ирландец. Чертовски приличный парень. Знаете, что он сказал про...

Рэнделл ударил его кулаком в зубы. Голова майора стукнулась о белые плитки, расписанные цветными дельфинами, морскими коньками, крабами, анемонами. Толстяк соскользнул в ванну и остался лежать там. Рэнделл взглянул на костяшки кулака, его губы побелели от ярости, на лбу билась жилка. Он прижал мокрый рукав к лицу, подержал. Ему уже давно хотелось именно так поступить с майором.

Он продолжал стоять на коленях у ванны, прижав холодную мокрую материю к лицу, дышал медленно и глубоко. Ему показалось, что его нервы растягиваются, бесконечно растягиваются. Он как бы чувствовал, слышал и видел все увеличенным в тысячу раз. Он боялся открыть глаза, боялся увидеть свой рукав: нитки, словно канаты, дыры между их переплетениями. Бабетта что-то сказала – звук ее голоса ударил ему в уши. Если бы можно было подумать в тишине. А тут из ванны вытекает вода, дышит майор, эта девка переступает с ноги на ногу.

– Тихо, – прошептал он, и собственный шепот показался ему слишком громким. Значит, Райен пил с майором. Рэнделл перегнулся через край ванны, пошарил у

майора по карманам. Ключей не было. Он встал, подошел к телефону. Главное, что-то делать. Снял пиджак, расстегнул мокрый манжет рубашки.

– Робби? Думаю, он отправился на Челмсфорд-Гарденс. Пошли туда людей, пусть наблюдают за домом. Его самого не трогать. Слежку вести незаметно. Если возможно, задержите его там, чтоб мы могли выиграть время, но не трогайте. Уже слишком поздно для игр на улице или чего-то в этом роде. На этот раз я не хочу, чтобы он что-то заподозрил. Собери всех своих людей, кого найдешь. С ним надо быстрее кончать.

Ему стало легче. Он набрал еще один номер. Бабетта пришла и села рядом на кровать, выжала воду из его манжета. Он не противился – она закатала рукав его рубашки, обнажив предплечье. Рэнделл просунул руку под ее свободный ангорский свитер, провел по спине, задержался на шее.

– Склад? Возможно, я привезу к вам сегодня вечером гостя. Не знаю во сколько. Я бы хотел, чтобы катер стоял наготове. Мы отправимся в путешествие. Сегодня вечером или завтра.

Он снова стал самим собой. Человеком действия. Он чувствовал силу в своем голосе, в руках, как будто по его телу течет электрический ток. Рэнделл видел себя канатоходцем, наделенным большой внутренней энергией, человеком, который без усилий, чуть покачиваясь и не теряя равновесия, быстро идет по канату. Он обладал способностью смотреть на себя, на свое тело: взгляд со стороны – так наездник чувствует и видит свою лошадь, с которой слит воедино. От этого созерцания Рэнделл получал чувственное наслаждение. Даже сейчас, поглаживая Бабетту, Рэнделл не о ней думал, не о ее теле, а о себе.

Он заставил ее повернуться к нему лицом, посмотрел на нее, медленно приблизил к себе ее голову. Она ждала, что он поцелует ее, подставила губы. Рэнделл, продолжая смотреть на Бабетту, улыбнулся и мягко оттолкнул ее, прислушиваясь к голосу в телефонной трубке. Закончив разговор, он набрал другой номер, отдал несколько приказаний, раскинул свою сеть, узнал, в какой больнице лежит Альберт; когда ему сказали, что тот умер, Рэнделл сделал еще несколько звонков, чтобы использовать этот факт в своих интересах, избежать неприятностей в Хониуэлле, пустить полицейских по следу в нужном направлении.

– Найдите этого мальчишку, выясните, можно ли на него положиться. Вдруг он нам понадобится. Райен обратился к нему с непристойным предложением, Альберт попытался его защитить. Матери мальчика дайте пять фунтов и намекните, что к чему.

Бабетта лежала рядом с ним, прислушиваясь. Его свободная рука блуждала по ее телу, как рука слепца, которая изучает, исследует, как рука человека, ласкающего кошку. Бабетта лежала совсем неподвижно, боясь сделать что-то, что могло не понравиться Рэнделлу. Но вскоре она начала извиваться, закрыла глаза – рука двигалась, ласкала ее, застывала, двигалась дальше. Они впервые встретились много месяцев назад в его кабинете, куда ее привел кто-то из «Лулу-клуба», и до сих пор она ничего не знает о нем, даже не уверена, действительно ли его фамилия – Кэннон; одно лишь точно: это очень сильный и очень страшный человек. Она бы никогда в жизни не узнала его по описаниям мистера Драйберга, Райена или майора Кортни.

Кэннон устроил так, что ее представили Эдварду Брайсу.

– Забудь обо мне, пока сам не свяжусь с тобой. С Брайсом познакомься поближе,

подружись с ним. Узнай о нем все, что сможешь. – Человек, которого она не знала и никогда в жизни не видела, привел ее куда-то в гости, познакомил с маленьким пожилым толстяком с большой лысой головой и «роллс-ройсом». Потом все оказалось очень легко, а платили за это гораздо лучше, чем в «Лулу-клубе».

Со своей стороны во время их нечастых встреч Рэнделл оценил Бабетту – она оказалась отнюдь не только лакомым кусочком. Он поставил ее на жалованье «Фонда треста» и с нетерпением ждал момента, когда она будет не нужна для игры с Эдвардом Брайсом.

Последний звонок он сделал в «Фонд треста». Рэнделл, единственный из своего подразделения, мог связываться с «Фондом» напрямую, без предварительных инструкций и всяческих сложностей, причем способы выхода на связь все время менялись.

Рэнделл сообщил голосу в трубке, что произошло, перечислил принятые меры. Трубка молчала. Рэнделл слегка повысил тон:

– Так вы одобряете?

– Только если добьетесь успеха, – мягко ответили ему. – Это все, что вы хотели сообщить нам?

– Да, – старательно подтвердил он, плавно и осторожно положив трубку на рычаг. – Когда-нибудь, – пробормотал он, – я проучу этих сволочей, хорошенько проучу.

А Эдвард Брайс, ссутулившись, сидел в аэропорту на одном из длинных диванов и, пряча лицо за развернутой газетой, ждал своего рейса в Цюрих. Каждые полминуты он опускал газету и смотрел на входные двери. Брайс сам не знал, кого он высматривает. Кто мог прийти? Никто не знает, не может ничего знать. В его распоряжении еще не один час, не один день. А тогда... тогда он уже будет где угодно. Начнет новую жизнь. Двести тысяч фунтов окажутся хорошим подспорьем. Брайс сжал газету толстенькими ручками, чтобы унять в них дрожь, попытался заставить себя хоть что-то прочесть, лишь бы отвлечься от мысли, что опасаться надо вот этого, который сейчас вошел. Или вон того. Или того, что появился следом. Брайс смотрел на газетные заголовки, стараясь задержать буквы на своих местах: «Призыв к борьбе в Юго-Западной Африке», «Постоянный представитель республики Лиемба в ООН потребовал... Мали... Афро-азиатский блок... нажим... присутствие ООН... Совет Безопасности... США в щекотливом положении... может оказаться нелегко наложить вето... если Советский Союз...» Слова будто мерцали у него перед глазами, ничего не означая. «Актриса теряет змею». «Джава Доун, киноактриса, потеряла свою ручную змею Тото второй раз на этой неделе. Двухметровый индийский питон сбежал от нее в здании «Мидлэнд телевижн» в Лондоне во время записи сегодня утром. Мисс Доун, выступавшая с Тото в кабаре «Роршах», предлагает нашедшему Тото сто фунтов. «Он совершенно безобидное и очень ласковое существо», – сказала она на пресс-конференции».

– Авиакомпания «БИА» объявляет об отправке рейса...

Услышав слово «Цюрих», Брайс поднял голову, начал искать свой посадочный талон. Сидевший рядом молодой человек, заметив талон на кресле между ними, подал его Брайсу с приятной улыбкой.

– Это... это мой рейс? – спросил мистер Брайс, показывая ему талон. Он почувствовал слабость в ногах – как трудно встать. Молодой человек подтвердил, что это рейс мистера Брайса, подал ему футляр для очков, газету, проверил, в порядке ли билет. К выходу на посадку они пошли вместе. Мистер Брайс постоянно оглядывался, у него дрожали ноги. Он уронил газету, молодой человек ее подобрал.

– Не стоило беспокоиться, – заметил мистер Брайс.

– Я почитаю в самолете, – сказал молодой человек. Он не собирался убивать мистера Брайса до того, как они прилетят в Цюрих.

17

Шон стоял посреди комнаты и ждал, когда визитер перестанет звонить и уйдет. Этого не случилось. Звонок умолк. Но звука удаляющихся шагов не последовало. Шон попытался вспомнить, есть ли перед входной дверью коврик. Но не смог. Портфель майора, будто налитый свинцом, оттягивал руку. Шон боялся поставить его на пол – а вдруг он заскрипит или упадет, и человек за дверью поймет, где он находится. Если, конечно, визитер стоит за дверью. Если он прислушивается.

Шон попытался сообразить, как узнали, что он здесь. Никто не мог этого знать. Он очень медленно опустился на колени, положил на пол портфель, лег сам. Но в узкой полоске света под дверью ничего не увидел. Никаких ботинок. Там никого не было. Шон тихо выдохнул, снова встал, подошел к двери и открыл ее. Ему навстречу двинулся молодой человек – он стоял в коридорчике, в метре от двери, где его не было видно. Шон застыл, в груди встал ком.

– Майор Уиллис! – воскликнул молодой человек с легким приятным американским акцентом. – Я будто почувствовал, что вы прячетесь от меня. – Он протянул Шону красивую руку с наманикюренными ногтями. Узкий темно-синий галстук, темно-синий свободно сидящий костюм, белоснежная, под стать зубам, рубашка, коротко стриженные волосы цвета соломы. – У меня для вас послание, майор.

– Послание? – переспросил Шон. Он держал портфель в левой руке. А взглядом пытался определить расстояние между ними. В то же время ему ужасно хотелось оглянуться. Он вспомнил, что произошло в гостинице «Дилижанс», – мышцы живота сжались и задрожали.

– Это самое важное послание в вашей жизни, – убежденно продолжал молодой человек. – Лучших известий вы никогда не получали. Я пришел сказать вам, что Иисус Христос умер, чтобы спасти вашу душу.

– Очень рад слышать, – ответил Шон. Он боялся, что сейчас упадет.

– Если бы мы зашли на минутку к вам в квартиру, я бы с удовольствием объяснил, как это послание может изменить вашу жизнь.

Шон шагнул в сторону.

– Очень жаль, я бы выслушал вас, но у меня срочная деловая встреча.

Молодой человек повторил движение Шона.

– Майор, нет более срочной встречи, чем наша. Она может изменить всю вашу

жизнь.

– Этого я и боюсь. – Шон шагнул вправо, затем влево и обошел молодого человека – тот следовал за ним. – Зайдите в другой раз!

– Ибо много званых, а мало избранных, – печально сказал молодой человек.

Шон бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

– Когда можно еще зайти, майор? – кричал ему в спину молодой человек с лестничной площадки.

– Вечером. Попозже.

Шон выскочил из подъезда на Челмсфорд-Гарденс, очутился на тротуаре, свернул налево на Кингс-роуд, махнул рукой медленно проезжавшему мимо такси. Старею, подумал он, начинаю всего бояться. Все, хватит. Ему даже в голову не пришло посмотреть в заднее стекло такси. Впрочем, и в таком случае он вряд ли заметил бы что-то особенное.

В отеле «Риджент-Палас» он сначала ее не увидел. Обнаружил, только когда прошел по холлу: она стояла в глубине у газетного киоска и рассматривала журналы. Шон подошел к прилавку, попросил вечернюю газету. Ева Ланд не поворачивалась.

– За вами не следят?

– Нет. Не хотите выпить?

Здесь, в «Риджент-Паласе», ничего не может произойти. Даже если она привела кого с собой, он все равно может выяснить, что эта Ланд хотела ему сказать. И быть может, догадается – почему. Они прошли в бар, выбрали столик, откуда видна была входная дверь. Шон подождал, пока их обслужили, пытаясь тем временем прочесть выражение ее лица. Очень красивая женщина. И очень перепуганная. Ей не нравилось сидеть спиной к бару, она чуть-чуть подвинула стул, бросила взгляд через плечо.

– Я скажу вам, если появится кто подозрительный, – сказал Шон. – Что вы хотите рассказать мне?

Она взглянула на него, быстро отвела глаза, стараясь взять себя в руки.

– Кто вы? – спросила она. – Сегодня утром...

– Это более или менее соответствует истине, – сказал он. – Я имею отношение к полиции.

– Вы из разведки?

– Можно сказать и так.

Она судорожно сцепила пальцы рук.

– Если вы ничего не хотите мне сообщить, не надо было назначать мне здесь встречу.

– Я боюсь, – сказала она.

– Чего?

– Меня могут убить.

– А Олафа Редвина убили? – Она кивнула. Он хотел было спросить: «Так почему

вы мне об этом не сказали?...», но удержался, чтобы не показаться глупым. – Откуда вам это известно?

– Я его очень хорошо знала. Это не... он бы... он бы никогда не покончил жизнь самоубийством. Не... не в такой момент.

К двери в бар подошел мужчина, заглянул внутрь, помешкал, как бы сомневаясь, не рано ли еще пить, пошел дальше. Здоровый, сильный, аккуратный молодой человек. Шон пожалел, что он здесь. Пожалел, что вообще когда-либо слышал про Олафа Редвина. Зажав между ног облезлый портфель, он пытался обдумать создавшееся положение.

– Вы его хорошо знали?

Она отвернулась.

– Очень хорошо.

Быть может, подумал Шон, она была знакома с Редвином по Норвегии. Нет, слишком молода. Ева будто прочла его мысли.

– Год назад Олаф предложил мне стать его ассистенткой: мои родители норвежцы, так что мы с ним оба говорим по-норвежски. Дома у него не ладилось, – медленно произнесла она, вспоминая. – Олаф мечтал уехать отсюда, поселиться на ферме где-нибудь в горах Норвегии...

– С вами?

Она по-прежнему сидела отвернувшись. Но сейчас посмотрела на Шона, слегка покраснела, чуть нахмурилась.

– Может быть.

– Извините, – сказал Шон. – Я видел, как вы вчера плакали.

Она кивнула.

– Многие его не любили. Но они плохо знали Олафа. Он... проявлял себя не с лучшей стороны в общении с людьми. Иногда давал волю раздражению, объяснявшемуся его разочарованием.

– Почему его убили?

– Он написал донесение. Собирался послать его...

– Майору Кортни?

Она с облегчением кивнула, будто в первый раз окончательно поверила, что Шон из числа друзей.

– Что случилось с этим донесением?

– Я его спрятала, – прошептала Ева. – Правда, второй экземпляр. Первый забрали они.

– Вы его читали?

Она снова кивнула.

– Но не все поняла.

– Вам повезло, что вас не тронули.

– Знаю. Но мне это, в общем, безразлично. Просто страшно, не более того.

– Вы, наверно, любили его?

– Я до сих пор люблю Олафа. Никогда в жизни не буду так любить.

– Как же он оказался впутанным в эту историю?

– Они завербовали его. Это сделал Обри. Они одинаково мыслили с Олафом. – Ева невесело усмехнулась. Во время всего разговора она смотрела не на Шона, а вправо, в пустоту, словно далеко-далеко что-то видела: Олафа Редвина, ферму в горах Норвегии. – По крайней мере он так считал. У Олафа ведь были весьма странные взгляды.

– Какие? – Интересно, что эта женщина нашла в сорокасемилетнем, разочаровавшемся Олафе Редвине, человеке с весьма странными взглядами, почему полюбила его. Не будь ей страшно, ее лицо, наверное, выглядело бы бесконечно спокойным, как у мадонны. Гладкие плечи, великолепная грудь, шея, широкие скулы. Страх в земных глазах Евы был как тень, мелькающая в глубоком тихом озере. – Какого рода взгляды? – Мысли Шона были наполовину заняты сейчас недавно вошедшим в бар молодым человеком, который посмотрел на них, и другим молодым здоровяком, пытавшимся рассказать ему об Иисусе Христе. Все в порядке. До такого никто не может додуматься. Но разве подобные торговцы словом господним не работают парами, не таскают с собой саквояжи с рекламными листовками и журналами?

– Он ненавидел практически все в современной Англии. Думаю иногда, он ненавидел вообще все, что было после эпохи саг. Он часто мечтал о чистке, о *Gotterdammerung*¹⁶. Но дальше красивых слов дело не шло. Это никому ничем не грозило. Даже его жене. – Ее губы сжались, из глаз исчез испуг. В них читалась теперь безграничная затаенная жесткость, безликая и страшная, как ледник. – У его жены тоже весьма странные взгляды. – Ева Ланд улыбнулась, пожалала красивыми гладкими плечами, прикрытыми вышитой крестьянской блузкой. – Ее отец служил старшим сержантом в английской армии в Индии. Она изображает его полковником. Она и мать Олафа только и занимаются тем, что хвастаются друг перед другом своими семьями. По-моему, каждая из них довела другую до сумасшествия.

– Тяжело ему приходилось с ними. – Интересно, подумал Шон, говорит ли она правду. И всю ли до конца. Похоже, кое о чем Ева Ланд только догадывается.

– Вы ирландец? – Шон кивнул. – Католик? – Он помешкал, но Ева Ланд даже не смотрела на него. – Думаете, я увела его от жены, лишила ума и совести? Впрочем, ваши суждения меня не интересуют.

– Я не высказывал никаких суждений.

– Он был поэтом, которого душили, калечили. Жизнь изломала его, деформировала, как дерево, заваленное камнями. Но даже на таком дереве появляются зеленые листья. Даже его искривленный ствол прекрасен. Если бы Олаф жил со мной, он написал бы все, что хотел. Странные, жуткие вещи, которые бы показали, что все

¹⁶ Гибели богов (нем.).

эти годы страданий имели смысл. Жизнь с женой и матерью опустошила его, убила в нем желание жить.

Он вспомнил дом в псевдоякобитском стиле, царящее в нем безумие.

– Я не высказывал никаких суждений.

– Это не имеет значения. Они называли его фашистом. Как и Гамсуна. Их не устраивает, если у человека есть своя точка зрения, если он личность. Если он не верит в толпу. Они не в состоянии вообразить, что каждый может стать великим. Они этого не допустят. Олаф писал. Но его не печатали. Никто никогда не говорил, что это плохо, просто не соответствует эпохе. Черт бы побрал эту эпоху!

Она заплакала. Бармен незаметно с любопытством поглядывал на них. За соседним столиком пара обсуждала свой предстоящий отдых на Мальорке. Женщина искоса посматривала на Еву.

– Может быть, перейдем в другое место? – спросил Шон. – Я бы хотел о многом вас расспросить.

– Хорошо.

– Где вы спрятали донесение?

– У себя в квартире.

Он так и застыл на стуле.

– Но это же... столь очевидно.

– Тогда не ходите со мной. – Она обладала пугающей способностью читать его мысли. – Если вы мне не доверяете. Сейчас я почти уже не боюсь. Что они могут мне сделать?

– Что угодно.

– Знаю, – вздохнула она. Взяла недопитый стакан, снова поставила на столик. – Человек продолжает жить, хочет жить. Не знаю, правда, зачем.

– Жаль, что я не был с ним знаком. Он нравился майору Кортни.

– Он не был фашистом. Олаф не торговал никакими идеями. Он был индивидуалистом. Он мечтал, что наступит день, когда индивидуалисты смогут... занять свое место в мире.

– Посмотрите, в какой компании он оказался с такими взглядами.

– Олаф не был хитрым. Мудрым и добрым – да. И разочаровавшимся. У Вайнинга прекрасно подвешен язык, он умеет убеждать собеседников. К тому же оба они ненавидели одно и то же. Олаф, правда, не понимал, что по разным причинам. – Она встала. – Пойдемте?

– Да, – согласился он, поднял портфель, почувствовал его тяжесть. Он никуда не хотел идти, но ничего другого сказать не мог и не мог иначе поступить. Они вышли из бара. Двое-трое мужчин посмотрели на Еву, но не более чем с естественным интересом. Молодого здоровяка нигде не было видно. Не похоже, чтобы кто-то из присутствующих следил за ними. Тем не менее Шон чувствовал, что за ними следят.

– Знаете, это может очень плохо для вас кончиться!

– Мне надоело всего бояться, – пожалала плечами Ева.

«А мне надоело быть героем», – хотел он сказать ей, но вряд ли она поняла бы. Шону хотелось бы, чтобы все было проще. Они вышли в летний вечер; сумерки еще не надвинулись, просто стало прохладнее. Пропустив два такси, они сели в третье. С другой стороны, какая разница? Свинья ты, если заставляешь ее идти на это, подумал он. И тебя убьют, и ее, а майор об этом и не узнает. Подумает, что ты уехал в Италию. Интересно, как они все организуют?

...Одного человека нашли в шкафу, полууголого, связанного и задушенного чулком. Никто даже не почесался, когда убийцу так и не поймали. А это было запланировано. Шон знал всех участников этой истории и жалел погибшего. Тот всего-навсего попытался дважды продать одну и ту же информацию – англичанам и французам. В конце-то концов, ведь они были союзники. Но слишком важной оказалась информация.

В машине Шон переложил бумаги Альберта в портфель. Но сначала вырвал чистую страничку из записной книжки, черкнул две строчки майору Кортни. Если тот сможет их прочесть. «Это первый взнос. Надеюсь, будет и второй». Ева забилась в угол и не спрашивала, что он делает. На обороте странички Шон написал адрес больницы и фамилию майора.

Такси мчалось на север, затем повернуло на восток – мимо Блумсбери, и все это время он смотрел в заднее стекло. Похоже, хвоста нет. Такси проехало километра полтора, и Шон велел шоферу повернуть обратно, к Холборну и Грейз-инн-роуд. Машина остановилась в ста метрах от дома Евы, он вылез, оставив портфель на заднем сиденье и сказав Еве, что сейчас расплатится, долго делал вид, что ищет мелочь.

Затем дал таксисту страничку из записной книжки, два фунта бумажками и немного серебра. Серебро он вытащил, чтобы напустить туману в глаза Еве и возможным наблюдателям.

– Сейчас не тратьте времени на расшифровку, – сказал он. – Тут стоит адрес, по которому надо отвезти портфель, что я оставил на заднем сиденье. Молчите, отвечать мне необязательно.

Таксист кивнул, деньги и записка исчезли в его кармане. Шон попрощался и пошел по тротуару вслед за Евой. Она свернула в узкий переулок, застроенный безликими, жалкими домами. Здесь живут женщины, которые ухаживают за больными, и уважаемые конторские служащие. Шон оглянулся: заметили они, что у него уже нет в руке портфеля? Если, конечно, за ними кто-то следит. Во рту у него пересохло, словно он долго шел без отдыха. В переулке мужчина мыл свой «форд» модели «Кортина». Маленькая девочка пыталась ему помочь.

Ева вошла в один из домов, остановилась в холле, ожидая его.

– Я живу на последнем этаже. К сожалению, лифта в доме нет.

Идти пришлось на четвертый этаж. Когда она открывала дверь квартиры, Шон прижался к стене. Он был уверен, что в квартире кто-то есть. Когда же там никого не оказалось, Шон почувствовал даже слабость в коленях.

Прихожей не было. Большая комната (одновременно гостиная и спальня), крошечная кухонька, старомодная ванная. Он все осмотрел, даже не пытаясь это

скрыть. Ева поставила на огонь чайник.

– Я приготовлю кофе.

Шон оглядел большую комнату: софа, книжный шкаф. На нескольких книгах дарственная надпись: «Еве от ее собрата в изгнании Олафа».

– Он рассказывал мне о Норвегии, – сказала Ева.

Она подала кофе, дотронулась до фотографии в кожаной рамке. Шон не узнал бы в этом человеке того мужчину, которого видел на свадебном снимке в Лиреме. С фотографии Евы на него смотрело смуглое лицо воинствующего интеллектуала. Лицо мученика или гонителя, раздираемого страданиями инквизитора. Такого нелегко любить.

– Где же донесение? – Шон все время прислушивался к посторонним шумам. Подошел к окну, посмотрел на улицу, но из квартиры видны были лишь хилый садик этого дома и его братья, казавшиеся крошечными по сравнению с домами. Под окном – плоская крыша пристроенной ванны. В доме через два садика женщина раздевается у окна, мужчина в спущенных подтяжках бреется. Откуда-то из открытого окна доносятся звуки поп-музыки. Музыка стихла, послышался голос:

– Эта песня перескочила на второе место прямо с восемнадцатого. И теперь одиннадцатую неделю стоит на первом месте в списке самых популярных песен. Группа «Они», песня «Блеск и цирк» – да, да, фанаты, заряжайтесь настоящим: «Они», «Они», «Они»!

Визжала и стонала, штурмуя оконные стекла, песня «Блеск и цирк». Брившийся мужчина бритвой отбивал ритм. Шон отошел от окна. По какой-то странной причине он вспомнил пару из кафе – ее лицо уставшей матери, она жалела своего спутника. Боготворит ли она эту группу – «Они»? Интересно, я что, спасаю ее от Обри Вайнинга? – подумал он. От «Фонда треста» и майора Уиллиса? От Рэнделла? Странно получается. Как бы все это объяснил майор Кортни?

– Где же донесение? – повторил он, не веря, что оно вообще существует.

Она взяла с книжной полки «Njalssaga»¹⁷ и подала Шону. Он открыл книгу, полистал ее. Никаких вкладышей нет. Кое-где несколько мест подчеркнуто, иногда на полях – пометки от руки. Такие книги обычно встречаются у университетских преподавателей или студентов. Шон попытался прочесть заметки на полях, но они были на норвежском, как и сама книга.

– Он писал по-норвежски, – объяснила Ева.

– Это и есть донесение?

Ева пожала плечами.

– Оно зашифровано. Олаф делал в книге пометки, когда узнавал что-то новое и сопоставлял факты. Если, конечно, это были факты.

Ева подошла к окну, замерла, уставясь вниз. Возможно, она слушала то, что пели

¹⁷ Самая большая из исландских саг, рассказывающая о событиях в Исландии приблизительно с 940 по 1015 год, – «Сага о Ньяле» (норв.).

«Они». У нее слишком широкие плечи и бедра, слишком толстые ноги. Через несколько лет, подумал Шон, она располнеет. Как будто это могло подчеркнуть то, что она любила немолодого поэта-неудачника. Рассказывает ли она ему правду?

– Если вы мне не верите... – сказала она не оборачиваясь. – Это ведь не вернет Олафа, верите вы мне или нет. Делайте с книгой, что хотите.

– А что за донесение нашли они?

– Олаф составил его в форме длинного отчета норвежскому телевидению, который лежал на столе вместе с бумагами... в ожидании, пока он узнает нужный адрес. Они там и нашли донесение... На другой день.

– Майор Кортни указал номер телефона в колонке объявлений газеты «Таймс». Почему вы не позвонили?

Она продолжала стоять к нему спиной.

– В колонке объявлений?

– Вам было страшно?

– Да, – тихо ответила она, на этот раз повернувшись. – Мне было страшно. – Сейчас она выглядела некрасивой, неуклюжей. Она опустилась в единственное в комнате кресло, заскрипевшее под тяжестью ее тела. По ее лицу Шон представлял себе, какой Ева станет лет через десять. Уже сейчас она не первой молодости. Примерно моего возраста, подумал Шон.

– Объясните мне, что произошло с Олафом... в Норвегии во время войны? – Она рассматривала свои руки, большие, сильные, квадратные руки крестьянки. Но держала она эти руки как женщина, которая никогда не работала. Повернула их к себе ладонями, посмотрела на них.

– Ничего особенного, – сказал Шон. – Просто люди, которым он верил, его предали.

Она тихонько вздохнула.

– Это еще мягко сказано. Вы можете понять, почему я боялась... за него и за себя? Это вы понять можете? – Она смотрела на раскрытую книгу у него в руках.

– Не знаю.

– Я только одного хотела: чтобы он был счастлив.

Шону оставалось лишь надеяться, что Олаф так же любил ее. И заботился о ней.

– Я не питала никаких иллюзий, – продолжала она. – Не хотела их питать. Просто любила его. Хотела быть рядом с ним, оберегать его. Заботиться о нем. – Ее лицо стало снова красивым; казалось, она держала в руках что-то ценное, нуждавшееся в защите. – Не хочу, чтобы марали его имя. – Она посмотрела на Шона с прежней холодной злобой, с такой силой ненависти, которая придавала этому чувству благородство. – Но я не хочу, чтобы его убийцы остались безнаказанными.

Шон молчал.

– Мне наплевать, зачем он это написал, – добавила она. – Мне наплевать, каковы были его мотивы. Знаю одно: если Олаф что-то предпринимал, то не во зло. Не хочу,

чтобы кто-то говорил, будто Олаф сделал это, чтобы быть среди победителей... или и с теми и с другими... или желая расквитаться за бог знает когда случившееся с ним несчастье. Не хочу, чтобы о нем вспоминали как о дешевке.

Ее плечи снова поникли; она сидела, отяжелевшая и некрасивая, в дешевом уродливом кресле с грязной и потертой обивкой – казалось, в таком кресле пружины обязательно продавлены. Неужели теперь любая женщина будет казаться мне уродливой? – подумал Шон. И опустил взгляд на заметки на полях книги, сделанные мелким угловатым почерком. Презрительное разочарование и злость читались даже в аккуратных четких буквах, в нажиме пера.

– Он никогда не говорил вам, почему вдруг изменились его взгляды? Ни разу?

– Мы работали в Хониуэлле, – начала она рассказывать. – Собирали материал для передачи. Выглядело все довольно мрачно. Правда, Олаф не любил цветных. – Ева посмотрела на Шона, ее губы скривились в странную, ехидную усмешку. – А этого же нельзя говорить, верно? Ведь у нас все любят цветных. А вот он не любил. Речь шла не о чем-то личном. Олаф не был лично знаком ни с кем из них. Просто считал, что в один прекрасный день цветные всем нам перережут глотки. Из-за этого и начнется следующая мировая война. – Она сцепила пальцы рук, засмеялась вымученно и резко – так смеется мать, раздираемая злостью и гордостью за «деяния» своего ребенка. – Он мог высказать подобные взгляды на приеме, где было полным-полно черных дипломатов и студентов. Он заводил отвратительные споры, для него это была игра ума, геополитика, *Gotterdammerung*, негры – третьи секретари посольств и китайские студенты, изучающие право, так и подпрыгивали: они готовы были убить его, а Олаф предлагал подвезти их домой, чтобы продолжить спор в машине, и потом удивлялся, что они отказывались. Я уже сказала, он не любил цветных. Не выносил самого факта их существования. Расовая проблема для него представлялась в виде исторических карт, на которых большими выпуклостями изображены перемещения народов. Олаф видел, как эти выпуклости напозаают на Европу, захватывают нас. Цветные никогда не были для него индивидуальностями, личностями. – Ева снова попыталась рассмеяться, откинулась в кресле, тело ее обмякло. Она закрыла лицо руками. – Мне было безразлично, что он думал, что говорил. Я только хотела слушать его. Слышать его голос. – Ева плакала с открытыми застывшими глазами. По ее лицу текли слезы, она вытирала их пальцами, но слезы все бежали из глаз. – Мы возвращались сюда после работы, закрывали дверь, готовили ужин, и мир исчезал – оставались только он и я. Не хочу больше жить. Просто боюсь смерти. Вот если б можно было закрыть глаза и умереть...

– Так что же случилось в Хониуэлле? Почему у него изменились взгляды?

– Олаф понял, что они тоже люди, личности. Понял, что с ними творят. Еще ему что-то сообщил некто Уиллис, это вроде бы окончательно выбило его из колеи. Мне ничего не рассказывал. Просто объявил: «Если только это в моих силах, им не устроить Хрустальную ночь». С того дня он и начал вести записи. – Ева протянула руку за книгой, не глядя ни на нее, ни на Шона. Казалось, каждое слово причиняет ей боль. – Олаф был похож на ребенка. Он играл в какую-то игру, но правила вдруг изменились, и оказалось, что он играет уже в другую игру. Но все равно – в игру. А потом его убили.

Она закрыла глаза руками. Шон увидел, как в безмолвном крике открылся ее рот.

Положил книгу в карман.

– Они пытались найти его записи?

Не убирая рук от лица, Ева кивнула.

– Дважды устраивали здесь обыск. Но искали машинописный экземпляр. Мысль о книге не пришла им в голову. Они только пролистали книги, как вы. Я это знаю, потому что положила между страницами ниточки. Эти ниточки исчезли.

– После того... как Олафа нашли, полиция вас допрашивала?

– Да. В присутствии Обри. Думаю, он сказал им, что Олаф застрелился из-за меня. Полицейские отнеслись к этому с пониманием, его поступок не одобрили. – Она достала носовой платок из рукава крестьянской блузки, вытерла лицо. – На допросе был еще кто-то из военной разведки – по крайней мере Обри так сказал, – некто майор Кэннон.

– Высокий худой мужчина с седыми волосами и маленькими, близко посаженными, очень светлыми голубыми глазами?

– Да, он. Вы его знаете? Он действительно?..

– Он мне известен под другой фамилией, не как майор Кэннон. Что ему было от вас нужно?

– Он сказал, что тут может быть затронут закон об охране государственных тайн. Если Олаф написал мемуары о Норвегии и о войне. Я была уверена, что Кэннону очень хотелось бы заполучить эту книгу. Олаф говорил, что в эту историю замешаны и полицейские, и люди из разведки, и такие, как Обри.

– Он был прав.

– А вы тоже имеете к ним отношение? – Казалось, она смотрела на него издалека – так смотрит самоубийца с вершины утеса, с карниза здания.

– Нет. Но если бы они увидели сейчас вас со мной...

– Я не могла больше жить в этом страхе, – сказала она. – В страхе за Олафа и за свою жизнь. Необходимо было что-то предпринять. Я часами сидела, смотрела на эту книгу, вспоминала, как он писал в ней, и все пыталась решить, что же я должна делать. Бог ты мой, речь ведь идет, конечно, не о долге девочки-скаута и не о гражданском долге. А о том, что я должна сделать в память о нем. – Она взглянула на Шона. – Вы защитите его имя?

– Не думаю, что это понадобится. Но я не забуду вашей просьбы.

– Вы чем-то похожи на него.

– Я надеюсь, что встречу в жизни такую женщину, как вы.

Ева ничего не сказала. Он же попытался представить себе, как мог бы защитить ее. Ему впору себя-то защитить...

– Вам есть у кого спрятаться?

– Со мной ничего не случится, – устало сказала Ева. – Я никому не открою дверь. Сколько времени пройдет, пока... вы закончите свои дела?

Шон подумал о майоре, о больнице. Врач сказал: «Может быть, он доживет до

утра. Может быть, нет».

– Не знаю, – сказал он. – Вы могли бы... – А собственно, что она может сделать? Он попытался убедить себя, что не Ева интересует их, а только книга и то, что она ему рассказала. Шон представил себе, как они будут пытаться выяснить у нее, что она ему рассказала. И как Ева попробует «не открыть им дверь».

Он снова подошел к окну, посмотрел на улицу. Плоская крыша. Толстые водосточные трубы, проложенные в определенных местах под углом, чтобы уменьшить скорость падающей воды. Даже Ева сможет по ним спуститься.

– Вы не могли бы съездить по адресу, который я вам укажу? Отвезти книгу?

Она посмотрела на него, на окно. Ее рот чуть приоткрылся, лицо резко побледнело. Как будто то, что к ней обратились с просьбой, меняло суть дела, превращало все в нечто иное, нечто большее, чем собственное горе и страх.

– Я...

Снизу послышался приглушенный – все-таки несколько этажей – звонок. Шон открыл дверь квартиры, вышел на лестничную площадку, посмотрел в окно, выходящее на улицу. Но козырек крыши над подъездом скрывал звонившего. В двадцати метрах от дома на улице стояла машина. Там были и другие автомобили, но этот стоял против движения; на переднем сиденье виднелись две мужские фигуры.

Шон вернулся в комнату, запер дверь, как можно выше поднял нижнюю половину окна.

– Они на улице, – сказал он. – Ваша дверь их не остановит.

Ева медлила – Шон схватил ее за руку. Он думал, она будет сопротивляться, но Ева безропотно позволила подвести себя к окну. Шон сел на подоконник, помог ей перелезть через него. На какую-то долю секунды он почувствовал тепло ее тела – он крепко держал ее. В глазах Евы читался сильный испуг, лицо побелело, осунулось. Он крепко взял ее за запястья. Она перебросила ноги через подоконник и повисла на его руках, оказавшись на удивление тяжелой. От страха у нее перехватило дыхание. На лестничной площадке уже слышался звук шагов. Шон изогнулся, опуская ее все ниже, пока ноги Евы не оказались в нескольких сантиметрах от плоской крыши.

– Отпускаю, – прошептал он.

Ева попыталась вцепиться в него, но пальцы соскользнули, и ее рот открылся было в крике ужаса. Ручка входной двери повернулась, на дверь со всей силой надавили – дерево треснуло. Раздался женский крик:

– Да что же вы делаете?

– Заткнись! – резко оборвал крик мужской голос, и на дверь снова надавили.

Ева лежала на битумной крыше. Шон перекинул ноги через подоконник, секунду, чтобы не свалиться, балансировал на узком гранитном выступе, пытаясь левой рукой нащупать нижнюю часть рамы, а правой, прижатой бедром, держась за каменную стену. Наконец он поймал край скользящей оконной рамы, потянул ее, насколько мог, вниз, высвободил правую руку. На секунду ему показалось, что он повис в пустоте – окно закрылось, и Шон полетел вниз.

Он приземлился на ноги, потерял равновесие, чуть было не свалился во двор. Над головой его с треском вылетела входная дверь. Он подтолкнул Еву, снова схватил за запястья, практически перебросил через край крыши, обвив ее руками водосточную трубу.

– Обхватите трубу коленями.

Шон крепче прижал руки Евы к трубе и отпустил ее. До земли было метра четыре. Где-то в середине труба делала изгиб, прерывая прямое скольжение. Ева, крепко держась за трубу, вскрикнула и заскользила вниз. Она упала спиной на чахлый лавровый куст. Шон, перебирая руками, тоже спускался. Тут оконная рама над ними с треском распахнулась. Но труба шла под таким углом, что из комнаты никто не мог увидеть Шона. Он достиг земли, посмотрел на шевелившуюся Еву – она, кажется, вот-вот закричит. Шон закрыл ей рот ногой, пытаясь не причинить боли, почувствовал, что она сопротивляется, нажал сильнее, услышал, как треснула ветка куста, зашелестели листья – Ева не хотела лежать спокойно. Но тут до нее все дошло – она как в камень превратилась. Над их головами переговаривались мужские голоса. Шону показалось, что он узнал голос человека, который бил его в туалете гостиницы «Дилижанс».

– Видишь кого-нибудь?..

– Там плоская крыша...

– Окно было закрыто...

Раздался звук открываемого шкафа, снова женский голос, мужчина ответил, что они полицейские. Послышался грохот передвигаемой мебели. В окне никого. Кто-то пересек комнату, откуда-то из глубины дома раздался протестующий крик. Смотрят ли они сейчас в окно? Ждут, не покажется ли кто-нибудь внизу? Но если б им пришлось в голову, они бы бросились за ними... Шон вдруг осознал, что продолжает давить ногой на рот Евы, убрал ногу, одной рукой помог ей подняться, а другую держал наготове, чтобы зажать ей рот, если она попытается заговорить. Он сосчитал до десяти, потом еще до пяти.

– Бегите к стене, – сказал он. – А теперь перемахивайте.

Он встал на колени, обхватил руками ее ноги, с силой подсадил на стену. Опять эта мягкая женская плоть, не созданная для подобных походов. Такие женщины должны готовить, рожать, нежно любить. Шона захлестнуло сознание, что он творит зло – как было с Уилфридом, худеньким, как спичка, мальчишкой, который шепотом рассказывал ему о всяких мерзостях, как будто сплетничал о своих школьных делах. Ева почти перелезла через стену.

– Держитесь крепче, – прошептал Шон, услышав крик из окна. Он схватился за край стены, перепрыгнул через нее, бросился бежать. Ева еле успевала за ним. Они оказались в садике, более ухоженном, чем предыдущий. Грядка салата, грядка лука, душистый горошек, розовый куст, газончик с чахлой травой, посыпанная гравием дорожка. Деревянные ступеньки вели в пристройку, где помещалась кухня и хранился уголь. Шон распахнул дверь, увидел мужчину, изобразил на лице извиняющуюся, умоляющую и заговорщическую улыбку. Перед ними стоял бородач – на толстом носу гурмана роговые очки, на рубашку надет фартук в цветочек. Бородач помешивал что-то на газовой плите длинной деревянной ложкой.

– Черт вас побери, что вы тут...

– Муж не вовремя вернулся, – объяснил Шон, втаскивая Еву за собой, подталкивая ее через кухню.

Бородач перестал помешивать, содержимое кастрюли убежало на плиту. Кухня наполнилась паром, шипением, запахом подгоревшего карри.

– Боже мой! – заорал бородач, схватил кастрюлю и обжегся.

Шон, подталкивая перед собой Еву, бормоча извинения, открыл дверь, и они оказались в неубранной спальне: раскрытая постель, носки на полу, на проигрывателе пластинка с оперой «Дафнис и Хлоя».

– Сволочь! – разорвался бородач. – Ты же испортил мне обед, ты, проклятый бабник... ой, палец!

Шон захлопнул дверь. Они очутились в прихожей, куда через витраж во входной двери пробивался свет; все пространство здесь занимала вешалка, состоящая из зеркал и оленьих рогов. Шон и Ева выскочили из дома, сбежали по каменным ступенькам на тихую улицу с чугунными оградами и живыми изгородями – здесь сдавали комнаты respectableм и солидным людям. Шон повернул направо, таща за собой Еву, – она не сопротивлялась, пыталась бежать сама; каблуки ее скользили, стучали по тротуару, как маленькие молоточки, она прерывисто дышала, тяжело висела на руке Шона. Впереди ни одного переулка – свернуть некуда. Две машины у тротуара, баки для мусора, кошка, перед дверьми приготовлены для молочника пустые бутылки. На соседней улице кто-то прогревает двигатель машины. Они продолжали бежать. Далеко впереди – переулок. Оттуда выскочил мужчина, который устремился к ним размашистым спортивным бегом. Как форвард-регбист во время тренировочного забега на короткую дистанцию.

Он увидел Шона и Еву, и плечи его словно стали шире, рот ощерился в улыбке, похожей на оскал собаки, которая видит кошку, бег стал короче и быстрее – он явно ожидал, что эти двое подожмут сейчас хвост и, как беспомощные кошки при виде собаки, прижмутся к стене. Шон отпустил Еву; продолжая бежать, он раскачивал корпус то вправо, то влево. Мужчина, несущийся навстречу, повторял его движения, как в зеркале. Их разделяло три, два, один метр – мужчина уже вытянул руки, чтобы схватить Шона одной и ударить другой. Это был тот самый парень, который бил его в туалете. Шон рванулся вперед, пригнулся и, напружинив тело, бросился в ноги преследователю. Почувствовал удар в бок – «спортсмен» споткнулся, одна нога зацепилась за другую, он нырнул вперед, казалось, на мгновение застыл в воздухе и, перелетев через Шона, в метре от Евы врезался в тротуар, проехался по нему лицом, ударился плечом о каменный выступ, завертелся у ног Евы, попытался было подняться, но плечо и левая рука подвели его, и он упал снова.

Шон вскочил на ноги, руки саднило после падения, казалось, несколько ребер сломано, дыхание было затрудненным и неглубоким. Он подошел к лежавшему – тот посмотрел на Шона: кожа с одной стороны лица содрана, рот искажен в злобной гримасе боли, зубы в крови, ноги прижаты к груди для удара. Шон поймал его за ногу, вытащил на середину улицы, ударил по затылку. Тот замер на мостовой; из-за угла с визгом выехала машина. Шон потащил за собой Еву, они побежали, увидели слева проулок, свернули туда.

Взглянув через плечо, Шон увидел, как машина резко объехала лежащего, ударила колесом о тротуар, с рычанием помчалась за ними – два колеса на тротуаре, два на мостовой. Он почувствовал ее приближение, когда они добежали до поворота в проулочек. Там стояли мусорные баки, Шон пустил их по улице, они покатались, рассыпая мусор. Впереди открылась другая улица – пятьдесят метров, тридцать, двадцать; за ними послышался топот. Шон оглянулся, увидел, как мужчина прыгнул через катящийся бак, неправильно рассчитал его высоту, зацепился, растянулся на мостовой. За ним показались еще двое, потом третий. Шон и Ева выскочили из проулочка на улицу с интенсивным движением. Пробежали мимо магазинов, мимо очереди на автобус – один автобус как раз отъезжал от остановки, – мимо машин, стоянки такси. Шон поднял руку – такси занято, второе и третье – тоже. На них оглядывались, Шон перешел с бега на быстрый шаг, обнял Еву за талию, поддерживая ее. Люди все равно продолжали оглядываться.

Седоусый мужчина с зонтиком остановил проезжавшее мимо свободное такси. Шон оттолкнул его, открыл дверцу, втолкнул Еву внутрь.

– На Кенсингтон-Хай-стрит.

Он видел, как первый преследователь, черноусый мужчина с лицом вояки, выскочил из проулочка. Человек с зонтиком, остановивший такси, пытался возражать.

– Два фунта сверху за скорость, – сказал Шон.

– Извините, начальник, – обратился таксист к седоусому и бросил машину в поток транспорта. – Куда на Хай-стрит, майор?

Шон наклонился вперед.

– Сначала поедем через Сохо. Про Кенсингтон забудьте. – Через окошечко в стеклянной перегородке, отделяющей шофера, он сунул таксисту два фунта. – Если за нами будет хвост, постарайтесь оторваться. Это ревнивый муж, я ему совсем не нравлюсь.

– Как скажете, майор. – Два фунта исчезли.

Сзади четверо преследователей пытались поймать такси. Шон видел, как они остановили машину, набились в нее. Они вдруг показались ему персонажами кинокомедии. Шону захотелось рассмеяться, но он понял, что у него совсем плохо с нервами – если засмеюсь, не смогу остановиться. Он закрыл лицо руками. Руки дрожали. Ева, прикрыв глаза, полулежала, глубоко и редко дыша, в углу, куда он не то втолкнул, не то швырнул ее.

– Послушай, – обратился к ней Шон, схватил за плечи, встряхнул. Таксист наблюдал за ними в зеркальце, и Шон нежно улыбнулся Еве, будто говорил, что любит ее больше всего на свете. – Я отправлю тебя к своему другу. Он лежит в больнице в очень тяжелом состоянии, тебе скажут, что к нему никого не пускают. Но ты обязана увидеть его, ты его дочь, понятно? Увидишь его. Передашь книгу. Скажешь, что в ней. Если он под наркотиками, сиди у него в палате, пока он не придет в себя.

А если он вообще не придет в себя? – подсказал Шону разум. Вдруг он уже умер? Таксист назвал меня «майором», словно ответственность за все легла теперь на мои плечи. За что – за все? Что делать дальше? Сражаться против того, чего не понимаешь, но что, судя по всему, является вполне официальной операцией, осуществляемой

самим Управлением? А Брайс? Альберт? Хониуэлл? А почему бы и нет? Официальные операции не обязательно осуществлять чистыми руками в духе того, чему учат бойскаутов, и по правилам маркиза Куинсберри¹⁸. Хотя, судя по рассказам, маркиз не был паинькой бойскаутом.

Жизнь – это заговор, говаривал Никколо. Постарайся стать его участником. Зачем сражаться с ветряными мельницами, если туда можно залезть и украсть зерно? Другое такси следовало за ними. Они объехали вокруг Кембридж-сёркус, въехали в Сохо. Шон постучал в стеклянную перегородку.

– Я выйду у следующего светофора. Даму отвезите в Ричмонд, на Brentwood-роуд. Там есть больница святого Луки. Будьте любезны, проводите ее в здание. Видите в зеркальце такси, едущее за вами? Я выскочу, попытаюсь его задержать. Если оно все-таки поедет за вами, постарайтесь оторваться. Даме дайте номер своей машины – через пару дней вам пришлют десять фунтов. – Шон надеялся, что его голос звучит убедительно. Он откинулся на сиденье, прошептал Еве фамилию майора, еще что-то, касающееся его. На всякий случай дал фамилию Маргарет, ее домашний телефон. В десяти метрах впереди зажегся красный свет; от такси преследователей их отделял фургончик для доставки товаров, въехавший в транспортный поток из переулка.

Шон подождал, пока зажегся желтый свет, сжал локоть Евы, приоткрыл дверцу. Такси двинулось, и он выскочил. Увеличивая скорость, мимо промчался фургончик, с ревом понеслись машины по встречной полосе. Он встал перед такси с преследователями, махнул рукой водителю, за спиной которого видел четверых мужчин. Черноусый, второй громада из гостиницы «Дилижанс», двух других он раньше не встречал. Таксист, выпучив глаза, затормозил. Шон подошел к окошку, где сидел водитель.

– Я из полиции, – сказал он. – Четверо ваших пассажиров – преступники. Отвезите их в Скотланд-Ярд. – Таксист смотрел на него, разинув рот. Со стороны, где стоял Шон, начала открываться дверь. Ударом ноги он захлопнул ее.

– Э-э, – запротестовал таксист, – ты ж по моей машине лупишь!

– Быстро в Скотланд-Ярд, – сказал Шон. – Это приказ. Я реквизирую ваше такси.

Двое вылезли из машины с другой стороны.

– Черт возьми, что все это значит?

Шон увидел, как такси с Евой остановилось у следующего светофора, метрах в сорока. Он открыл дверцу водителя, нащупал под приборной доской провода зажигания, оборвал их. Мотор заглох. Шофер схватил Шона за руку – похоже, его вот-вот хватит кондрашка. Двое обходили капот, задняя дверца снова приоткрылась. Шон бросился в поток транспорта, чуть не попал под грузовик, проскочил между двумя такси, выскочил на противоположный тротуар. Все преследователи и таксист вылезли из машины. «Полиция!» – орал таксист, потрясая кулаками. Его лицо побагровело, он все еще не мог поверить в то, что произошло и происходит. Четверо преследователей разделились. Они не погнались за Шоном, а перекрыли оба конца короткой узкой улочки. Один из них жестом подозвал к себе таксиста, но тот был настолько разъярен,

¹⁸ Составитель правил бокса.

что не заметил этого, а бросился за Шоном.

Такси с Евой уехало. О чем она сейчас думает? «Держи вора!» – орал таксист. Прохожие начали оборачиваться, один или двое побежали, большинство же просто глазели, смеялись, в изумлении следили за происходящим. Это была улочка зевак и празднующихся: рестораны, мелочные лавочки, продуктовые магазинчики, стрип-клубы, книжные лавки, торгующие порнографическими изданиями. В дверях смуглые мужчины поджидали клиентов. Мимо шли подростки в синтетических прозрачных плащах и расклепанных брюках. Три девицы и два сутенера спорили по-французски. В воздухе стоял запах чеснока, жареных кофейных зерен, выхлопных газов, французского табака; китайский ресторан, окошко в стене, окруженное фотографиями толстушек в перьях.

– «Сансет-стрип» – самое откровенное шоу в Лондоне, фантастические красотки – всего за один фунт, всего один фунт, сэр, – уговаривал небритый мужчина в окошке.

Двое преследователей приближаются спереди – один по одной стороне улицы, второй по другой. Двое надвигаются сзади. Да еще таксист. Нет, уйти не удастся. Шон повернулся к окошку, достал из кармана брюк фунт стерлингов. Небритый протянул ему карточку члена клуба, и Шон спустился по темной узкой лестнице в черноту, пахнущую пылью, потом, тальком, мышами. За спиной он услышал крик таксиста: тот не желал платить фунт и пытался прорваться бесплатно.

Раздвинув пыльную портьеру, Шон прошел в крошечный зал со сценой.

– Прошу вас, пять шиллингов, если вы не давний член клуба, – сказала ему небольшого роста женщина в красном свитере. Он заплатил, стал осматриваться в поисках запасного выхода. Бар, за стойкой блондинка и двое мужчин пьют пиво. Сбоку ряды кресел. Сцена. Чтобы увидеть сцену, надо повернуться спиной к стойке. Девица заканчивала свой номер под барабанную дробь с пластинки. Занавес закрылся. Запасного выхода нет. Есть ли он за кулисами? По крайней мере здесь будут свидетели, может, удастся обмануть преследователей, выскочить на улицу.

Шон сел на свободное место в дальнем ряду. Зал был наполовину пуст. Когда закрылся занавес, он только это и разглядел. Чуть освещена стойка бара. Тени – мужчины – усаживаются поудобнее в креслах, вытягивают ноги, вздыхают. Их в зале человек двадцать. Заполнен лишь первый ряд вдоль небольшой сцены. Человека два стоят в проходах между креслами, ждут, когда освободятся места в первом ряду.

Продолжая кричать, по лестнице в зал спустился таксист. Двое мужчин, сидевших у стойки, двинулись к нему. Как только таксист миновал портьеру, они взяли его под локти, подняли и понесли его вверх по лестнице. Через несколько секунд появились четверо преследователей, заплатили каждый по пять шиллингов. Один остался у портьеры. Трое подошли к стойке, выстроились вдоль нее. Блондинка предложила им пива. Они взяли бутылки, отодвинули стаканы. Похоже, блондинка перепугалась. Вернулись двое вышибал. Черноусый, стоявший у портьеры, поговорил с ними, они встали рядом, принялись шарить глазами по немногочисленным зрителям.

Шон почувствовал озноб и тошноту. Попытался убедить себя: то, что произойдет дальше, уже не имеет значения. Он сделал все, что мог, – отослал Еву; когда его схватят, она будет на полпути в Ричмонд. Шон нащупал в кармане монеты, зажал их между пальцами, наподобие кастета. За занавесом, на сцене, унылый мужской голос

объявил:

– А сейчас перед вами выступит... несравненная Дорита, прямо с Гавайских островов.

Снова барабанная дробь, занавес раскрылся. Крупная темнокожая женщина в одеянии из синтетической травы завертела бедрами. Мужчины в первом ряду наклонились вперед. Все они были на удивление молоды. Виднелась лишь одна лысая голова. Двадцатилетний парень ел бутерброды, которые доставал из чемоданчика искусственной кожи.

Бедра колыхались, раскачивались, широкая юбка из травы с шорохом соскользнула вниз – под ней оказалась юбка поменьше, открывавшая взгляду обнаженное тело. Черноусый увидел Шона и начал продвигаться к нему. Остальные тоже придвинулись ближе, но черноусый поднял руку, останавливая их, достал из нагрудного кармана белый носовой платок, показал его Шону. Тот кивнул – черноусый, улыбаясь, пошел к нему по ряду. У него были некрасивые мелкие, редкие зубы, волевой уродливый рот. Он сел через кресло от Шона, наклонился к нему. Под нарастающие звуки гавайской гитары, лившиеся с истерзанной пластинки, упал травяной лифчик, и парень, прекратив уничтожать бутерброды, судорожно перевел дух.

– Давайте выйдем на улицу, поговорим, – предложил черноусый, слегка гнусава. Австралиец? Южноафриканец?

– А мне здесь нравится, – сказал Шон. – Такая артистическая атмосфера.

У мулатки был огромный бюст. На лице – скука и наглость. Бедра ее ходили взад и вперед в такт музыке, как будто она хотела таким путем сбить кого-то с ног. Она сбросила и короткую юбку, повертела ее на длинном черном пальце. Лысый зритель положил голову на край сцены – лысина его блестела, словно огонь рамп, – уставился на огромную массу шоколадной плоти над ним. Влажные глаза лысого были полны печали и желания.

Парень откусил от очередного бутерброда. Занавес закрылся. Раздались жиденькие аплодисменты. Мужчины в первом ряду заерзали в креслах, завздохали. В маленьком зале снова стало темно.

– Зачем упрямитесь? – проговорил черноусый. – Вы даже не понимаете, в какую попали историю. Ваш же начальник приказал вам кончать это дело. Будьте благоразумны, и мы постараемся сделать так, что у вас не будет неприятностей из-за того, что уже случилось.

– А сейчас перед вами выступит... несравненная Ивона, прямо из веселого Парижа.

Занавес открылся, появилась красотка в черном парике и черном атласном платье с разрезом сбоку. Зазвучала песенка: «Не важно, что ты делаешь, важно – как». Девушка на сцене извивалась. Мужчины в первом ряду смеялись.

– Предположим, я все брошу? – спросил Шон.

Черные усы придвинулись ближе.

– Можно ведь по-дружески договориться. Билет в какую-нибудь приятную страну, пару тысконок. Все будет зависеть от определенных обстоятельств.

– ...важно – как»... – Девушка на сцене сделала непристойный жест в сторону зала.

Зрители захихикали. Потом она дернула молнию на своем блестящем платье, выскользнула из него.

– От каких же обстоятельств?

– От того, что вы уже успели натворить.

Девушка принялась расстегивать лифчик. Шон услышал сзади шорох, полуобернулся. Его ударили бутылкой чуть выше правого уха. Потом еще раз. Он увидел белые груди девушки – они вдруг вздулись, достигли фантастической величины: он начал сползать вниз между ними, в нос ударил запах пота, мышьяка, талька, пыли. Он задышался.

– Это наш друг, – пояснил кому-то черноусый. – Просто хватил лишнего. Сейчас отвезем его к жене. – Он подмигнул блондинке-барменше, которая видела удары бутылкой, положил на стойку пятифунтовый банкнот. Барменша запихала его за вырез платья, наклонилась куда-то под стойку. Двое молодых людей взяли Шона под руки, подняли, понесли из зала.

– Шшшшш, – шикнул на них лысый зритель, еще несколько человек оглянулись. Девушка на сцене, сидя на мягком стуле, обитом выцветшим кретоном, снимала черные чулки. Оглянувшиеся были зрители снова повернулись к сцене и, затаив по инерции дыхание, смотрели, как чулки сползают по бледным дряблым ногам. Парень дожевывал бутерброд с ветчиной, негромко рыгнул, покраснел.

– Раз-два, взяли! – скомандовал капитан Робертсон, подправил костяшкой пальца свои черные, блестящие, как у крота, усы, властно кивнул двум вышибалам, которые в нерешительности продолжали стоять, загораживая дорогу, у черной портьеры. Те отодвинулись. Небольшая процессия прошла мимо них, двинулась вверх в кромешной тьме к прямоугольнику пыльного вечернего света. Ноги Шона волочились, стучали по ступенькам. Тем, кто его нес, приходилось идти боком, и один чуть не упал. Он перелетел через мусорный бак во время погони и теперь прихрамывал. Высвободив руку, он со злостью сверху как молотком ударил потерявшего сознание Шона.

– Прекратить, – приказал капитан Робертсон. – Возьмите его за ноги.

Третий громила – тот, что бил Шона в гостинице «Дилижанс», – подымался по лестнице задом, прикрывая отход на случай возможных осложнений. Но ничего не произошло. Музыка на заезженной пластинке достигла апогея, кружевные трусики упали на пол, и мужчины увидели то, за что платили фунт при входе и еще пять шиллингов за то, что числились членами клуба.

Капитан Робертсон жестом остановил такси. Остальные стояли в дверях клуба, поддерживая Шона. Человек в окошечке демонстративно смотрел в другую сторону. Такси подъехало, двое впихнули туда Шона под сочувственный смех любопытных и их громкие замечания в адрес выпивох. Таксист был воплощением скуки. Человек в окошечке успокоился на глазах. Капитан Робертсон влез в такси, захлопнул дверцу. Четвертый спутник незаметно перешел на другую сторону улицы – посмотреть, как будут развиваться события, и только потом сел в машину.

Спустя две минуты шофер первого такси, багровый от злости, вернулся в клуб с полицейским. Его машина все еще неподвижно стояла посередине узкой улицы, автомобили объезжали ее как могли.

– Спокойно, спокойно, – говорил очень молодой полицейский. – Что произошло, почему такой шум?

Но оказалось, все в порядке. Ни в клубе, ни на улице никто ничего и никого не видел. Ни таксиста, ни бегущего человека, ни его преследователей, ни драки, ни того, как таксиста выкинули из клуба. В зале внизу раздевалась негритянка, полицейский стал красным, как свекла, подумав, что сказала бы его мама, поделись он с ней увиденным. Негритянка еще несколько ночей снилась ему, полицейский дергался во сне, пока мама не стала вливать ему инжирный сироп в молоко с кукурузными хлопьями.

Никто ничего не видел. Полицейский пригрозил таксисту вызовом в суд за организацию затора в уличном движении и помог откатить машину в переулок.

18

Они лежали на широкой постели, почти не касаясь друг друга. Рэнделл наблюдал за Бабеттой в зеркалах – сначала в одном, потом в другом. Он нашел в шкафу пару высоких черных сапог мягкой кожи и заставил ее надеть их. Сам Рэнделл в китайском халате Бабетты лежал как мандарин на шелковом покрывале и подушках. Когда Бабетта смотрела на него краешком глаза, она видела, что Рэнделл пристально смотрит на нее, его змеиный рот слегка шевелится, он то и дело быстро смачивает губы языком.

Рэнделл заставил ее лечь на живот, погладил по голой спине, провел рукой по краю высоких кожаных сапог. Но близости между ними не возникло – ей было холодно и страшно.

– Теперь-то мы повеселимся, – тихо произнес он. Его рука ласкала Бабетту. Она закусила шелковое покрывало, чтобы не закричать.

– Успокойся, расслабься, – прошептал он. Рэнделл гордился своей способностью расслабляться в любых обстоятельствах. «Оставь меня на полчаса в покое, – часто говорил он, – я посплю двадцать пять минут и проснусь свежим, как будто спал всю ночь. Весь секрет в полном расслаблении». Оливер Рэнделл гордился многими своими способностями: умением обращаться с машинами, женщинами, собаками, подчиненными. «Все они очень похожи друг на друга, – говаривал он. – Они должны знать, кто их хозяин». Гордился Рэнделл и своими способностями психолога: «Важно не то, что ты делаешь с человеком, а то, что, он думает, ты собираешься сделать, чтобы сломить его. На Кипре...»

Двумя пальцами он ущипнул Бабетту за ногу – она попыталась высвободиться. Рэнделл удержал ее, не поворачивая головы, не сводя с нее взгляда в зеркале. Он думал о Кипре – как там все случилось; о пленном, который не хотел говорить. Пришлось убить на этого пленного всю ночь – зато какого результата он добился. Самая прекрасная ночь в его жизни – хоть это и Кипр. Интересно, продержится ли Шон Райен всю ночь? Рэнделл сильно в этом сомневался.

– Власть – странная штука, – сказал он. – Люди ничего в жизни так не хотят и ничто их так не пугает, как власть, когда они ее получают. Или могут получить. Только страх перед властью и охраняет демократию. Ничего больше. – Рэнделл ласкал

теплое тело Бабетты, прохладную кожу сапог, холодный металл молнии. – Только страх стать хозяином. А вовсе не количество голосов на выборах и не записанные в конституции права. Народу нужен хозяин. Чтобы людям говорили, что надо делать. Чтобы они чувствовали себя спокойно. – Его взгляд был устремлен в зеркало, на белое тело Бабетты, испещренное тенями. Но видел Рэнделл будущее, в котором он не побоится стать хозяином. Настоящим хозяином. «Генерал Кромвель», один из тех, кто может носить любую маску, играть в британского де Голля или в Франко, Салазара, а если кто захочет – то почему бы и нет? – в британского Гитлера или в Муссолини, порожденных хаосом и крахом, который надвигается на Англию. При необходимости этому можно и помочь. С помощью безработицы, нищеты, банкротств, невероятно уязвленного тщеславия, жесточайшего комплекса неполноценности, тоски по безвозвратно утерянному. По этой формуле создаются диктаторы – подобно тому как джинны возникают из дыма. Один из них может быть в маске. А он, Рэнделл, будет стоять за их спиной. Его руки ласкали, сжимали, гладили Бабетту.

Рэнделл ждал телефонного звонка от капитана Робертсона – тот мог позвонить в любую минуту, чтобы сообщить о своем успехе или провале. Но Рэнделл не позволял ни этому ожиданию, ни Бабетте влиять на плавность его жестов, на взгляд, на размеренность дыхания, на частоту пульса. Ничто не могло повлиять на его нервы и частоту пульса. Они подчинялись его биоритму – как струны скрипачу. Ничто не могло повлиять на них извне. Ведь это он разработал операцию «Хрустальная ночь».

«Все очень просто, – сказал он, когда в первый раз объяснял смысл операции. – Цветные иммигранты – это для нас евреи. Если нам понадобится козел отпущения, он уже есть. Нищета, безработица, нехватка жилья, заразные болезни, прогнившая мораль, проституция, изнасилования – все можно валить на них. К тому же эти цветные – шпионы, пятая колонна всей жуткой, надвигающейся на нас массы африканцев и азиатов. Такое специально не придумаешь. Когда мы решим всерьез двигать дело, начнем погром. Нам не понадобится убивать много цветных: уличные хулиганы-любители dokonчат за нас. Последует такая паника, что, если мы сделаем все как надо, меньше чем через неделю будет образовано национальное правительство и объявлено чрезвычайное положение. Тогда «Генерал Кромвель»...»

Люди, которым он это объяснял, ужаснулись до глубины души. А через месяц поручили Рэнделлу разработать подробные планы операции под кодовым названием «Хрустальная ночь». Разумеется, на случай чрезвычайных обстоятельств, которые могли возникнуть в весьма далеком и маловероятном будущем, если бы, например, английское правительство – самостоятельно или вместе с Организацией Объединенных Наций – вздумало применить вооруженную силу против Южной Африки. В этом случае предполагалось организовать расовые волнения одновременно в Хониуэлле, Пэддингтоне, Ноттинг-Хилле, кое-где в Бэйсуотере. Хотя это и выходило за рамки полномочий и осведомленности Оливера Рэнделла, но подобные планы разрабатывались и для других городов – таких, как Ковентри и некоторые районы Бирмингема.

Люди из «Фонда треста», в общем, не собирались претворять эти планы в жизнь. Они были не из тех, кто думает о неприятных последствиях своих чисто теоретических разработок. Ведь хозяева трущобных домов вовсе не хотят, чтобы крысы кусали детей их жильцов. Когда же это случается, они приходят в такой ужас, что не желают об этом слышать.

Подобную щепетильность проявлял и «Фонд треста». Его организаторы и слушать бы не стали про трущобы, хотя некоторые из них владели значительной недвижимостью, которую только под большим нажимом они признали бы «несколько запущенной» – просто «она ждет реконструкции». Большинство членов «Фонда треста» вложили свои капиталы не в трущобы, а совсем в другое: в южноафриканское золото, родезийский хром, замбийскую и катангскую медь, или в одну из отраслей промышленности, или в монополии, работающие на сырье, которое добывают в Африке.

Другие вложили деньги в нефть и морской транспорт. Некоторые пришли в промышленность с командных постов в вооруженных силах, и все члены «Фонда треста», военные и штатские, поддерживали тесные связи и прекрасные отношения с влиятельными лицами в правительстве и министерстве обороны как люди богатые, солидные, влиятельные. Поэтому-то и вошли они в «Фонд треста». Кое-кто из них одновременно были членами парламента, высшими государственными чиновниками или армейскими офицерами. Все они, без исключения, участвовали в «Фонде треста» по более чем понятным соображениям.

Можно сказать, эти люди страстно верили в Англию, в английский образ жизни. Под этим они понимали свой собственный, весьма цивилизованный и, пожалуй, дорогостоящий образ жизни. Они верили также в ряд других, более расплывчатых и идеализированных ценностей, крайне далеких от их собственных интересов: в британского рабочего и врожденную порядочность нижестоящих классов, когда те не развращены профсоюзными активистами, материализмом и разными вредными идеями. Члены «Фонда треста» действительно не хотели, чтобы какие-то их действия причинили зло хотя бы единой живой душе, ну а если уж по недоразумению или злой воле судьбы подобное случается, об этом не надо думать. В конце концов, зачем размышлять над тем, что уже произошло: ничего тут не поделаешь, тем более что никто этого не хотел. Подобные дела лучше поручать людям другого круга. Например, Рэнделлу. Ну и скотина же, должно быть, этот малый, коль скоро он придумал такую операцию, как Хрустальная ночь. Даже подумать страшно. Не дай бог когда-нибудь этот план осуществить.

В Хониуэлле сигналом к началу погрома должно было стать изнасилование и убийство неграми белой девушки. Оливер Рэнделл погладил ноги Бабетты и улыбнулся в зеркало. Бабетта и будет этой белой девушкой. Конечно, с одной стороны, жаль терять Бабетту, у него были совсем иные планы на ее счет, но, по здравом размышлении, так будет лучше всего. Она слишком много знает. Зазвонил телефон. Рэнделл дождался, пока он даст три звонка, и снял трубку, прислушиваясь к своему дыханию и сердцебиению, не прекращая поглаживать Бабетту.

В Женеве Эдвард Брайс распаковал свои вещи, сел на край постели и уставился в пустоту. Раздвинь он занавески, Брайс увидел бы озеро, фонтан и вдали горы, находящиеся во Франции. Но занавески были задернуты, словно могли отгородить его не только от швейцарского пейзажа, но и от леденящего ужаса.

У Брайса вспотели руки, он медленно, методично вытер их о штанины брюк. Внезапно его пронзило чувство одиночества. Он почувствовал себя бесконечно одиноким. Не только без Нелли. Но и без Бабетты. Он сам не смог бы объяснить, кто ему нужен. Ему пятьдесят три года, у него двести тысяч фунтов, которые можно

спокойно взять из банка, но в мире нет человека, к которому он мог бы без опаски, дружески подойти и запросто поздороваться. Он более одинок, чем узник в одиночной камере, – от такой несправедливости Брайс заплакал горячими слезами.

Раздался негромкий почтительный стук в дверь. Брайс вышел в крошечную прихожую гостиничного номера и замер. Сердце бешено заколотилось. Ему стало трудно дышать, спокойно произносить слова.

– Кто там? Я сейчас очень занят, – прошептал он.

– Мистер Брайс? – раздался мягкий, вежливый, с иностранным акцентом голос. – Не могу ли я поговорить с вами – ровно одну минуту.

От такого вежливого обращения мистер Брайс приободрился. Но терять бдительности все же не хотел.

– Уходите, – уже более решительно сказал он: страх почти прошел, он почти взял себя в руки. – Я же сказал, что сейчас занят.

– Но мне необходимо поговорить с вами, – мягко настаивал голос. – Я из полиции. Сами понимаете, простая формальность, которой нельзя избежать.

Мистер Брайс закрыл глаза, прижал толстенькие ручки к сердцу. По его лицу текли слезы, он подумал о Нелли. Она никогда, никогда, никогда не помогала ему. Брайс открыл дверь, и молодой человек в темном костюме ободряюще улыбнулся ему, не выразив никакого удивления при виде слез.

– Я совсем ненадолго задержу вас, – сказал он. Теперь иностранного акцента почти не чувствовалось, но, терзаемый мучениями, мистер Брайс не уловил этого изменения в голосе вошедшего. Он сделал шаг назад, боком прошел в спальню. Молодой человек вежливо проследовал за ним, порылся во внутреннем кармане, вытащил бумажник, какой-то документ. – Служба иммиграции, – сказал он. Спрятал бумажник, достал один из тех сложных портсигаров с зажигалками и часами, которые девушки дарят знакомым молодым людям. Открыв портсигар, он протянул его мистеру Брайсу.

Игла с цианистым калием вонзилась мистеру Брайсу в шею, в отвислые складки кожи и жира. Он потянулся было к горлу, решив, что его ужалило какое-то насекомое. Но рука, еще не поднявшись и наполовину, утратила силу. Эдвард Брайс начал оседать как мешок, на лице его, уже принявшем багровый оттенок, отражалось удивление. Молодой человек убрал портсигар, постоял, наблюдая за мистером Брайсом. Убедившись, что тот мертв, он начал неторопливый и методичный обыск комнаты – ящики шкафов, чемоданы, карманы мистера Брайса, карманы одежды, висящей в шкафу.

Через десять минут убийца вышел из гостиничного номера, повесил на дверную ручку табличку «Не беспокоить», спустился вниз по лестнице. Никто не заметил, как он поднялся наверх. Никто не заметил, как он спустился вниз. Через час молодой человек сидел в экспрессе, мчавшемся в Берн, откуда на другом поезде он отправится в Цюрих, а оттуда на самолете в Лондон. Мистер Брайс остался лежать в гостиничном номере там, где упал, – лицо и шея у него побагровели. Комнату наполнял приторно-сладкий запах.

крышами – на фоне яркого вечернего неба – вырисовывались верхушки мачт. Пролетела чайка, крикнула два раза, села на край крыши. Машина приблизилась к раздвигающимся воротам – их открыли изнутри. Она въехала в склад, и ворота закрылись. Водитель выключил двигатель, автомобиль на собственном ходу докатился до угла почти пустого склада. Сторож шел за машиной. Когда она остановилась, он помог пассажирам вытащить Шона.

Они положили его за большим пустым ящиком, приподняли ему веки, проверить, жив ли. Убедившись в том, что он жив, и в том, что он, слава богу, еще не пришел в себя, водитель отогнал машину к воротам, сторож открыл их – машина уехала. Капитан Робертсон с одним из своих людей и сторожем стали ждать Рэнделла.

Они успели выкурить по сигарете и закурить по второй, когда тот приехал. Шон лежал на цементном полу склада, пытаюсь вспомнить, что случилось, где он. В складе было темно, но свет фонарика, направленный ему в глаза, привел его в чувство. Однако приходил он в себя настолько медленно, что сразу заметить это было невозможно: когда через несколько секунд Шон чуть пошевелил головой, люди, стоявшие над ним в темноте, закуривали сигареты и ничего не видели, ослепленные вспышкой спички.

Он лежит на твердом полу, вокруг стоят люди. Их трое. У стены. Нет, это не стена, а ящик. Большой ящик. Шон вспомнил такси. Он ехал с кем-то в такси. С Евой Ланд. Потом пустота. Он попытался воссоздать случившееся. Неужели они схватили его? С ним произошел несчастный случай? Теперь болела не только голова, но и шея, которую свело судорогой при мысли о несчастном случае.

Где-то высоко над ним шел разговор.

– Он явится с минуты на минуту.

Сторож отошел к воротам, чтобы послушать, не подъезжает ли машина. Шон ощутил соприкосновение его ботинок с цементным полом. Ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не шевельнуться, не проронить ни звука. Рядом с ним стоят двое. Может быть, здесь есть и третий, и четвертый, которых он не видит, потому что они с другой стороны? Шон прислушался к голосам.

– Ящик для инструментов подойдет. Не доверяю я мешкам. И цепи еще понадобятся.

– Надо мне, наверное, его связать.

Стоявший рядом пнул Шона ногой в бок, наполовину перевернув его. Шон заставил себя остаться расслабленным, тяжелым. Человек убрал ногу, тело снова обмякло.

– С ним все в порядке. Вот-вот приедет капитан.

В машине, на которой Шона везли сюда, его не связали, опасаясь, как бы любопытный пешеход, полицейский или водитель остановившейся рядом у светофора машины не заглянул на заднее сиденье. На такси они приехали к Шону на квартиру. Оттуда на его машине – на склад. «Ягуар» найдут пустым по дороге в аэропорт. Все личные вещи и одежду Шона вынесли из квартиры. Они были уложены в два чемодана, тоже принадлежавшие Шону и стоявшие по другую сторону ящика. Он исчезнет незаметно, как многие другие.

Окурок описал короткую дугу в воздухе, упал на пол – его затушили ногой. За ним последовал второй. Двое мужчин разговаривали шепотом, тени их легли на ящик. В темноте вспыхнула спичка. Шон почти совсем закрыл глаза, оставив лишь узенькую щелочку для наблюдения. Сильное, гладкое, жесткое лицо, будто отлитое из бронзы. Черные усы. Белая сигарета. Лицо второго скрывала темнота. Черные усы, белое пятно сигареты. Клуб! Вот теперь, когда он начал вспоминать, что случилось, все стало иначе. Как будто в него влились свежие силы. Он попробовал сжать в кулак левую руку. На секунду испугался, что не сможет этого сделать. Но пальцы двигались. Шон разжал их, вдавил в цементный пол. Почувствовал пыль, каменную крошку, шершавую поверхность. Очень медленно и осторожно он напряг мышцы сначала одной, потом другой ноги. Ни в коем случае не выдать себя звуком, движением, участвующимся дыханием.

Вдалеке раздался шум автомобильного мотора. Потом похожий на барабанную дробь треск открывающихся ворот. Пол заходил ходуном, и это оглушило Шона, нарушив его способность мыслить. Треск прекратился, урчание мотора приблизилось. Опять треск ворот. Тени отделились от ящика, двинулись по направлению к работающему мотору. Шон лежал не шевелясь. Надо что-то предпринимать. Он способен был совершенно ясно мыслить, двигаться, ничто не мешало ему. И однако же, нет сил. Надо подождать еще секунду – пусть отойдут подальше. Пусть прекратятся шум, треск. Но ведь это глупо. Надо сейчас что-то делать. Но сил нет. Он мог только лежать на полу склада. Ну хоть еще одну секунду.

Шон подтянул ногу, вжал обе ладони в пол. Он боялся боли. Знал, что она придет, и она пришла, как приступ тошноты, как удар током. Он снова расслабился, подумал, что, наверное, лучше вот так лежать и позволить им убить себя, чем испытывать эту боль. Треск ворот прекратился; слышались голоса, звук открывшейся дверцы автомобиля. Шон заставил себя собраться – никогда раньше он не подозревал в себе таких сил, – перекатился на живот, прижался к полу лицом, руками, коленями. С другой стороны ящика приближались голоса, среди которых он узнал голос Рэнделла.

– Можно сказать, я с некоторым нетерпением и удовольствием жду этой встречи. Мне никогда не нравились ирландцы.

Кто-то засмеялся. Шон встал, почувствовал такое головокружение, что чуть не упал, и удержался, лишь упершись обеими руками в пол. Его окружали тени, еще один ящик, какая-то машина, похожая на огромную раму для сушки белья, сделанную из железных брусьев и шестеренок. Шон ухватился за железный брус и за ящик, встал между ними. Увидел груды старых автомобильных шин. Трактор. Штабель лесоматериалов.

Он зашел за штабель, прижался к нетесаному дереву. Его глаза постепенно привыкали к темноте: Шон различал светлое дерево, железную стену склада, которая, казалось, состояла из угловатых теней, отбрасываемых рамой. Среди этих теней выделялась одна, прямоугольная, – дверь. Шон осторожно скользнул к ней. Взялся рукой за стальную ручку. Голоса за кучей металлолома стали громче, раздался крик. Темноту разрезал луч фонаря, заметался по сторонам. Осветил штабель древесины, шины, трактор, упал на стену, двинулся в сторону Шона. Он повернул ручку, пытаясь открыть дверь, хотя уже понял, что дверь заперта и не откроется.

Луч фонаря нащупал Шона, скользнул по его плечу, как огромный мягкий

волосатый золотистый паук, высветил лицо и шею. Шон метнулся в сторону, бросился было бежать, но запутался ногой в мотке проволочного каната, взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, не удержался – упал. От удара о цементный пол у него перехватило дыхание. Кто-то прыгнул ему на спину, придавил обоими коленями, ударил кулаком по шее и так заломил его левую руку назад, что Шону показалось: вывихнули плечо.

– Поставьте его на ноги, – скомандовал Рэнделл.

Чьи-то руки подняли его, свет фонаря, как паук, легко пробежал по лицу, ослепил; Рэнделл неодобрительно буркнул:

– Какой суетливый парень. Отведем его на корабль и выясним, чего он так суетился.

Те же руки повернули Шона, в замке заскрежетал ключ, в помещение ворвался дневной свет. Шон увидел каменный мол, железнодорожные пути, брусчатку, а над всем этим и высоко над водой темным утесом возвышался проржавевший корабль; на палубу вели сходни. Шон открыл было рот, чтобы закричать, – сторож мгновенно заткнул его кепкой вместо кляпа. Она пахла машинным маслом, потом – сшитая из толстого ворсистого материала кепка чуть не удушила Шона, так глубоко ее зачихнули. Шон в панике попытался наугад ударить своих мучителей ногами.

– Не бить по голове, – сказал Рэнделл.

Шона ударили фонарем в поясницу, грубо схватили за штаны, понесли по сходням, по палубе, шаги эхом отдавались от железа. Где-то далеко, на Темзе, свистнул буксир. Открылась еще одна железная дверь – они оказались в рубке на главной палубе, прошли через другую дверь в большой салон – очевидно, раньше здесь была офицерская кают-компания, пока с корабля не начали снимать все, что можно продать с аукциона: столы, стулья, медные детали.

Шона швырнули на пол. В углу валялась бухта каната – Рэнделл поднял ее, завязал петлю. Канат был достаточно толстый и гибкий. Рэнделл принялся раскачивать петлю перед лицом Шона.

– Можно поиграть в повешение, – сказал он. – Очень хорошая игра. – И, отвернувшись от Шона, приказал: – Выньте кляп изо рта. – И, снова обращаясь к Шону: – Может быть, соблаговолите мне рассказать, какими делишками вы занимались последние двадцать четыре часа?

Шон молчал. Рэнделл раскачивал петлю, улыбаясь тонкими губами, его маленькие, как у змеи, жесткие, близко посаженные к тонкой переносице аристократического носа глазки сверкали. Аристократический профиль был еще одним предметом гордости Рэнделла. Его дед работал садовником в герцогском поместье в Йоркшире, и самыми первыми воспоминаниями Рэнделла были бесконечные оранжереи, каменные балюстрады, парковые насаждения. В глубине души Рэнделл лелеял уверенность, что парк по праву принадлежит ему – хотя бы на том основании, что как-то его бабка уступила домогательствам хозяина, лорда Рэтклиффа. Он сузил глаза, качнул петлей так, что она задела лицо Шона. Качнул еще раз – петля упала Шону на голову. Один из подручных немного приподнял плечи и голову Шона – петля скользнула вниз.

Рэнделл затянул канат на его шее.

– Ну что?

Шон продолжал молчать.

– Ты все нам расскажешь, – сказал Рэнделл, – и, честное слово, я буду разочарован, если это произойдет слишком быстро. Не спеши.

Рэнделл затянул петлю так, чтобы она не причинила особой боли, нагнулся, сделал другую. Шона приподняли, затянули вторую петлю на плечах. Третью – на локтях, четвертую – на запястьях и так до тех пор, пока не спеленали его, как труп в парусиновом саване, который собираются похоронить в море.

– Снимите с него ботинки и брюки, – приказал Рэнделл.

Двое схватили Шона за ноги, выполнили приказ. Шон лежал на холодном железном полу, полуголый, беспомощный. Странно, беспомощный мужчина становится еще беспомощнее, когда он без брюк. Рэнделл посмотрел на него сверху вниз, несильно ударил ногой в пах. По его глазам видно было, что он часто прибегал к таким приемам, знает, какое это возымеет действие.

В углу бывшей кают-компании Рэнделл поднял железную полукруглую скобу с двумя кольцами на концах. Их соединял тяжелый болт, намертво вкрученный в одно из них.

– Видишь? – спросил Рэнделл. – Я всегда люблю объяснять людям, что с ними будет. Мне кажется, так получается гораздо увлекательнее. – Он смаковал слова; глаза сузились, стали как острие ножа – Рэнделл словно хотел вонзиться в мозг Шона, отыскать там страх, сделать его более жутким. Так всадник, ведущий шагом заарканенного, необъезженного, разгоряченного мустанга, разговаривает с ним, показывает хлыст, уздечку, седло. Рэнделл провел языком по губам, почувствовал капельку пота на верхней губе, втянул ее в себя.

– Видишь, как ходит болт? Эту штуку вполне можно приспособить как тиски, верно? Хочешь закручивай, хочешь раскручивай. Понятно тебе, грязный ирландский террористишка?

Шон все равно молчал, и Рэнделл сильно ударил его ногой в бок.

– Скажи, что ты все понял, Райен. Мне бы хотелось думать, что тебе это небезразлично.

Азы такого метода Рэнделл познал еще в школе, где с ним учился еврейский мальчик, которого в классе не любили. Однажды, в течение длинного субботнего вечера, Рэнделл понял суть наслаждения, которое приносит ощущение полной власти над человеком, над его телом и духом, понял, как легко заполучить такую власть, как другие боятся обладать ею или ее использовать. И очень радуются, когда кто-то все за них делает. Стоило ему один раз показать, что он готов как угодно издеваться над еврейским мальчиком и мучить его, остальные охотно помогли. Это отвечало общему желанию. Они стали командой. А команда начинается с капитана.

Он снова ударил Шона ногой.

– Скажи, что тебе все понятно.

– Я понимаю.

Рэнделл еле слышно выдохнул воздух: первый этап пройден. Если заставить человека хоть что-то сказать, он довольно скоро расскажет все. Надо, чтобы он повторил за тобой какие угодно твои слова. «Говори, что вы, евреи, не такие, как все». Через час мальчик кричал: «Да, да, да, евреи убили Христа, грязные, проклятые евреи убили Христа». Потом было какое-то расследование, но директор школы сам не очень-то любил евреев, и скоро родители тихо забрали мальчика из школы. За два года до этого они бежали из Германии и не хотели поднимать шума.

Двое, державшие Шона за ноги, одобрительно и с нетерпением смотрели на Рэнделла. Капитан Робертсон, творивший то же самое с африканцами, придерживал голову Шона, прижав палец к его верхней губе, профессионально оценивая выражение глаз пленника. Когда все начнется, сначала будет тихо, затем последует истерический отказ говорить, а потом ирландец сломается. По расчетам Робертсона, это произойдет через полчаса.

– Прекрасно. Рад, что ты все понимаешь, – сказал Рэнделл. – Потому что я намерен использовать этот неподходящий инструмент, чтобы тебя кастрировать. Если я сейчас закручу болт, можешь представить, что произойдет. – Рэнделл осторожно повернул болт. Шон почувствовал боль. Рэнделл открутил болт и убрал скобу. – Боюсь, будет много крови.

Шон почувствовал, что его тошнит. Закрыв глаза, но капитан Робертсон большими пальцами поднял ему веки.

– Даю тебе на размышление несколько минут. Пока мы снесем тебя вниз. – Рэнделл встал, двое его подручных подняли Шона за ноги, тогда как голова его осталась лежать на полу. – Мы спустимся в машинное отделение, где я предоставлю тебе единственную возможность спастись. Я хочу точно знать, что ты делал последние двадцать четыре часа. С кем встречался. Что рассказал этим людям. Что они рассказали тебе. Если расскажешь все подробно, очень откровенно и правдиво, может быть, мы закроем глаза на это небольшое недоразумение. – Он поднял скобу, уронил ее на пол сантиметрах в тридцати от глаз Шона. Железо ударилось о железо – Шону показалось, будто ему воткнули в череп нож и повернули его там.

Двое подняли Шона за ноги, взвалили себе на плечи и понесли головой вниз, как мешок.

В машинном отделении эхо отзывалось по-другому – громче, глуше: помещение было гораздо просторней, чем кают-компания. Голова Шона лежала на узенькой перемычке, огороженной металлической решеткой от пропасти в восемь-девять метров, на дне которой горами вздымались двигатели, поблескивали огромные поршни, клапаны, извивались блестящие медные и стальные трубы.

– Перекиньте его через решетку, – приказал Рэнделл.

Шона подняли, на секунду он застыл в воздухе: на ноги между коленями и щиколотками накинули петлю, столкнули с мостика – Шон повис головой вниз, раскачиваясь, извиваясь, глядя сначала в переборку, потом в пустоту, в девятиметровую пропасть. Метрах в трех над собой он видел склонившиеся к нему смеющиеся жуткие перевернутые лица. Улыбаясь, смотрел вниз Рэнделл, словно отражение в луже, где вместо воды – мрак. По мере того как канат опускали ниже и ниже, маятник с Шоном на конце раскачивался все шире и все медленнее. Машинное

отделение поворачивалось, переворачивалось, вертелось на дюжине разных осей. Шон задел о что-то головой – к счастью, вскользь, изогнулся в воздухе, качнулся обратно, ударился плечом о какой-то выступ, его отбросило метра на полтора в пустоту, он завертелся волчком, почувствовал, что канат начал разматываться, петли вокруг щиколоток и пояса ослабли.

У Шона высвободилась рука, он инстинктивно схватился за одну из труб. Он ничего не видел, голова еще кружилась, его тошнило, но рука вцепилась в трубу, канатные петли, не оттягиваемые весом тела, ослабли еще больше. Люди, опускавшие его, хоть и смотрели вниз, но не смогли разобраться, что произошло: они забыли, что Шон будет связан, только пока натянут канат. Он высвободил вторую руку, дернул за канат. Петли свалились к его ногам, но одна обмоталась вокруг горла, а в этот момент наверху поняли, что происходит, и принялись тянуть канат вверх. На какую-то долю секунды петля застряла у него под подбородком, потащила вверх, отрывая от труб. Шон просунул под петлю обе руки, сбросил ее, увидел, как канат, словно змея, исчез в темноте.

– Он высвободился, – закричал чей-то голос, потом раздался топот бегущих ног.

– Ах, ты, проклятый идиот! – заорал кто-то другой. Человек-тень, маленький, как летучая мышь, как обезьяна под куполом огромного, похожего на собор машинного отделения, подбежал к лестнице, начал спускаться вниз. Шон скатился с труб, соскользнул на пол, угодил коленом в лужу масла, другим стукнулся о что-то твердое. Полуголый, ноги в крови, голова кружится, тошнит, он не может думать, ничего не слышит. Как хочется лечь лицом вниз – пусть приходят. Он не может больше ни сопротивляться, ни убежать, ни думать. Даже не помнит, почему бежал, дрался, что они хотели от него узнать. А что они хотели узнать? Знай он, все бы им сказал. Надо полежать на железе, подождать их. Они ведь вроде его друзья. И не рассердятся, если он не убежит. Железо было холодным, он чувствовал запах машинного масла. Какой странный запах! Лицом Шон ощущал шероховатости железа. Интересно, откуда они взялись?

Высоко наверху он слышал звук шагов – кто-то спешил по железным ступенькам, спускался вниз, все ниже и ниже, все ближе. Зачем эти люди идут сюда? Далекий голос у него в голове – такой далекий, что Шон еле его расслышал, – произнес: «Беги, проклятый болван, вставай, беги». Шон попытался объяснить голосу, что не может бежать, будет лежать здесь, пока эти люди не придут за ним. Но голос заставил его встать, ухватиться обеими руками за переборку, влезть на привальный брус над ней. Шон подтянулся, увидел перед собой металлическую дверь с висящими задрайками – значит, она открыта. Это противопожарная дверь: в случае пожара в открытом море ее задрайвают и она разделяет части машинного отделения. Шон дернул на себя дверь, упал в проем. Грохот бегущих ног у него за спиной усилился.

– Райен, ублюдок, стой! – крикнул кто-то.

Но он уже закрывал дверь, неловко возился с задрайками, загоняя их в гнезда.

Задрайки закрывались стальным гаечным ключом, висевшим в зажиме у двери. Шон схватил ключ, попытался завернуть первую задрайку. Но преследователи уже добежали до двери и рванули ее на себя: Шон увидел, как задвигалась задрайка, которую он пытался закрыть. Секунду Шон ошеломленно и непонимающе смотрел на

то, что происходит, – мозг его будто превратился в вату. Привалившись к стене, он обеими руками сжимал гаечный ключ. В этот момент дверь открылась, в нее начал протискиваться капитан Робертсон.

Он уже наполовину протиснулся – головой и плечами пролез в низкую, узкую дверь, когда наконец понял, что произошло. Он преследовал Райена, как собака преследует зайца, не думая, что тот может повернуться и пойти на нее. Он видел, как этот ирландец болтался вверх ногами, точно кусок мяса на крюке, точно туша, полумертвый, униженный – еще бы: ведь его, считай, повесили, – как он блевал, извивался; Робертсон видел, как этот Райен шлепнулся вниз, будто мешок с дерьмом, и, качаясь, побежал, перебирая голыми грязными ногами. Такая тварь не может ринуться на своего преследователя. Она должна остановиться и упасть, когда он рывкнет команду своим командирским голосом – она настигнет эту тварь как удар хлыста, опутает ей ноги, свалит на палубу. Такая тварь не смеет сопротивляться. Только протиснувшись наполовину в дверь, капитан Робертсон понял, что ошибся.

Он скосил глаза, увидел Райена, его занесенную руку, полуметровый стальной гаечный ключ. На какую-то долю секунды Робертсона словно парализовало, у него открылся рот – от гнева, не от страха; от наглости этого перевертыша, этого червя. Капитану показалось, будто труп Олафа Редвина поднялся с окровавленной лесной травы и угрожает ему. Его мелкие нездоровые зубы под усами крота обнажились в гримасе ярости. Он раскинул руки – одной хотел ухватиться за косяк для устойчивости, второй попытался достать Райена.

Гаечный ключ ударил капитана Робертсона в висок. Выражение гнева на его лице сменилось удивлением. Райен еще раз ударил – капитан упал лицом вниз, половина тела в одном отсеке машинного отделения, половина во втором. Шон посмотрел на дело рук своих, ударил Робертсона еще раз, выронил ключ – пальцы его дрожали, отказывались повиноваться. Шон не мог удержать ключ.

Послышался топот. Шон ногами выпихнул тело за дверь, увидел на них кровь поверх маслянистой грязи. Отпихнув тело подальше, он с трудом закрыл дверь, задраил ее: ключом так завернул гайки, что просто руками дверь уже не открыть. Потом бросил ключ и, шатаясь, пошел прочь. Сзади кто-то подскочил к двери – Шон слышал голоса, крики, удары по металлу, снова топот бегущих ног.

С этой стороны переборки в машинном отделении было темнее. Лишь в дальнем конце через двери, вентиляционные отверстия и смотровые люки проникал свет. Но здесь, когда он задраил дверь, стало совсем темно. Слабый свет, похожий на светлую пыль, пробивался сквозь тьму – дальше чем на метр-два Шон ничего не видел: тут блеснет сталь, там – медь, гигантские тени мощных двигателей, стальная аварийная лестница уходит во тьму, вверх.

Осторожно перебирая руками, Шон полез по ней. Стальные прутья врезались ему в босые ноги, приходилось держать свой вес на руках. И все время прислушиваться. Он слышал собственное дыхание – у себя за спиной, над головой, – как будто работал какой-то двигатель. Он ничего не видел, зато разум его обрел зрение и видел тянущиеся к нему руки; Райен слышал голоса, топот, шепот, дыхание преследователей. Когда он остановился, чтобы перевести дух, то услышал приглушенный темнотой, металлом и расстоянием стук двигателя, но вскоре понял, что это стучит его сердце. Шон вспомнил другую лестницу. Когда это было? Он не

мог восстановить дату. Телестудия. Все как здесь, очень похоже. Финал этой игры – смерть. Вот это – реально. Его хотят убить. Сердце лихорадочно отстукивало: «Убить меня, убить меня, убить меня». Закрыв глаза, дыша ртом, Шон прислушался, повиснув на руках. Он прижал ухо к лестнице, потом, перегнувшись в сторону, – к корпусу корабля. Все тихо. Шон открыл глаза, посмотрел вниз. Далеко-далеко внизу виднелся вал винта. Падавший откуда-то свет блестел на его отполированном смазанном изгибе, гипнотизировал Шона. Ему хотелось распластаться, разжать руки и полететь вниз. Ничего страшного не случится – он плавно приземлится в темноте на ярко блестящий вал винта.

Почти без сознания, в полудреме, висел он на руках. Тряхнул головой и вдруг почувствовал такую усталость, что руки едва не разжались. Покрытые потом и маслом, они заскользили по пруту, боль в связках, как ножом, полоснула Шона по запястьям. Он заставил себя подняться, ухватиться руками за следующий прут, потом еще за один и еще. Над головой у него вдруг распахнулась дверь, темную пропасть вокруг Шона залил свет, точно луна осветила ночное море, исполосовала черноту серебром. Топот ног и крики раздалась у него над головой. Лестница задрожала, но преследователи уже пробежали дальше.

– Он где-то внизу! Нет... наверху его не может быть, если только нет другой двери...

Снова топот бегущих ног. Шон нащупал рукой перемычку, лег на нее, встал на колени. Услышал, как прямо на него, возвращаясь, крича что-то своему невидимому приятелю, бежит преследователь. Шона словно парализовало, он продолжал стоять на коленях, надеясь, что они не вернуться; он вообще ни о чем не думал, пока лез сюда, где, как ему казалось, его ждет спасение. А может быть, он просто хотел, чтобы его поймали и убили, чтобы покончить со всем этим? Преследователь уже в пяти, трех, двух шагах от Шона, перемычка дрожит, бьет его по рукам и ногам. А он ждет, когда преследователь ринется на него. Сам Шон не в силах ни сопротивляться, ни бежать – он может лишь стоять на коленях и ждать. Он весь покрылся холодным потом, чувствовал, как открывается в крике его рот, чувствовал холодный металл скобы у себя между ног – ему стало жутко, захотелось, не переставая, вопить от ужаса.

И тут его разум, казалось, отделился от тела. Он увидел себя со стороны: скорчившуюся тень на перемычке, бегущего к нему человека, а перемычка как бы далеко внизу, он все видит точно на картинке, точно в телескоп, разум его содрогнулся при виде этой картинке, и Шон подумал: «Если сейчас умереть, я навсегда останусь вопящим от страха трусом». Эта мысль всплыла из глубины его подсознания – так человек узнает места, где никогда в жизни раньше не был.

– Встать! – закричал Шон, но крик отозвался шепотом, еле слышным шепотом: человек, стоявший на коленях на перемычке, его не услышал. – Встать! – Снова шепот, как эхо в пещере. Но стоявший на коленях зашевелился, начал подниматься. А бегущий вдруг увидел перед собой движущуюся тень, понял, что это человек, и инстинктивно рванулся в сторону, чтобы избежать нападения. Ударился бедром о поручень – его отбросило влево. Стукнулся плечом о железную подпорку, в эту секунду поднимающийся Шон ударил его головой в живот. Преследователь, размахивая руками, отлетел в сторону, угодил в проем лестницы и полетел вниз.

Только на полпути он закричал. Потом ударился о вал винта – раздался звук, будто

вниз швырнули мешок с хворостом. Преследователь захлебнулся собственной кровью. Он служил в отрядах «коммандос», отличался поразительным хладнокровием, через две недели он собирался ехать с подружкой в отпуск, в Римини. Шон схватился руками за поручень, стараясь не смотреть вниз.

Осторожно повернувшись, он медленно, на ощупь, пошел к открытой двери, к свету. У двери Шон остановился, секунд двадцать-тридцать постоял, прислушиваясь. Освещенный дверной проем казался ему опасной ловушкой. Где-то там, за дверью, на свету, его поджидал Рэнделл. Шон знал: погибший только что человек – не Рэнделл. Он не видел его лица, не мог сказать, кто это, но ему и в голову не пришло, что это Рэнделл. Шон стоял на перемышке, прислушиваясь, но слышал только эхо крика упавшего и свое дыхание. Он не знал, бьется ли его сердце. Чувствовал, что оно стучит ему в ребра, будто расширяется, будто ему не хватает места и оно старается вырваться из груди.

Взявшись за дверной косяк, Шон с трудом перешагнул через порог. Никого, и Шон прислонился к стене коридорчика, словно этот шаг истощил его силы. Затем он двинулся влево – тоже никого. Из боковых коридорчиков, выходящих на палубу, к реке, к небу, льется свет. Шон дошел до лестницы, поднялся по ней, увидел впереди слева открытую дверь. Заглянул внутрь – кают-компания; сюда его принесли и раздели. Посреди комнаты валяются его брюки, недалеко от них – ботинки и носки. Шон осторожно закрыл за собой дверь, поискал засов. Его не было; Шон заставил себя отпустить дверную ручку, надел на грязные, окровавленные ноги брюки, застегнул их.

Он снова стал человеком, мужчиной, а не обреченной жертвой. Он заставил себя сесть на пол, надел носки, ботинки. Итак, остались Рэнделл и сторож со склада. Двое. Двое других погибли. Он завязал шнурки, встал. Его все еще подташнивало, голова кружилась, в ушах звучал тот крик. Закрыв глаза, Шон увидел разбитую в кровь голову Робертсона, кровь на своих ногах, когда он выпихивал капитана через порог. Зато теперь он почувствовал прилив сил. В углу, откуда Рэнделл взял скобу, валялась еще одна скоба поменьше и железный болт длиной сантиметров тридцать, похожий на укороченный заостренный бильярдный кий, которым соединялись концы скобы. Шон подобрал его.

За дверью кают-компании по-прежнему было тихо. Шон вернулся, взял скобу, вышел в коридорчик. Сейчас он уже ни от кого не бежит. Никто за ним не охотится. Он сам ищет Рэнделла, чтобы убить его. Шон вспомнил лицо Рэнделла, когда тот сунул скобу ему в пах: тонкогубый рот скривился в гримасе удовольствия, глаза сузились и сверкали, как бриллианты, высматривая признаки страха, боли, трусости.

Шон был уже в конце коридора. За полуоткрытой дверью виден ют. Шон остановился, прислушался: внизу закрипела на несмазанных петлях дверь, послышались шаги на нижней палубе – кто-то быстро шел к причалу. Шон снова снял ботинки и двинулся по палубе за тем, кто не видел его. Оказавшись на дальнем конце палубы, он услышал внизу еще чьи-то шаги. И тихий голос – голос Рэнделла:

– Он не показывался?

– Нет. – Сторож. На сходнях. Перекрывает самый легкий путь на причал. Наблюдает за другими выходами. Прислушивается, не раздастся ли всплеск, означающий, что Шон прыгнул в воду с другого борта. Снова шаги – назад, по юту,

затем вверх по трапу, ведущему на главную палубу. Шон двинулся назад, поднялся по трапу на шлюпочную палубу. Там он взял один из своих ботинок и как можно аккуратнее бросил в дальний конец палубы. Ботинок пролетел по палубе метра два, попал в шпигаты¹⁹.

В центре шлюпочной палубы находится палубная надстройка. Когда-то в ней помещались радио- и штурманская рубки. Шон зашел в штурманскую рубку. Отсюда через иллюминатор была видна палуба. Пришлось несколько минут подождать. Затем появилась голова сторожа – очень медленно и осторожно. Значит, Рэнделл поднимается с другой стороны шлюпочной палубы.

Через штурманскую рубку Шон прошел в рулевую, увидел черную занавеску – там когда-то находился радар, – спрятался за ней. Так мальчишки играют в прятки. Он ждал, сжимая в одной руке скобу, в другой – болт. Преследователи почти неслышно появились с двух сторон – сторож находился так близко от Шона, что мог бы учуять его по запаху. Рэнделл и сторож встали посередине рулевой рубки, повернувшись к широкому окну, которое выходило на носовую палубу.

– Зря вы меня сюда позвали, – сказал сторож. – Он уже теперь сбежал через...

– Заткнись, – оборвал Рэнделл. Голос его звучал как-то странно. Они посмотрели вниз с капитанского мостика. Шон неслышно приблизился сзади. Находясь в метре от них, намеренно уронил скобу, хотя и сам не знал, зачем это сделал. Рэнделл и сторож повернулись, столкнулись, слишком близко друг от друга стояли, и Шон скобу, неуклюже ударил сторожа болтом по голове; удар пришелся заодно и по окну, стекло разбилось. Сторож покачнулся, хотел защититься руками, поднял их. Второй удар Шона пришелся по впадине между шеей и плечом. Сторож упал на колени с поднятыми руками – голова свесилась набок, как цыпленок со свернутой шеей. Шон ударил его по голове, повернулся к Рэнделлу.

Серое, покрытое потом лицо Рэнделла ничего не выражало, кроме ужаса: исчезли дешевое актерское обаяние, жестокость, ненасытная жажда власти – все растаяло, как плавящийся воск. Он не сопротивлялся, не пытался бежать. Просто стоял, прижавшись к неразбитой части окна головой и спиной, руками – к панели красного дерева под окном. Шон прицелился пониже, ударил Рэнделла по левому локтю, еще ниже, по правому колену, – нога подогнулась, Рэнделл упал на колено.

– У меня нет пистолета, – дрожащим голосом произнес он.

Шон поднял скобу, вставил болт.

– Знаешь, что я сейчас сделаю?

Рэнделл посмотрел на скобу, на болт, неожиданно бросился в сторону, попытался бежать, но опять правая нога медленно подогнулась под ним, и он оказался на четвереньках, засуетился, заторопился, издавая нечленораздельные звуки, заскреб ногтями по палубе, по двери рулевой рубки, на деревянную палубу капала кровь. Шон догнал его, когда тот дополз до поручней, приподнял, чувствуя, как худое тело Рэнделла извивается змеей под дорогой серой материей.

– Нет, нет, нет! – скулил он.

¹⁹ Желоба для стока воды на судах.

Шон подумал о том, что он делает, попытался оторваться от Рэнделла, отпустить его. Но Рэнделл словно его притягивал. А потом перестал, и Шон отпустил его.

Рэнделл висел, перевалившись через поручни мостика, вытянув руки, хватаясь за пустоту, в отчаянии суча ногами. Все происходило словно в замедленной съемке – Шон смотрел, протянув к Рэнделлу руки, не в силах пошевелиться, закричать. А Рэнделл медленно перевалился через поручни, дрыгая одной ногой, другая волочилась следом, неподвижная от колена и ниже. Дергающееся тело соскользнуло вниз и исчезло. Пролетев метров шесть, оно упало в воду с таким же всплеском, с каким падает тяжелый мусорный бак с отходами корабельного камбуза.

Двигаясь как лунатик, Шон наклонился над поручнем, посмотрел вниз. От того места, где Рэнделл упал в воду, по реке расходились неширокие круги. Большой пузырь воздуха из легких и одежды Рэнделла серебристым шаром всплыл на поверхность, лопнул и исчез.

Шон перевесился через поручень и закрыл глаза. Он пытался что-то сказать, молиться, не зная, молиться ему за себя или за Рэнделла, но ничего не мог произнести, кроме: «Боже мой, боже мой, боже мой». Поверхность воды снова стала гладкой как зеркало, по которому плавал разный мусор, – зеркало неподвижное, красивое; глубоко под зеркальной поверхностью взбаламученный жидкий черный портовый ил облаком укутал Рэнделла, начал засасывать его.

Шон оттолкнулся от поручня, нетвердой походкой двинулся к двери рулевой рубки. Сторож на коленях стоял на палубе, держась руками за голову, ругаясь и плача. Шон прошел мимо – тот съежился. Шон по трапу спустился на шлюпочную палубу, оттуда на главную палубу, по сходням сошел на причал. Если бы с ним сейчас кто-то заговорил, он бы не увидел этого человека, не услышал его слов. Шон обнаружил склад, который Рэнделл давно снял, чтобы хранить там оружие и обделявать другие темные делишки, прошел через него, открыл главные ворота. На улице было все еще светло.

Он увидел машину Рэнделла, заметил свой багаж – два чемодана – там, где их поставил Рэнделл. Шон загрузил чемоданы в багажник. Ключи были в зажигании; он вывел машину со склада, остановился, закрыл ворота и поехал по брусчатке между глухими стенами.

20

Майор Уиллис пришел в себя в сумерках и некоторое время лежал, пытаясь вспомнить, где он и что случилось до того, как он заснул. Ага, тот парень – Николас. Николас-дуропляс. С которым они поддали. Чертовски здорово поддали. Только вот бедняга взял да отключился. Это уже никуда не годится. Нынешняя молодежь никуда, ни к черту не годится. Нет в них стержня.

А потом эта шлюшка. Как она его обнимала, красотка. Как играла с ним по квартире в пятнашки. Ну и красотка, черт побери! Куда же она девалась? Майор сел – верхняя часть головы у него словно бы поднялась в воздух на полметра и опустилась с силой захлопываемой двери. Майору было очень больно, и он прилег, чтобы боль прошла. И ведь совсем голенькая! Черт побери, куда же она девалась?

Он пощупал руками вокруг. Постель – не его. Помягче, да и запах поприятнее. Под головой – бархатная подушка, чертовски здорово. А почему света нет? Он нащупал

рядом с кроватью столик. Лампы на нем нет. Упала на пол пепельница, посыпались спички из украшенного резьбой коробка. Он нашел их, чиркнул одной. Так это же квартира красоти! Он все еще тут. Если повезет, где-нибудь найдется хорошая порция укрепляющего. Он нашел кухню, в ней бутылку виски и принял приличную дозу. Верхняя часть головы майора покрутилась, покрутилась и встала, более или менее, на место.

Одежда вся мокрая. Чертовски мокрая. Наверное, шел дождь. Уиллис разделся посреди комнаты – сбросил с себя все. Кровать была как раз такая, какую прописал доктор, отличная кровать. Майор нетвердой поступью прошел в спальню, руководствуясь скорее инстинктом, чем памятью. В спальне горел свет, на кровати в кожаных ботфортах и кожаной короткой куртке лицом вниз спала Бабетта. Она долго плакала и наконец час назад заснула сном человека, измученного, охваченного ужасом перед настоящим и будущим: Рэнделл, исчезновение Брайса, а вместе с ним и ее капитала; неизвестно еще, что ее заставит делать Рэнделл.

Увидев расprostертую на кровати Бабетту, майор Уиллис решил, что это видение из «Тысячи и одной ночи». Он всю жизнь знал, что такое случается, не может не случиться, и раскрыл объятия, чтобы принять этот дар с восторгом.

– Оп-ля! – воскликнул он и рухнул на Бабетту. Она проснулась, начала сопротивляться, но ей было так страшно, и она была так одинока, что сопротивлялась не очень упорно. А утром они собрали все, что еще осталось ценного в ее и его квартирах, забрали из банка все сбережения майора и первым же самолетом вылетели в Париж. Вечером они были уже в Монте-Карло.

21

День похорон выдался холодным, унылым. Кладбище находилось на вершине холма, над глушью Северного Лондона и графствами, окружающими столицу. Посыпанные гравием дорожки, прямые однообразные ряды могил, кипарисы, словно руки, воздетые к серому небу, на картинах Эль Греко. Рваной вереницей шли они за гробом и священником: домоправительница, которую скорее, чем кого-либо, можно было назвать главной плакальщицей, тяжело дышала после долгого подъема на вершину холма, под правую руку ее поддерживал весьма франтоватого вида усатый племянник в пенсне и котелке. Похоже, он уже знал содержание завещания и был преисполнен решимости проследить за тем, чтобы майора как можно надежнее закопали в могилу.

«Моей верной домоправительнице Джейн-Элисон Макфэрлэйн, если она переживет меня, завещаю мой дом номер семь по Чевел-роуд в Ричмонде, со всей обстановкой, приспособлениями и принадлежностями, которые могут в нем находиться ко времени моей смерти. Далее завещаю...»

Казалось, поддерживавший тетушку племянник пересчитывал в уме пункты завещания. А может, молился. Следующей, в одиночестве, шла Маргарет, за ней кто-то из Управления – скучающий элегантный молодой человек, которого выписал Рэнделл вскоре после того, как стал начальником. Скорее всего – для мебели, ибо этот щеголь никогда ничего не делал. Молодой человек делил свое внимание между рядами могил и Маргарет.

Затем следовал Шон. После смерти майора он едва перемолвился несколькими словами с Маргарет. А умер майор три дня назад. Практически через двадцать четыре часа после того, как Рэнделл утонул под допотопным грузовозом. Майор спорил по телефону с весьма высокопоставленным чиновником, который не желал слышать ни о «Фонде треста», ни о «Теневой армии», ни о зашифрованном донесении Олафа Редвина, ни о Шоне Райене – вообще ни о чем, что могло бы помешать его равномерному продвижению к графскому титулу и спокойной жизни пенсионера в Южной Ирландии, в небольшом особнячке, рядом с ручьем, где водится форель.

«А если я обращаюсь к прессе? – спросил майор. – Не забывайте, мне нечего терять. Я умираю».

Высокопоставленный чиновник пообещал быть в больнице в течение часа. Когда он приехал, майор был уже мертв. Положив телефонную трубку после разговора, он повернулся к Шону и Еве Ланд – лицо его выражало ярость победителя, – сказал: «Со мной так просто не справишься, я еще...» – и застыл, раскрыв рот, – потрясение, удивление, детское непонимание читались в его глазах, майор начал разводить руками, протянул их к Шону и медленно упал на вытертый ковер палаты. Шон поднял его. Тело майора было как тоненькая вязанка хвороста – прах и палочки слоновой кости. Так мучительно больно было смотреть на это мертвое, усохшее и съезжившееся под шерстяным халатом тело, что Шон чуть ли не с ужасом поднял труп, сделал с ним полшага до кровати и положил на нее.

Вошли медсестра, врач. Оба посмотрели на Шона так, будто это он стал причиной смерти майора, и повели себя преувеличенно профессионально, переговариваясь, словно Шон и Ева не существовали, а были призраками. Приехал высокопоставленный чиновник и даже не попытался скрыть свое облегчение от этой новости.

– Тяжелая потеря, – пробормотал он, собрал бумаги, донесение, кое-какие документы с тумбочки у кровати майора, поднятием брови и упоминанием своего поста отбросил робкие сомнения врача. Через пять минут его и след простыл. Он даже не взглянул на Шона, ни словом с ним не обмолвился. Если бы когда-нибудь понадобилось, он бы, не покривив душой, сказал, что не имеет понятия, кто такой Шон Райен.

В последующие три дня произошли определенные события, но Шон ничего о них не знал. Еще до смерти Рэнделла, сразу же после его звонка в «Фонд треста», люди, входившие в эту таинственную организацию, начали отмежевываться от Рэнделла. Если, несмотря на их инстинктивное предчувствие, организация уцелеет, они снова станут во главе ее. Если же она потерпит крах, они будут в безопасности еще до того, как это произойдет.

Но крах большого шума не наделал. Отделение в Хониуэлле, которое создал Эдвард Брайс, а затем совсем для других целей расширил Рэнделл, развалилось. Совершенно другие личности быстро собрали обломки, использовали их в своих интересах. Жильцы в таких местах, как Хониуэлл-роуд, не заметили никакой разницы. Эти люди обречены на страдания, и всякий, кто думал бы, что смерть мистера Феттера, мистера Брайса или даже Оливера Рэнделла может положить конец их плачевному состоянию, был бы слишком высокого мнения о сущности человека.

Мысль о Хрустальной ночи, о погроме цветных исчезла на время из планов «Фонда

треста». Правда, ему эта идея никогда особенно не нравилась, а провал Рэнделла сделал настоящей реорганизацию их рядов, и, следовательно, осуществление этой идеи стало невозможным – по крайней мере на некоторое время. Придется найти другие способы убедить нынешнее правительство не предпринимать никаких ненужных мер в отношении Южной Африки, за которые потом придется краснеть. Очевидно, сделать это будет сравнительно просто.

Тем не менее требовалась весьма широкая реорганизация. Человек, скрывавшийся за таинственным псевдонимом «Генерал Кромвель», получил титул барона и возглавил комиссию по изучению состояния заброшенных военно-морских доков на Дальнем Востоке. Разные люди, считавшие свои связи с «Фондом треста» тщательно скрываемым секретом, с удивлением узнали, что их внезапно перебрасывают из одного угла государственной шахматной доски в другой. «Теневую армию», по существу, вывернули наизнанку и лишили значительных подразделений – все было сделано с той холодной жестокостью, которую контрразведка приберегает для подобных случаев. В результате расправы «Теневая армия» оказалась малоприспособленной для выполнения своих первоначальных задач – возможно, она вообще никогда для этого не годилась, – но для властей предержавших наверняка не представляла теперь никакой опасности.

Что до самого «Фонда треста», об этом власти предержавшие не хотели много говорить. Один наивный контрразведчик, настаивавший на том, чтобы проинформировать о происходящем кого-то на более высоком уровне, получил приказ срочно отправиться к новому месту службы, на Фолклендские острова, куда, как оказалось, его послали на несколько лет.

Ко дню похорон все основные меры были приняты или надежно задействованы, и все те, кому придется где-то объясняться, смогут спокойно сказать, что ничего не произошло. Настало время подумать о мелочах. Таких, как Шон Райен.

Похоронная процессия подошла к могиле, туда опустили гроб. Служители, что несли его, скользили на темно-коричневой земле, которую чуть раньше выбросили, копая. Священник произнес все, что положено. Шон слышал одно слово из пяти: «Прах... земля... на небесах... да возродится дух его...» Домоправительница плакала, племянник стоял рядом, поддерживая ее. Дождь все не начинался.

Ева Ланд уже уехала. К себе в Норвегию – отчасти из-за страха, отчасти из-за одиночества, которое, как она думала, будет не таким острым на родине, куда Олаф хотел поехать с ней. Шон слушал бормотание священника – голос его звучал то громче, то тише – и задавался вопросом, что будет с Евой. Он думал об Олафе Редвине, разочаровавшемся человеке, которого никогда не видел и с которого все началось. Что было в нем, что заставило Еву полюбить его? Шон посмотрел на презрительно выпрямленную спину Маргарет и отвернулся.

Человек, которого он раньше не видел, придвинулся к нему.

– Холодно для июня, – сказал он. Шон посмотрел на него. Ничем не примечательный мужчина в макинтоше. Даже цвет макинтоша невозможно определить – то ли выцветший белесый хаки, то ли плащ был белым, а потом выцвел. И лицо у подошедшего под стать плащу – бесцветное, белесое. Ему можно дать и пятьдесят и сорок лет. – Неприятная погода для похорон.

Священник закончил свое бормотание. Шон наклонился, швырнул на гроб пригоршню земли. Племянник домоправительницы посмотрел на него с осуждающим удивлением. Могильщики принялись за дело. Маргарет вздрогнула и отвернулась.

– Нам бы надо поговорить наедине, – сказал ничем не примечательный человек.

Шон уже повернулся было, чтобы машинально, не думая, последовать за Маргарет. Но голос незнакомца, протянутая к его локтю рука заставила Шона остановиться. Несмотря на невзрачную внешность, у этого человека был на удивление властный тон.

– Не понимаю, о чем нам разговаривать, – сказал Шон. Ему было не по себе из-за того, что он так быстро отвернулся от могилы майора, и слова его прозвучали грубее, чем ему хотелось бы. – Извините, сегодня неудачный день для разговора.

– Я все понимаю, – сказал человек. – Вполне понимаю. Но я вас не задержу. У вас есть... какие-то планы на ближайшее будущее?

Шон молча смотрел на него. Мимо прошли домоправительница с племянником. Домоправительница всхлипывала в черный кружевной платочек. Элегантный молодой человек из Управления осторожно шел к гравиевой дорожке, слегка приподняв штанины брюк, чтобы не испачкать их в грязи.

– Я не... – начал было Шон.

Человек сжал ему локоть.

– Вы совершенно правы, что не строили никаких планов. В таком случае вам ничего не придется менять... Мы... – Он сделал секундную паузу после этого слова, как бы придавая ему вес и значение. – ...Мы были бы рады, если бы вы на некоторое время уехали из Англии.

– Может, вы бы и были рады, – сказал Шон. – Но...

– Вот и прекрасно. Разумеется, вы будете молчать. Как и мы. Нам неизвестно, где находится капитан Рэнделл. Или капитан Робертсон. Честно говоря, мы и не хотим этого знать. Не заставляйте нас слишком быстро это выяснить. Советую вам уехать сегодня же вечером. – Придерживая Шона за локоть, он повел его прочь от могилы, от могильщиков, казалось, без особого усилия довел до гравиевой дорожки, чтобы вместе с остальными проследовать вниз по холму. – Какой великолепный вид, – заметил незнакомец, как будто все его мысли были только об этом. Он сделал еле заметный жест в сторону затянутого смогом Лондона, бесконечно далекой, извивающейся серебристой змеей реки. – Мне кажется, вы приехали на машине капитана Рэнделла? – Он показал на голубой спортивный «мерседес», низкую, мощную, послушную в управлении машину, которая стояла среди других автомобилей у подножия холма.

– Да, – сквозь зубы ответил Шон.

– Думаю, можете продолжать ездить на ней. Разумеется, подальше отсюда. Если сегодня успеете в Лидс и обратитесь по этому адресу, – он вручил Шону конверт, – наш человек завтра проводит вас к самолету, даст документы на машину. И пятьсот фунтов швейцарскими франками. Не возражайте, пожалуйста, мы рады это для вас сделать. Оставьте их себе вместе с деньгами, которые вы, очевидно, взяли у Альберта Феттера. До свидания. – Он ускорил шаг, приостановился, снова поравнялся с Шоном. – Да, вот еще что. Когда придете к себе, чтобы собрать вещи, вы заметите на тротуаре человека в штатском. Не волнуйтесь. Он будет стоять на улице. Если вы,

конечно, выйдете из квартиры не позже чем через полчаса.

На этот раз он уже окончательно ушел. Сел в крошечный автомобильчик, где сидел другой мужчина, слишком мощного телосложения для такой маленькой машины. Они уехали. Мужчина мощного телосложения внимательно посмотрел на Шона, будто хотел в точности запомнить его лицо. Шону стало холодно, безнадежно одиноко. И страшно. Он подумал, что Ева Ланд, наверное, испытывала те же чувства. Подумал было, не попытаться ли найти ее где-нибудь в Норвегии. Она упоминала какое-то название – то ли город, то ли район, Шон точно не помнил. Но отказался от этой мысли, едва она пришла ему в голову.

Еще мгновение он раздумывал, не поговорить ли с Маргарет. Она садилась в машину с элегантным, лощенным, никчемным молодым человеком. Тот посадил ее, демонстрируя свою воспитанность, захлопнул за ней дверцу – Шон так и не смог научиться подобным штучкам. Маргарет со спокойным видом принимала эти знаки внимания – видимо, они доставляли ей удовольствие. Шон почувствовал себя еще более одиноким, отказавшись и от этой мысли.

Он повернулся и решительным, твердым шагом пошел вверх по склону холма, заставив себя не оглядываться на крошечный автомобильчик, выезжавший из ворот кладбища, – пошел туда, где два человека забрасывали землей могилу. Шон постоял, посмотрел на них. Могильщики работали молча; через несколько минут они вытерли лопаты и ушли. Дождь все никак не шел, хотя в воздухе чувствовалась влажность, ощущение это было не из приятных, будто одежда пропиталась потом, а затем пот остыл.

Шону хотелось прочесть молитву в память майора, но все молитвы, какие он знал, казались глупыми и никчемными, вроде тех, что на похоронах читал священник. Он достал из кармана монету. Пенс чеканки 1925 года. С профилем короля Георга V. Каким видел мир майор в 1925 году? Был ли он уже тогда солдатом? Верил ли в Адрианов вал, который такие, как он, призваны были защищать? Верил ли в то, что за этим валом – хаос, а внутри – Сент-Джеймский парк? С няньками, хорошо воспитанными детьми, прирученными утками и отлично подстриженной травой. Вряд ли с такими ограниченными идеалами человек может пройти до конца жизни. Но, возможно, только такие ограниченные люди и могут идти до конца.

Шон швырнул пенс в свежеперекопанную землю, втоптал его туда. Как бы ему хотелось, чтобы и у него тоже были идеалы.

До Лондона он доехал очень быстро. Начался дождь, улицы блестели как серебро, а там, где на них падал свет из витрин магазинов, – как сусальное золото: великолепный, любящий погулять и потанцевать город разворачивался в наступавших сумерках перед его глазами, готовясь к вечеру, когда при ярком неоновом свете начинается главный бизнес – делать деньги на жажде удовольствий; когда телевидение становится реальностью, а камни и деревья в ней сделаны из пенопласта, и стены рушатся, если их ткнуть пальцем; когда за катастрофами следуют рекламные ролики, а красивых героев не убивают; когда маленькие негритята с тонкими, как спички, ножками существуют лишь на фотографиях «ОКСФАМа»²⁰; когда нет людей вроде мистера

---

²⁰ "Оксфордский комитет помощи голодающим" – благотворительная организация с центром в г.Оксфорде.

Альберта, и никто не живет в Хониуэлле, и все едят первоклассные – вкуснятина, пальчики оближешь! – рыбные палочки в кляре на обед и пьют чай с хрустящими бисквитами, желая заморить червячка; когда черный Иисус встречается только на страницах журнала «Ридерс дайджест», а слова «джихад» и вовсе не существует; когда люди вроде майора Кортни становятся предметом шуток, а люди вроде Эдварда Брайса и Никколо – короли. По крайней мере до тех пор, пока все не приберет к рукам «Фонд треста». Или не начнется джихад.

Грязной мишурой проносились за окнами автомобиля улицы, а Шон ни о чем не мог думать, кроме того, что майор погребен под грудой мокрой глины и тело его после смерти стало невесомым прахом. О чем он думал, когда умирал? Что он победил? Что еще возможна победа? Или, может быть, его убила правда? Сознание, что он никогда не победит, что победить невозможно, не стоит даже и пытаться, что его крестовый поход закончился более полувека назад в сражениях у Ипра и на Сомме²¹, а сейчас идет другое сражение, за другие ценности?..

Эта мысль показалась Шону удушающей, как петля, и он понял, что молиться надо о том, чтобы майор до конца остался в неведении, чтобы не умер разочарованным, как Олаф Редвин. Боже, пусть он уйдет с верой в свой вал. Шон почувствовал, что все расплывается у него перед глазами, снизил скорость. Увидев почтовое отделение, он остановил машину, послал телеграмму Никколо: «Вступаю «Общий рынок». Буду субботу. Шон». Затем сел в «мерседес», стараясь убедить себя, что на душе у него стало легче.

Под окнами его квартиры стоял невзрачно одетый здоровяк, весьма неуютно чувствовавший себя под дождем. Когда Шон вошел в дом, он взглянул на часы и перешел через улицу, чтобы укрыться от дождя под деревом. Он был похож на участника похорон больше, чем любой из тех, кто там присутствовал.

Шон поспешно собирался в комнате, которая, казалось, уже принадлежала другому человеку. Носки, галстуки, непрочитанная книга, вчерашняя газета, портсигар слоновой кости с инкрустацией – подарок одной женщины в Багдаде, бронзовая статуэтка обнаженной танцовщицы высотой сантиметров в десять, купленная им в Каире, греческая монета, которую он хранил как талисман, несколько рубашек, второй костюм. Сборы заняли меньше получаса. Шон затянул чемодан ремнями, посмотрел в окно. Здоровяк стоял на том же месте, что и человек «Фонда треста» в то утро, четыре дня назад. Полицейский закуривал сигарету, прикрывая огонек воротником пальто. Закурив, он снова посмотрел на часы и на окно квартиры Шона. Шон отвернулся – ему внезапно стало очень холодно. Надо заставить себя поверить, что они сдержат слово. Скоро ему представится возможность выяснить это.

Шон оглядел комнату – не забыл ли чего? Если решено арестовать его, то где это произойдет: прямо на улице? Или они подождут, пока он доедет до побережья? Шон спустился по лестнице, миновал площадку с телефоном, начал спускаться к выходу. Губы свело, рука настолько не слушалась, что он сначала промахнулся мимо дверной ручки, потом долго с ней возился. Зазвонил телефон. Шон находился в доме двадцать три минуты.

---

²¹ Наиболее крупные сражения первой мировой войны.

Он поднялся по ступенькам не потому, что думал – звонят ему, а просто чтобы что-то сделать, чтобы взять себя в руки.

– Дом Уинслоу, – сказал Шон. Он находится в доме двадцать три с половиной минуты. Интересно, человек на улице один или с ним полицейские на патрульной машине? Он услышал звук монет, падающих в автомат.

– Это ты, Шон? – спросил голос.

Сначала он ушам своим не поверил: Маргарет? Затем очень холодно произнес:

– Что тебе надо?

– Ты уезжаешь? – быстро спросила она тихим голосом, будто опасалась, что их подслушивают.

– Какого черта спрашиваешь, ты ведь сама знаешь, что уезжаю. Если мне позволят это сделать.

– Позволят, – сказала она.

– Это результат твоих забот? Прощальный подарок?

– Сейчас не время ссориться. – В голосе ее была мольба. – Куда ты едешь?

– Какое это имеет значение?

– Куда ты едешь? – выделяя каждое слово, повторила она со сдержанной злостью.

– В Милан. Не понимаю...

– Я напишу тебе «до востребования». Или ты не хочешь больше у нас работать?

– Иди к черту, – сказал Шон.

Но Маргарет уже положила трубку. Прошло двадцать четыре минуты тридцать пять секунд. Он снова спустился по лестнице, вышел на улицу в серый морозящий дождь. Человек на другой стороне улицы выглядел совсем несчастным. Он проследил за тем, как Шон сел в голубой «мерседес», который с ревом рванулся к шоссе. Когда машина исчезла из поля зрения, полицейский устало поплелся к ближайшему телефону-автомату.

Шон пробился на другой конец Лондона через потоки автомобилей, помчался к побережью. Он непрерывно тихо и зло чертыхался. Главные улицы разных районов оставались позади, мелькали мимо кафе, залы для игры в бинго²², молодые парни, прислонившись к витринам магазинов в тщетной надежде, что должно же что-то случиться, хоть что-нибудь. Лил дождь. Рекламная газетная стойка вопила: «Тото найден». На другой надпись: «Змея звезды обнаружена в туалете на телевидении». На следующей улице Шон прочел: «Англия терпит крах. Поражение в матче по крикету».

Он подумал о майоре, лежащем в сырой могиле, о Рэнделле, погребенном в иле глубоко под водой. Так что же – Рэнделл был против Тото и бинго, а майор защищал их? Это, черт возьми, более чем странно. А против чего боролся и что защищал Олаф Редвин?

Парень и девушка быстро выскочили на мостовую, чуть не угодили под колеса

²² Азартная игра типа лото.

«мерседеса». Длинноволосые, бледнолицые, в джинсах. Не отличить парня от девчонки. Шон вспомнил парочку в закускойной «Уимпи», глаза девушки. Будь все проклято, подумал он. Будь проклята Маргарет. Будь проклята эта сволочная страна. Дорога стала шире, вышла в пригороды, можно было даже подумать, что едешь по деревне. Он нажал на акселератор – машина рванулась на юг, будто почувствовав свободу. Никколо, наверно, получит телеграмму сегодня вечером. Он представил его лицо, карие жесткие глаза, теплую неторопливую улыбку, которая красноречиво, без слов, говорила: «Я знаю все и ни во что не верю». Будь они все прокляты!

Дорога пошла вверх – Даунс. Дождь прекратился. По эту сторону холмов он и не шел: шоссе было сухое. Шон увидел знак гостиницы, едва не проскочил ее, вдруг узнал здание, стоянку, низкую кирпичную стену, по верху которой натянуты декоративные цепи. «Дилижанс». Он сбросил скорость, на секунду у него возникло безумное желание свернуть на стоянку, зайти в гостиницу, спросить у хозяина, не объявлялись ли его дружки. Сжав руль, он промчался мимо. Через полчаса он будет проезжать Лирем. Олаф Редвин. Незадачливый поэт. Незадачливый патриот. Незадачливый заговорщик. Но он по крайней мере пытался что-то сделать.

Будь он тоже проклят. А Маргарет – пусть пишет. Пусть пишет свою слезливую слащавую чушь «до востребования», Милан. Эти письма пролежат там долгонько, пока он на них ответит. Небо на юге было ясное, сине-зеленое, как отражение Ла-Манша. Завтра, если удача не оставит его, он будет на той стороне пролива ехать на юг, к теплу. Там солнце, вино, деньги, женщины, и к чертовой матери все остальное. Особенно Маргарет. Вспомнив о ней, он понял: с того момента, как она ему позвонила, постоянно думает о том, что она ему напишет, что сообщит. Будь она проклята, она и ее холодный, наглый, надменный голос, ее уверенность, что он сделает все, что бы она ни захотела. Интересно, будет ли письмо ждать его в Милане?

Он снова нажал на акселератор. Стрелка спидометра рванулась к отметке «70», максимальному пределу скорости, и далеко за нее. Шон проезжал мимо Лирема, не зная об этом. Справа стояли темные леса, старые красивые деревья, за которыми скрывался невысокий подъем над полями к югу. Это был Гоффский лес. Шон проехал мимо, даже не взглянув на него. По крайней мере письмо-то он может прочесть. Отвечать ведь не обязательно. Но Шон знал, что ответит.